

ЕВРАЗИЙСКАЯ № 5 (24) 2016 АДВОКАТУРА

Издается при содействии Ассоциации
некоммерческих организаций – адвокатских
образований «Гильдия российских адвокатов» и НОУ
ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата»

Журнал основан в 2012 году.
Издается один раз в два месяца.

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук (Список Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ)*

Редакционный совет

Председатель

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва).

Заместитель председателя

ВОЛОДИНА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва).

Члены редакционного совета

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, Советник председателя Государственного агентства по обслуживанию граждан и социальным инновациям при Президенте Азербайджанской Республики, заведующий отделением национального законодательства и международного права Института по правам человека Национальной академии наук Азербайджана, заместитель председателя Конфедерации юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН ЕРП Съеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Воронежского филиала Российского нового университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

ГАЛОГАНОВ Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса факультета государственного управления и права Восточно-Казахстанского государственного университета (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель аналитической службы адвокатской фирмы «Азизов и партнеры» (Республика Узбекистан, г. Ташкент);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Люберцы);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг).

Редакционная коллегия

Главный редактор

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, заведующая отделом научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель редакционно-издательского центра ЕврАзНИИПП;

ПЕТРОВ Дмитрий Вячеславович – руководитель отдела новостей;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – литературный редактор;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – помощник главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель IT-отдела ЕврАзНИИПП.

Учредитель: АНО «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес издателя (юридический): 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф.7

Адрес издателя (фактический): 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24

Адрес редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24

Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия» Управления делами Президента Российской Федерации, 127254, Российская Федерация, г. Москва, проезд Добролюбова, д. 6, стр.1

Сдано в печать: 31.10.2016. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Свободная цена

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210

website: www.eurasian-advocacy.ru **e-mail:** eurasian-advocacy@mail.ru **тел.:** +7917-40-61-340

***The journal is included in the list of the reviewed scientific publications in which the main scientific results
the main scientific results of theses on competition of an academic degree of the candidate of science,
on competition of an academic degree of the doctor of science have to be published***

Editorial Council

Chairman

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, professor, Deserved Lawyer of the Russian Federation, advocate, President of the Guild of Russian Advocates, rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow).

Vice-chairman

VOLODINA Svetlana Igorevna – PhD, associate professor, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates (Russian Federation, Moscow).

Members of the Editorial Council

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Adviser to the chairman of the State agency on service of citizens and social innovations at the President of the Azerbaijan Republic, manager of the National legislation and the International law department of Institute on Human rights of National Academy of Sciences of Azerbaijan, Vice-chairman of Confederation of Lawyers of Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, professor, head of the chair of International and European law of law faculty of the Voronezh state university (Russian Federation, Voronezh);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, professor, vice-rector of Eastern Law and Economy Humanitarian Academy (Russian Federation, Ufa);

GALOGANOV Alexei Pavlovich – LLD, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates, president of Advocacy chamber of Moscow area (Russian Federation, Moscow);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, associate professor, advocate, professor of the chair of Civil law of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, associate professor, head of analytical service of law firm «Azizov and Partners» (Republic of Uzbekistan, Tashkent);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of advocacy and law-enforcement activity of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, professor of chair of penal law and process of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian state university of justice (Russian Federation, St. Petersburg);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, professor, advocate, director of the Institute of Law of the National University «Ostrozhskaya Academy» (Ukraine, Ostrog);

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor, advocate, head of the Center of Research of Problems of Organization and Activity of Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, associate professor, head of the chair of criminal law and criminal procedure of the faculty of Public administration and Law of the East Kazakhstan State University (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES José Noronha – PhD, advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, professor of Law at Azores University (Portugal Republic, Açores, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, professor, assistant of manager chair of judicial authority, law-enforcement and human rights activity of the Russian university of friendship of the people (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, professor, professor of chair of the Theory and History of state and law of the Russian customs academy (Russian Federation, Lyubertsy);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, legal adviser of the program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva);

SINN Arndt – PhD, professor, head of Institute of Economic criminal law and the head of chair of German and European criminal law and criminal trial, international criminal law and comparative jurisprudence of University of Osnabruck, director of Center of the European and international researches of criminal law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

VAN ERP Sjeff – LLM, professor of chair of Civil law and European private law and Head of the Private Law Department of Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of Executive Committee of European Law Institute (Netherlands, Maastricht);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, professor, professor of chair of International private and civil law of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of State Legal disciplines of Voronezh branch of Russian New University (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, professor at the Faculty of Law of University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, advocate, professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, professor, honourable worker of education of Kazakhstan, First Vice-president of International Union (Commonwealth) of advocates, President of International association of advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board

Editor-in-Chief

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – head of the IT Department of EvrAzNIIPP;

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, head of the Department of Scientific Publications;

KULAGIN Alexander Vladimirovich – head of the Publishing Center of EvrAzNIIPP;

PETROV Dmitry Vyacheslavovich – head of the News Department;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – copy editor;

RAGULINA Indira Tagirovna – assistant to the Editor-in-Chief.

ПЕРСОНА

Актуальные проблемы применения судебной экспертизы в производстве по уголовным делам. Интервью с адвокатом, кандидатом юридических наук К.З. Трапаидзе 7

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Багиров А.Р.

Генезис и развитие права на получение юридической помощи 11

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

Агзамов И.М.

К вопросу о действующей редакции ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации 17

Поезжалов В.Б., Линкевич А.Е.

Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации: спорные вопросы судебного толкования 21

Афанасьев М.В.

Предмет преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации 25

Васик Е.А.

Крайняя необходимость: спасение своей жизни за счёт жизни другого человека 29

Алексеевская Е.Н.

Неустранимые ошибки суда с участием присяжных заседателей 32

Позднякова Е.А.

Институт представительства в контексте Кодекса административного судопроизводства 36

Волос Е.П.

Отличительные черты категории «слабая сторона в гражданском правоотношении» 42

Шолохова Е.А.

Банкротство застройщиков как один из способов осуществления прав участниками долевого строительства 48

Толмачев П.А.

Досрочное прекращение договора страхования в случае его заключения физическим лицом совместно с кредитным договором 50

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Серновец М.Н.

Тайны сторожевого контроля (часть вторая) 52

Канатов Т.К.

Общественные организации, осуществляющие защиту авторских прав в Республике Казахстан и странах Евразийского экономического союза 63

Литовкина М.И.

К вопросу о расширении прав в сфере охраны здоровья: конституционный контекст и отраслевое законодательство 67

ПРАВОСУДИЕ И

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Чашин А.Н.

Судебная доктрина как источник (форма) права 70

Полыновский Д.С.

Проблема соблюдения конституционного принципа независимости судей в Российской Федерации 79

Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю.

Некоторые предложения по внесению изменений в Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам ОВД РФ 81

Чернышова Л.В.

Вопросы жилищного обеспечения сотрудников органов внутренних дел 84

Рахимов Э.Х.

К вопросу о структуре договорных связей в системе материально-технического обеспечения МВД России 87

Бакытова М.Е.

К вопросу о процессуальном порядке рассмотрения дел о приобретательной давности в Кыргызской Республике 90

Юсупов Т.Р.

Формы незаконной деятельности в сфере добровольного и обязательного страхования транспортных средств 93

Конюхова А.С.

Правонарушения на воздушном транспорте и юрисдикция государств: компаративистский аспект 97

Васильева М.Р.

Регламентация института отсрочки отбывания наказания в уголовном законодательстве России и государств ближнего зарубежья 105

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Юрьев С.С.

Публично-правовая компания и федеральное государственное унитарное предприятие: сравнительно-правовая характеристика в аспекте предоставления государственных услуг 107

Теплова Д.О.

Конституция России: должен ли совершенствоваться основной закон страны или же его надо просто соблюдать? 112

Ващенко Ю.С.

Этимология правомочий собственности в системе терминов вещного права 118

Барсукова Л.И.

О создании туристской организации в Российской Федерации 125

Чёрная О.О.

Категория «организационно-правовой механизм» в контексте защиты субъектов правоотношений 130

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

Косаренко Н.Н., Квятковский А.В.

Международное регулирование и применение таможенного порядка в Евразийском экономическом союзе 135

Камышевский В.И.

Договор о Евразийском экономическом союзе: выявленные пробелы и способы их нормативного устранения 141

ОБМЕН ОПЫТОМ

Колесников Ю.А., Зиновьев И.П., Киселёва А.В.

Об особенностях рассмотрения судами страховых споров (по материалам Ростоблсуда) 144

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Contents

PERSONA

Urgent problems of application of forensic examination in criminal cases production.
Interview with the advocate, candidate of juridical sciences K.Z. Trapaidze 7

HISTORICAL EXPERIENCE

Bagirov A.R.

Genesis and development of the right to legal aid 11

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

Agzamov I.M.

To a question of the current version of Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation 17

Poezzalov V.B., Linkevich A.E.

Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: the controversial issues of judicial interpretation 21

Afanasyev M. V.

Subject of the crimes provided by Art. 264 and 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 25

Vasik E.A.

Emergency: salvation of the life at the expense of life other person 29

Alekseevskaya E.N.

Ineradicable mistakes of court with participation of jury members 32

Pozdnyakova E.A.

The institution of representation in the context of the Code of administrative procedure 36

Volos E.P.

The distinctive features of category «weak party in civil legal relationship» 42

Sholokhova E.A.

Bankruptcy of builders as one of methods of implementation of the rights by participants of shared-equity construction 48

Tolmachev P.A.

Early termination of the insurance contract in case of its conclusion physical person together with the credit agreement 50

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE

Sernovets M.N.

Secrets of sentry control (part two) 52

Kanatov T.K.

Public organizations for protection of copyright in the Republic of Kazakhstan and the Eurasian economic union 63

Litovkina M.I.

To a question of expansion of the rights in the sphere of health protection: constitutional context and industry legislation 67

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

Chashin A.N.

Judicial doctrine as a source of (form) rights 70

Polynovsky D.S.

Problem of observance of the constitutional principle of independence of judges in the Russian Federation 79

Arutyunyan M.S., Khismatullin O.Y.

Some suggestions for amendments to the Rules of providing social security payments to the purchase or construction of residential premises for the enforcement officers of the Russian Federation 81

Chernyshova L.V.

Questions of housing providing staff of law-enforcement bodies 84

Rakhimov E.Kh.

On the structure of contractual relation in the system of logistics of Russia MIA 87

Bakytova M.E.

On the issue of the procedural order of consideration of cases of acquisitive prescription in Kyrgyz Republic 90

Yusupov T.R.

The forms of illegal activities in the field of voluntary and obligatory vehicles insurance 93

Konyukhova A.S.

Jurisdiction over Air Transport Offences: Comparative Study 97

Vasilyeva M.R.

Regulation of institute of delay of serving sentence in penal legislation of Russia and states of the neighboring countries 105

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE

Yuryev S.S.

Public company and federal state unitary enterprise: the comparative and legal characteristic in aspect of providing the state services 107

Teplova D.O.

Russian Constitution: whether to improve the basic law of the country or whether it should just observe? 112

Vashchenko Y.S.

Etymology of the powers of the property in the terminology of property law 118

Barsukova L.I.

About creation of tourism organization in the Russian Federation 125

Chernaya O.O.

Category «organizational legal mechanism» in the context of protection of subjects of legal relationship 130

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

Kosarenko N.N., Kwiatkowski A.V.

International regulation and application customs order in Eurasian Economic Union 135

Kamyshevsky V.I.

Agreement on the Eurasian economic union: the revealed gaps and methods of their standard elimination 141

EXCHANGE OF EXPERIENCE

Kolesnikov, Y.A., Zinovyev I.P., Kiselev A.V.

About the peculiarities of consideration of insurance disputes (materials of Rostov regional court) 144

ABOUT THE AUTHORS 147

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Интервью с адвокатом, кандидатом юридических наук К.З. Трапаидзе.

URGENT PROBLEMS OF APPLICATION OF FORENSIC EXAMINATION IN CRIMINAL CASES PRODUCTION

Interview with the advocate, candidate of juridical sciences K.Z. Trapaidze.

Визитная карточка

Трапаидзе Константин Заурович – адвокат, кандидат юридических наук, член Адвокатской палаты г. Москвы, Председатель Президиума Коллегии адвокатов г. Москвы «Вашъ юридический поверенный», действительный член Президиума Этического Совета по эстетической медицине России.

Окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) по специальности «международное право».

Стаж работы по юридической специальности – с 1996 года.

Имея высшее медицинское образование, работал в различных структурах органов, осуществляющих судебно-медицинскую экспертизу. Имеет опыт работы в банковских структурах. Занимается преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях. Статус адвоката приобретен в 1998 году.

Занимал пост заместителя председателя Городской коллегии адвокатов Москвы, член Правления ГКА. Юридическая практика Константина Трапаидзе включает ведение уголовных дел особой сложности, в том числе связанных с убийствами, незаконным оборотом наркотиков, обвинениями в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Положительный опыт защиты интересов юридических лиц в арбитражных судах и судах общей юрисдикции позволяет Константину Трапаидзе квалифицированно отстаивать права своих подзащитных. В практике адвоката большое количество успешных дел по обжалованию неправомерных действий должностных лиц, в том числе сотрудников правоохранительных органов, защита бывших сотрудников силовых структур и чиновников высокого ранга.

Константин Трапаидзе обладает не только большим опытом юридической работы, но и богатым жизненным опытом, позволяющим ему находить решение сложнейших проблем. Улаживание конфликтных ситуаций и корпоративных споров на любом уровне, в том числе особо сложных гражданских дел, дел, связанных с наследством и бракоразводных, является одним из ведущих направлений деятельности этого адвоката. В сферу профессиональных интересов и оказываемых услуг входят консалтинг, HR, PR и медиация. В качестве эксперта привлекается ведущими печатными изданиями, радио- и телеканалами.

Константин Трапаидзе является председателем Президиума Коллегии адвокатов. Отличается высоким профессионализмом и ответственным отношением к любому поручению, независимо от ранга и званий своего доверителя или подзащитного. Несмотря на имеющийся профессиональный опыт и знания, тщательно готовится к каждому судебному процессу и в итоге практически всегда добивается поставленной цели в интересах клиента, доверившего ему свою юридическую проблему. Неоднократно награждался грамотами и благодарностями Министерства иностранных дел Российской Федерации, мэрии Москвы, Адвокатской палаты г. Москвы, Коллегии адвокатов г. Москвы.

– Здравствуйте, уважаемый Константин Заурович! Благодарю, что нашли время на интервью. Вначале прошу Вас рассказать о значимости судебной экспертизы как доказательства при производстве по уголовным делам.

– Значимость судебной экспертизы как доказательства в уголовном судопроизводстве вызвана рядом объективных причин. Особое значение для разрешения возникающих вопросов доказывания имеет использование в ходе уголовного процесса специальных знаний, и естественным образом на это влияет развитие науки, техники и других от-

раслей жизнедеятельности людей, причем развитие процессуального положения эксперта не прекращалось ни на одном из этапов его существования. Со времени принятия разъяснений высшего судебного органа страны по вопросам судебной экспертизы в уголовном процессе – Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам» – в законодательстве, регулирующем производство судебной экспертизы, произошли существенные изменения, появились новые актуальные для судебно-экспертной дея-

тельности проблемы, разъяснения по которым были даны лишь в 2010 году в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Знаменательно, что уже в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 указывается на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле.

В данном контексте большое значение имеет правильное применение норм законодательства, регулирующих процесс назначения, производства судебной экспертизы и оценки заключения эксперта.

– Каков порядок назначения экспертизы?

– Признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, а в случаях, предусмотренных пунктом 3 части второй статьи 29 УПК РФ, возбуждает перед судом ходатайство (ст. 195 УПК РФ).

– Каковы основания назначения судебной экспертизы, и какие процессуальные новации имеются применительно к этому вопросу?

– В 2013 году в ст. 144 УПК РФ были внесены дополнения, в соответствии с которыми стало возможным назначение судебной экспертизы на стадии доследственной проверки.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ введена глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Указанным Законом внесены изменения в ч. 1 и 3 ст. 144, ч. 4 ст. 195, ст. 198, п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, которые теперь позволяют дознавателю не только назначать и проводить судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела, получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном названным Кодексом, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, но и не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки со-

общения о преступлении, за исключением отдельных случаев.

– Какие сведения указываются в постановлении следователя или дознавателя о назначении и производстве экспертизы?

– Прежде всего, это фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза. Одновременно в ч. 2 ст. 199 УПК РФ говорится о том, что, получив постановление следователя, руководитель экспертного учреждения (согласно п. 60 ст. 5 УПК РФ это может быть государственное судебно-экспертное учреждение или любое иное) поручает производство экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам и уведомляет об этом следователя.

Несмотря на то, что проведение судебных экспертиз, как правило, поручается государственным экспертным учреждениям, которые их исполняют в порядке служебного задания, сектор негосударственных экспертных услуг сегодня активно развивается. Поэтому в п. 2 дается разъяснение о том, что к иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях.

В части 2 пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывается, на что необходимо обратить внимание при назначении экспертизы, какие документы следует запросить и приобщить к делу в целях подтверждения компетенции лица, не являющегося государственным судебным экспертом (сведения о его образовании, специальности и т. д.). Судебная практика свидетельствует, что в большинстве случаев у сторон не возникает вопросов о компетентности эксперта, работающего в государственном экспертном учреждении.

В случае необходимости информация об эксперте должна быть предоставлена по ее ходатайству стороне, которая может заявить ходатайство об отводе эксперта.

– А указываются ли в постановлении о назначении экспертизы вопросы, поставленные перед экспертом?

– Конечно, они указываются. При этом следует подчеркнуть, что перед экспертом не могут быть поставлены вопросы, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, имели ли место хищение или недостача, убийство или самоубийство). Общеизвестны

рекомендации, касающиеся целесообразности их предварительного согласования с экспертом с учетом имеющейся по делу следственной ситуации. Это касается консультирования о возможностях экспертизы определенного вида, исключения постановки излишних, неактуальных именно для конкретного исследования вопросов, количества и особенностей получения образцов для сравнительного исследования и т. д. Наряду с этим имеют смысл предложения о внесении изменений в ч. 3 ст. 195 УПК РФ: обязать следователя знакомить подозреваемого, обвиняемого, его защитника, а также потерпевшего и его представителя с постановлением о назначении экспертизы до начала ее производства, что целесообразно с точки зрения усиления гарантий обеспечения прав указанных участников уголовного процесса на этапе назначения судебных экспертиз.

– Какие нарушения норм УПК РФ наиболее часто допускаются при назначении экспертиз?

– Одним из часто встречающихся нарушений по уголовным делам является несоблюдение следователями требований ст. 198 УПК РФ, а именно нарушение права подозреваемого или обвиняемого на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы до начала ее производства.

Такое разъяснение соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 20 февраля 2007 г. № 154-О-О. Практика показывает, что довольно часто следователи знакомят обвиняемых и их защитников с постановлением о назначении экспертизы одновременно с заключением уже проведенной экспертизы.

Отмечу, что в постановлении также указываются и материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

– А каким образом определяются вид и объем направляемых эксперту материалов?

– Вид и объем направляемых эксперту материалов определяются следователем. Он устанавливает пределы ознакомления эксперта с материалами уголовного дела. Однако в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ эксперт вправе ознакомиться с иными материалами дела, которые не являются непосредственными объектами экспертизы, но относятся к ее предмету (например, сведения об условиях обнаружения и изъятия вещественных доказательств, способах их упаковки и т. д.).

Следует иметь в виду, что имеют место случаи возвращения прокурором уголовного дела для проведения дополнительного следствия в связи с недостатками при назначении судебных экс-

пертиз, например исследование экспертом в ходе экспертизы материалов, которые следователь эксперту не представлял. В связи с этим заключение эксперта может быть признано недопустимым доказательством.

В распоряжение эксперта могут предоставляться для их исследования различные объекты. Так, ни ст. 199, ни какая-либо иная статья УПК РФ не содержит требований о направлении на экспертизу лишь вещественных доказательств.

– Какие требования предъявляются к материалам, направляемым эксперту?

– Общие требования к материалам, направляемым на экспертизу, можно сформулировать следующим образом: материалы должны быть допустимыми, что означает их получение в порядке, предусмотренном УПК РФ; они должны быть надлежащим образом упакованы и удостоверены; они должны быть достаточны для разрешения поставленных перед экспертом вопросов.

– А как сторона, участвующая в процессе, может выразить несогласие с действиями эксперта?

– В последнее время все большее распространение получает практика обжалования сторонами действий эксперта за рамками производства по уголовному делу, по которому проводилась данная экспертиза, с целью признания этих действий незаконными. Делается это параллельно с еще не оконченным производством по делу, по которому проводилась экспертиза, либо уже после окончания указанного производства, когда по нему вынесено решение судом первой инстанции, а также апелляционной или кассационной инстанции.

Основаниями подачи таких жалоб чаще всего являются оспаривание обоснованности заключения эксперта (полнота проведенного исследования, надежность примененных методик и т. д.), достаточность и качественность представленных эксперту объектов и материалов, его компетентность.

В то же время для разрешения возникающих вопросов доказывания особую роль с учетом реализации принципа состязательности сторон играют доказательства, собранные стороной защиты. Однако при этом до конца не ясно, вправе ли дознаватель, следователь, прокурор или суд признать доказательством указанные документы. Так, нет общепринятого мнения, каким доказательством – заключением специалиста или иным документом (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) – должно быть признано исследование, если на основании поставленных защитником-адвокатом по делу во-

просов, требующих специальных знаний, эксперт по поручению руководителя специализированного экспертного учреждения провел исследование, оформил и озаглавил его как Акт экспертного исследования (указав в нем поставленные перед ним вопросы, представленные на исследование объекты, исследовательскую часть и выводы).

– Каковы общие правила оценки заключения эксперта?

– Оценка заключения эксперта осуществляется по общим правилам оценки доказательств, то есть по критериям относимости, допустимости, достоверности. Выводы эксперта должны логически вытекать из результатов исследования, содержать ответы на сформулированные вопросы.

В случае возникновения трудностей при необходимости устранения недостатков из-за неясности, неполноты, необоснованности заключения или при наличии сомнений в достоверности выводов эксперта одним из средств решения этой задачи является проведение допроса эксперта (ст. 205 УПК РФ). Пленум отметил, что для оказания помощи в оценке заключения эксперта по инициативе суда или ходатайству стороны может привлекаться специалист, который дает разъяснения в форме устных показаний либо письменного заключения (п. 19). Вопрос о возможности привлечения специалиста для такого рода помощи является дискуссионным в юридической литературе, но на практике возражений не вызывает, поскольку специалист оказывает помощь суду в оценке заключения эксперта, что не может не способствовать полноценной реализации принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ).

В ходе допроса эксперт может дать пояснения об избранной им методике исследования, использованных научно-технических средствах, отдельных терминах и формулировках, содержащихся в заключении.

Допрос проводится, если для ответа на возникшие вопросы не требуется проведения дополнительных исследований. В соответствии со ст. 207 УПК РФ при недостаточной ясности и полноте исследования, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела должна быть проведена дополнительная экспертиза.

При этом допрос эксперта не может заменить собой производство экспертизы.

Следует обратить внимание на то, что большое значение имеет правовая позиция Конститу-

ционного Суда РФ, изложенная в Определении от 16 июля 2013 г. № 1112-О, что эксперт обязан отразить в своем заключении содержание и результаты исследований с указанием примененных методик (п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ).

При этом согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования. В то же время положения ч. 2 ст. 207 УПК РФ не обязывают суд в случае возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта назначать повторную экспертизу, а оставляют разрешение данного вопроса на усмотрение суда.

Итак, необходимость в получении квалифицированной помощи в ходе расследования преступлений обусловила особую значимость судебной экспертизы как самостоятельного доказательства. В то же время в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указано, что при оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. Одновременно следует учитывать квалификацию эксперта, выяснять, были ли ему представлены достаточные материалы и надлежащие объекты исследования. При этом для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист, который дает разъяснения в форме устных показаний или письменного заключения. Заключение и показания специалиста также подлежат проверке и оценке по общим правилам (его компетентность и незаинтересованность в исходе дела, обоснованность суждения и др.) и могут быть приняты судом или отвергнуты, как и любое другое доказательство (п. 19 и 20).

– Большое спасибо Вам за беседу!

*Интервью подготовил Никита Олегович Заверский,
магистр юриспруденции, генеральный директор
экспертного учреждения АНО «ГЛСЭиИ»*

Багиров А.Р.

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Цель: Рассмотрение вопросов возникновения и развития права на получение юридической помощи.

Методология: Использовались такие методы познания, как формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой.

Результаты: В статье определены факторы, которые повлияли на возникновение института правовой помощи как конституционного права человека и гражданина; выяснено, какие основные этапы прошло это право в процессе своего развития и как при этом изменялось, раскрыты особенности и виды его реализации на конкретных исторических этапах, спрогнозированы тенденции дальнейшего развития права на правовую помощь.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью.

Ключевые слова: правовая помощь, бесплатная правовая помощь, адвокат, судебный процесс.

Bagirov A.R.

GENESIS AND DEVELOPMENT OF THE RIGHT TO LEGAL AID

Purpose: Consideration of questions of emergence and development of the right to legal aid.

Methodology: Such methods of knowledge as legallistic, historical, comparative and legal were used.

Results: In article factors which influenced emergence of institute of legal aid as constitutional right of the person and the citizen are defined; are found out what main stages there passed this right in the course of the development and as at the same time changed, features and types of its realization in concrete historical stages are revealed, tendencies of further development of the right for legal aid are predicted.

Novelty/originality/value: Article has high scientific and practical value.

Keywords: legal aid, free legal aid, lawyer, lawsuit.

Право на получение юридической помощи, которое находит свое непосредственное закрепление в ст. 61 Конституции Азербайджанской Республики, является одним из основных и неотъемлемых прав человека и гражданина. Учитывая его сущность, а также содержательное наполнение, трудно переоценить важность указанного конституционного права для всего механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина. При этом особого внимания заслуживает комплексное исследование исторического аспекта генезиса и развития права на получение квалифицированной правовой помощи.

Среди ученых-правоведов, занимавшихся исследованием особенностей реализации права на правовую помощь, можно выделить работы С.А. Авакьяна, В.Б. Исакова, Д.А. Керимова, А.Е. Козлова, О.Е. Кутафина, Е.А. Лукашевой, А.А. Мишина, А.П. Мовчана, С.В. Полениной, Ю.И. Стецовского, Ю.А. Тихомирова, Б.Н. Топорнина, В.И. Червонюка, Б.С. Эбзеева, М.В. Яровой и др. При этом отдельные аспекты, включая исторический, возникновения и эволюции права на правовую помощь все еще требуют особого внимания.

Следует отметить, что обращение к историческим предпосылкам возникновения и развития права на правовую помощь, прежде всего, позволяет решить ряд задач теоретико-методологиче-

ского характера: во-первых, установить факторы, которые повлияли на указанное конституционное право, то есть обусловили его возникновение и эволюцию; во-вторых, выяснить, какие основные этапы оно прошло в процессе своего развития и как при этом изменилось; в-третьих, раскрыть особенности и виды его реализации на конкретных исторических этапах развития разных государств и их правовых систем; в-четвертых, спрогнозировать тенденции дальнейшего развития права на правовую помощь и, наконец, в итоге глубже познать саму сущность этого субъективного права. При этом вышеизложенные задачи также отображают и степень актуальности данного исследования.

Как справедливо утверждает Д.А. Керимов, вне исторического контекста, связывающего явления современности с теми явлениями, которые им предшествовали, равно как и с теми, которые возникнут на их основе в более или менее отдаленной перспективе, невозможно познать саму эту современность. И это вполне естественно, поскольку «в обществе всегда имеются остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Любое современное явление или процесс имеет свои корни в прошлом, которое через отражение в настоящем устремлено в будущее» [3]. Экстраполировав вышеуказанное непосредственно к исследуемому нами субъективному праву, нужно

отметить, что последнее не может ограничить себя состоянием, которое отражало бы лишь настоящий момент его существования, поскольку в таком случае будет утрачена причинно-следственная связь в историческом развитии права человека на правовую помощь.

Генезис и эволюция любых субъективных прав и свобод человека и гражданина, в том числе и права на правовую помощь, не может быть исследована без обращения при этом к задокументированным историко-правовым достижениям человечества, то есть к письменным источникам права разных народов, различных исторических эпох. Анализ таких источников права необходимо проводить в логической последовательности их возникновения, учитывая определенную историческую периодизацию.

Конечно, на ранних этапах развития человеческой цивилизации основным инструментом регулирования отношений между людьми выступал обычай, которому был присущ устный характер. К примеру, уже у древнейших народов Юго-Восточной Африки (кафров, бечуанов, зулусов), в Древней Индии, Древнем Китае зарождаются первые проявления оказания правовой помощи. Предоставляли ее родственники, друзья, соседи, односельчане сторон, которые спорили в судебном порядке. Разумеется, указанные категории лиц имели очень мало общего с понятием «правозащитник» в собственном смысле этого слова, ведь они не считались специалистами [8]. Также стоит добавить и о судоустройстве, о котором в собственном смысле этого слова в указанный период (речь идет о периоде существования первобытно-общинного строя) можно говорить весьма условно, ведь судопроизводство, как правило, осуществляли старейшины племен, вожди, ссылаясь на те же обычаи, обряды, традиции. Отдаленные проявления правовой помощи имеют место в I тысячелетии до н. э. в Древнем Вавилоне. Можно прийти к выводу, что в период Нововавилонской монархии (конец VII в. до н. э. – вторая пол. VI в. до н. э.), исходя из содержания дополнительных функций жрецов, которыми они владели в судебном процессе, именно жрецы оказывали правовую помощь (опосредованную) сторонам судебного процесса. Ведь они собирали, а также передавали в суд документы, которые стороны им вручали для подтверждения своих претензий, помогали выполнять судебные решения и т. п. [9].

Следует отметить, что с давних времен также и в Турции существовали ученые-знатоки исламского права (муфти), в обязанности которых входила дача юридических советов, консультаций

спорящим сторонам. То есть указанные субъекты выполняли функции юрисконсультов.

Другое, более широкое содержание анализируемое нами право приобретает впоследствии. Как известно, в судебном уголовном процессе периода возникновения и развития Афинского государства могла участвовать категория субъектов, которые назывались «истолкователями священного права». Их главной обязанностью было разъяснение лицам, желающим преследовать преступника в судебном порядке (как правило, это были пострадавшие), каким образом это нужно делать. То есть пострадавший мог получить нужную ему юридическую консультацию. Со временем, в период расцвета Афинской государственности (VI–V вв. до н. э.) в том же судебном уголовном процессе появляются лица, которые могут оказывать уже юридическую помощь не только потерпевшему, но и лицу, которое привлекается к юридической ответственности. При этом данные лица делились на две категории – логографы, или «писатели вещей», и синегоры, то есть «помогающие ораторы» [4].

Первые своим появлением несколько предшествовали во времени относительно вторых, однако впоследствии логографы были постепенно вытеснены синегорами. Ведь логографы не могли вполне удовлетворить потребности в судебной защите того времени [8], поскольку они непосредственно не участвовали в судебном процессе, а лишь писали для истцов и ответчиков судебные речи, и у последних возникали трудности по их выучиванию наизусть. Также логография годилась только для обвинительных и исковых речей и могла иметь весьма ограниченное и несовершенно применение относительно защитительных речей и реплик, поскольку логограф мог заранее приготовить для тяжущихся иск или обвинение, но он не был в состоянии возражать обвинителю или истцу, еще не зная в точности, какие доказательства приведут они на суде, он не мог предугадать с достоверностью все доводы противной стороны, чтобы опровергнуть их, когда они будут высказаны.

Учитывая сказанное выше, становится понятным, что логографы не могли заменить устных речей. Более того, как верно отмечает А.В. Синекий, допущения защиты, по крайней мере в уголовных делах, стала требовать также и простая справедливость. Это подтверждает осознание уже тогдашним обществом необходимости объективного, непредвзятого отношения к лицу, которое только обвиняется в совершении преступления, и виновность которого еще не доказана в судебном

порядке. Так и появились синегоры, которые уже лично предоставляли правовую помощь (защиту) обвиняемым непосредственно в судебном процессе путем подготовки и провозглашения за них судебных речей, тем самым способствуя той же справедливости, защищали их права и интересы.

Особенностью деятельности защитников, которые предоставляли правовую помощь в Афинах того времени, было то, что она в большей степени была связана с ораторским искусством, а не с правоведением. В указанном контексте уместно процитировать высказывание известного римского учителя красноречия Марка Фабия Квинтилиана (ок. 35 г. – ок. 96 г.): «Судья, слушающий нас с удовольствием, почти уже нам верит» [5].

С появлением древнеримского государства (VIII в. до н. э. – V в. н. э.), особенно на более поздних этапах, правовая помощь выходит на качественно новый виток своего развития. Она значительно наполняется в содержательном отношении, а также разнообразится по форме выражения. Ее в основном предоставляли уже специалисты. Можно сказать, что тогдашнее понимание права на предоставление правовой помощи более уподобляется современному.

Прежде всего, следует акцентировать внимание на том, что именно в данный исторический период возникает письменное право. Обратившись к текстам основных памятников римского права, в частности к таким как Законы XII таблиц (сер. V в. до н. э.), Институции Гая (143 г. н. э.), Дигесты Юстиниана (530–533 гг. н. э.), можно найти там положения, указывающие на существование института правовой помощи в тогдашнем обществе, которые при этом отражают те или иные формы ее проявления, характерные признаки.

В частности, в Древнем Риме знатоки права, которые осуществляли профессиональную деятельность по оказанию юридической помощи, условно разделялись на три основных категории, исходя собственно из предназначения этой деятельности: *cavere* (составлять новые иски и сделки), *agere* (вести дело в суде), *respondere* (давать ответы). Первый из указанных видов юридической деятельности (*cavere*) означал деятельность юристов по оказанию юридической помощи в форме составления исков, сделок и завещаний. Так разрабатывались формулы сделок, исков, нередко получавшие имена своих создателей. Относительно второго следует отметить, что под «*agere*» подразумевалась деятельность юриста по ведению дела в суде, где последний брал на себя функции стороны в процессе. Данная деятельность имела место быть как в гражданском, так и

в уголовном судопроизводстве. Особое значение в Древнем Риме придавалось вопросу обеспечения юридической помощи лицу, привлекаемому к уголовной ответственности. При этом защитники разделялись на три вида: *advocati*, *laudatores*, *patroni*. И, наконец, третья форма оказания юридической помощи в Древнем Риме (*respondere*) выражалась в высказывании мнения юрисконсульта по запросу частных лиц.

Не будем подробно останавливаться на характеристике особенностей предоставления правовой помощи в Древнем Риме, а лишь отметим некоторые ключевые, по нашему мнению, положения, касающиеся непосредственного развития указанного права.

Так, в Дигестах Юстиниана, в Книге Первой (Титул XVI) указано, что проконсул «должен предоставлять адвокатов тем, кто об этом просит, главным образом женщинам, или несовершеннолетним, или другим слабым либо тем, кто не в своем уме, если кто-либо об этом просит, а если никто не просит, то сам проконсул должен предоставить адвоката. Но если кто-либо указывает, что в силу влияния противника он не может найти себе адвоката, то по справедливости нужно дать ему адвоката» [7]. Учитывая это положение, можно констатировать, что на уровне закона менее защищенным слоям населения, а также лицам, которые обладали меньшим объемом правосубъектности (женщинам, несовершеннолетним, больным и т. д.), гарантировалось право на получение адвоката для оказания юридической помощи.

В Книге Третьей вышеуказанного источника римского права, в частности в Титуле III «О прокураторах и защитниках (*De procuratoribus et defensoribus*)», в одном из положений говорится о том, что в случае отсутствия обвиняемого в судебном заседании ему обязательно должна предоставляться юридическая помощь. При этом подчеркивается общественная польза такого положения: «если какой-либо отсутствующий может быть осужден, то справедливо и соответствует установленному порядку допущение того, кто выступит со словом за него и с защитой его невиновности» [7]. В период поздней Римской республики и Римской империи малообеспеченным гражданам Рима гарантировалось бесплатное участие адвоката по назначению. Причем по уголовным делам участие защитника было обязательным. Если сторона не имела защитника, то претор такого защитника назначал. За отказ адвоката от «защиты по назначению» его могли запросто исключить из коллегии [8]. Нельзя обойти вниманием существующий в Древнем Риме

институт *hospitium privatum*, который охранял имущественные интересы чужеземцев, приехавших в Рим. Он заключался в том, что римский гражданин, став патроном чужеземца, который ставился в положение клиента, оказывал последнему правовую помощь, совершая в его интересах сделки, защищая его интересы перед римским судом и т. п. При этом патрон действовал не в качестве представителя чужеземца, а в качестве защитника его интересов, от своего имени. Добросовестное отношение патрона к принятым на себя обязанностям обеспечивалось сакральным правом: вероломный патрон подвергался высшему наказанию, он объявлялся обреченным мщению богов – *sacer esto*, а потому поставленным вне охраны закона [6]. Таким образом, правом на получение правовой помощи могли воспользоваться не только граждане Рима, но и лица, которые были чужеземцами. Более того, данное право реализовывалось в пределах как уголовного, так и гражданского процессов.

В период существования феодальных государств о праве на правовую помощь в литературе известно немного. Об особенностях реализации этого права можно сделать выводы, исходя из анализа правового статуса субъектов, которые непосредственно оказывали в указанное время правовую помощь. Наиболее распространенными были, как известно, институт адвокатуры и, соответственно, его представители – адвокаты.

К примеру, во Франции до XII в. обязанности адвокатов обычно выполняли лица духовного звания. В XII в. выступления лиц духовного звания в светских судах были запрещены, что способствовало появлению в названных судах профессиональных юристов [9]. С конца XIII в. адвокатура во Франции начинает подвергаться законодательной регламентации. Так, в 1270 г. появились знаменитые «Учреждения Людовика Святого», положившие первые основы французского судостроительства и судопроизводства. Согласно декрету короля от 1274 г. адвокаты существовали при судах. С 1344 г. адвокаты делились на защитников и советников. При этом адвокатами не могли быть некатолики, подвергнутые церковному наказанию, монахи [8].

Следует отметить, что именно в XIII в. во Французском королевстве впервые возникает такое должностное лицо, как прокурор, одной из основных функций которого первоначально было оказание юридической помощи истцу и ответчику по гражданским делам. При этом прокурора назначали в основном немощному тяжущемуся.

В Пруссии, начиная с 1781 г., была сделана попытка построить институт адвокатуры как госу-

дарственную должность: оказание юридической помощи сторонам было возложено на членов судов, в составе которых были выделены для этого особые члены – «ассистенты», получавшие жалование от государства [9]. В дальнейшем «ассистентов» заменили комиссары, получавшие гонорар от лиц, к ним обращающихся; процессуальные права комиссаров были расширены, но они все же продолжали рассматриваться как чиновники судебного ведомства.

В Германии нормативным актом, регулирующим предоставление юридической помощи, было Положение об адвокатуре от 1 июля 1878 г. В соответствии с этим документом лица, которые оказывали юридическую помощь, не были разделены по виду оказываемых ими юридических услуг. Адвокат самостоятельно подготавливал дело, выступал в судебном заседании, участвовал в исполнении судебных решений.

В Англии, к примеру, институт адвокатуры возник сравнительно рано, при этом он пользовался довольно широким самоуправлением [9]. Адвокаты, которые оказывали правовую помощь, распадалась на две основные категории: барристеров, занимавшихся главным образом выступлениями на суде, и атторнеев и солиситоров – ходатаев по делам, занимавшихся подготовкой этих дел для судебного рассмотрения. Высший разряд адвокатов составляли сердженты, пользовавшиеся некоторыми особыми правами. Отметим, что именно из их среды избирались члены высших судов.

В Англии юридическая помощь по гражданским делам в указанный период оказывалась довольно активно. Что же касается права обвиняемого на защиту, то здесь ситуация была намного хуже. Статутом Вильгельма III 1696 г. обвиняемым во время рассмотрения дел «о высокой измене» было предоставлено право приглашать защитника. Затем защитника стали допускать и в дела о фелониях. При этом довольно длительное время существовало правило, согласно которому защитнику обвиняемого запрещалось обращаться к суду с защитительной речью. В 1836 г. законом Вильгельма IV были устранены все ограничения по оказанию юридической помощи в уголовных делах [4].

Как справедливо отмечает Р.Г. Мельниченко, сложившееся положение с оказанием правовой помощи, которое удовлетворяло запросы общества в Средние века, оказалось неудовлетворительным при последующем его развитии. Так сказать, второе дыхание институт права на юридическую помощь получает в период установле-

ния в некоторых государствах конституционного строя. На конституционной стадии количество элементов права увеличивается, а само право на получение правовой помощи находит свое закрепление в конституциях большинства государств.

Итак, при исследовании истории развития права на правовую помощь особое внимание следует обратить на момент непосредственно конституционного закрепления изучаемого нами субъективного права в соответствующем законодательстве различных стран мира, в том числе и в Республике Азербайджан. Тем более, что раскрытие этого вопроса позволит выяснить, к какому именно поколению основных прав и свобод человека и гражданина следует отнести это право.

Как известно, одними из первых официальных конституций считаются Конституция Соединенных Штатов Америки (1787 г.), Конституция Франции (1791 г.), Конституция Польши (1791 г.). Относительно особенностей правовой регламентации конституционных прав и свобод человека и гражданина в указанных источниках конституционного права можно отметить, что первые две из указанных выше конституций следует считать более прогрессивными, ведь в них значительно больше внимания посвящено правам и свободам человека и гражданина, в том числе и праву на правовую помощь.

В Конституции Соединенных Штатов Америки 1787 г., то есть на уровне Основного Закона, было закреплено право обвиняемого на защиту. Так, 25 сентября 1789 г. Конгресс Соединенных Штатов Америки предложил первые десять поправок к Конституции Соединенных Штатов. В соответствии с Поправкой VI «При всяком уголовном преследовании обвиняемый пользуется правом... на помощь юриста для своей защиты» [1].

Следует также отметить, что в Соединенных Штатах Америки в XVIII–XIX вв. юридическая помощь осуществлялась в основном адвокатами, которые делились на различные специальности в зависимости от рода юридической деятельности. Одни занимались приемом дел и подготовительной работой, другие выполняли обязанности юрисконсультов, третьи – только выступали в суде.

Согласно пункту 9 Главы 5 «О судебной власти» Конституции Франции (от 3 сентября 1791 г.), «обвиняемым не может быть отказано в содействии поверенного» [2].

Во Французской Декларации прав человека и гражданина, принятой постановлением Французского Национального собрания 26 августа 1789 г., права человека и гражданина отнесены к первому

поколению прав, в частности статья 14 содержит положение, в соответствии с которым «граждане имеют право устанавливать самостоятельно или через своих представителей необходимость государственного налога, свободно соглашаться на его взимание, следить за его использованием и определять его долю, размер, порядок уплаты и длительность». Учитывая содержание процитированного положения, логичным представляется вывод о формировании и закреплении в конце XVIII в. института представительства юридических интересов граждан Франции в сфере налогообложения.

Исходя из вышеуказанного, очевидно, что в первых конституциях закреплён только один из видов оказания правовой помощи, а именно право на защиту обвиняемого в криминальном процессе. Объяснить это можно особой важностью и необходимостью юридической помощи на стадии задержания лица и привлечения его к уголовной ответственности. В то же время следует понимать, что содержание права на правовую помощь значительно шире.

Относительно конституционного законодательства Республики Азербайджан и закреплённого в его нормах права на правовую помощь следует отметить, что, исходя из анализа положений конституций, которые в тот или иной период действовали на территории Азербайджана (конституций 1921 г., 1927 г., 1937 г., 1978 г. и действующей Конституции 1995 г.), можно проследить определённую эволюцию этого конституционного права, в частности правовой регламентации его содержательного выражения.

Так, в ст. 118 Конституции Азербайджанской Советской Социалистической Республики 1937 года было закреплено лишь право обвиняемого на защиту. Конституция же Азербайджанской Советской Социалистической Республики 1978 года, наряду с правом обвиняемого на защиту (ст. 170), также закрепила положение, в соответствии с которым для оказания юридической помощи гражданам и организациям действует коллегия адвокатов (ст. 173). Более того, в указанной статье также отмечалось, что в «случаях, предусмотренных законодательством, юридическая помощь гражданам оказывается бесплатно».

Интересным является тот факт, что Конституционный Акт Азербайджанской Республики «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики» 1991 года гарантировал также и правовую защиту каждому гражданину Азербайджанской Республики, находящемуся за пределами Азербайджанской Республики (ч. 3 ст. 18), что, собственно, ещё больше

расширило содержательное наполнение исследуемого нами субъективного права.

Подведем итоги. Право на получение правовой помощи своими корнями уходит в глубокую древность. Перед тем, как сформироваться, наполниться содержанием, которое отвечает современному пониманию этого субъективного конституционного права, оно прошло длительный, сложный процесс эволюционных изменений, обусловленных, в первую очередь, осознанием человеком того, что без надлежащей регламентации этого права позитивное развитие и существование человека в обществе и государстве, где господствует система правовых ценностей, невозможны. Возникновению права на получение правовой помощи, в частности юридической защиты от обвинения в суде, его нормативному закреплению в писаных источниках права способствовало стремление человека к справедливости. Среди древнейших и распространенных институтов по оказанию правовой помощи следует выделить институт адвокатуры, который берет свое начало ещё со времен Древней Греции и Рима.

Несомненной является взаимосвязь данного права, собственно его развития, с развитием правовых систем в разных странах, в частности их юрисдикционных процессов (гражданского, уголовного и т. д.), взаимосвязь с механизмом обеспечения охраны и защиты прав и свобод личности. Одним из первых видов реализации этого права было предоставление обвиняемому права на защиту. Однако впоследствии его содержание значительно расширилось, особенно с развитием конституционализма в некоторых странах Европы и США. Также, учитывая вышесказанное, очевиден вывод о том, что право на правовую помощь следует отнести к Первому поколению прав и свобод человека и гражданина.

В Республике Азербайджан анализируемое нами право на конституционном уровне приобрело свое выражение в первой половине XX века. Конечно, наиболее полным, учитывая указанные выше конституционные положения, следует считать право на получение правовой помощи, установленное в ст. 61 Конституции Азербайджанской Республики (ныне действующей). Ведь в ней делается акцент на получении именно квалифицированной правовой помощи. При этом такого рода помощь в предусмотренных законом случаях оказывается бесплатно, за счет государства.

Усовершенствование механизма обеспечения права на правовую помощь, улучшение его действенности, особенно формирование норма-

тивной основы и системы бесплатной правовой помощи в Республике Азербайджан сегодня является приоритетным направлением деятельности органов государственной власти, учёных, а также различных общественных организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Борисевич М.М. Билль о правах 1789–1791 гг. (первые 10 поправок Конституции США) // История государства и права зарубежных стран: хрестоматия. М.: МНЭПУ, 1998.
2. Борисевич М.М. Конституция Франции 1971 г. // История государства и права зарубежных стран: хрестоматия. М.: МНЭПУ, 1998.
3. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М.: Аванта+, 2001.
4. Мельниченко Р.Г. Право на юридическую помощь: конституционные аспекты: монография. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2003.
5. Никольский А. Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений: пер. с лат. Ч. 1–2. СПб., 1834.
6. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право: учебник. М.: Юриспруденция, 2000.
7. Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. С. 182–183.
8. Синеокий О.В. Адвокатура как институт правовой помощи и защиты: учеб. пособ. Х.: Право, 2008.
9. Томсинов В.А. Всеобщая история государства и права: учебник для вузов: В 2 т. Т. 1. Древний мир и средние века. М.: Зерцало-М, 2011.

References (transliterated)

1. Borisevich M.M. Bill' o pravah 1789–1791 gg. (per-vye 10 popravok Konstitucii SShA) // Istorija gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: hrestomatija. M.: MNJePU, 1998.
2. Borisevich M.M. Konstitucija Francii 1971 g. // Istorija gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: hrestomatija. M.: MNJePU, 1998.
3. Kerimov D.A. Metodologija prava. Predmet, funkcii, problemy filosofii prava. 2-e izd. M.: Avanta+, 2001.
4. Mel'nichenko R.G. Pravo na juridicheskiju pomoshh': konstitucionnye aspekty: monografija. Volgograd: Izd-vo VAGS, 2003.
5. Nikol'skij A. Marka Fabija Kvintiliana Dvenadcat' knig ritoricheskikh nastavlenij: per. s lat. Ch. 1–2. SPb., 1834.
6. Novickij I.B., Pereterskij I.S. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik. M.: Jurisprudencija, 2000.
7. Pamjatniki rimskogo prava: Zakony 12 tablic. Institucii Gaja. Digesty Justiniana. M.: Zercalo, 1997. S. 182–183.
8. Sineokij O.V. Advokatura kak institut pravovoj pomoshhi i zashhity: ucheb. posob. H.: Pravo, 2008.
9. Tomsinov V.A. Vseobshhaja istorija gosudarstva i prava: uchebnik dlja vuzov: V 2 t. T. 1. Drevnij mir i srednie veka. M.: Zercalo-M, 2011.

Агзамов И.М.

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ ст. 73 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: Статья направлена на рассмотрение проблем действующей редакции ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Методология: Автором применялись формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы.

Результаты: В статье высказывается авторская позиция о характере законодательных изменений ст. 73 УК РФ и о том, насколько они позволили оптимизировать действующую систему уголовных наказаний.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку содержит ценные для науки и практики выводы и предложения.

Ключевые слова: условное осуждение, испытательный срок, судебное усмотрение.

Agzamov I.M.

TO A QUESTION OF THE CURRENT VERSION OF Art. 73 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: Article is sent for consideration of problems of the current version of Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology: The author applied formal legal, comparative-legal and statistical methods.

Results: In article the author's position expresses the nature of legislative changes of this norm and on as far as they allowed to optimize the operating system of criminal sanctions instead of frequent application of conditional condemnation.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific value as contains conclusions and offers, valuable to science and practice.

Keywords: punishment, assignment of punishment, judicial discretion.

Вопросы назначения и исполнения уголовного наказания традиционно являются одними из центральных в уголовно-правовой науке. В этой связи особый интерес для нас представляет условная форма реализации тех наказаний, которые перечислены в ч. 1 ст. 73 УК РФ.

Статья 73 УК РФ, именуемая «условное осуждение», с момента вступления Кодекса в силу (с 1 января 1997 года) претерпевала неоднократные изменения, которые в итоге позволяли исследователям в процессе теоретического осмысления предлагать различные подходы, в том числе концептуальные, к сущности уголовного наказания в целом и его условным формам реализации в частности.

Первые изменения в ст. 73 УК РФ были внесены Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», однако диспозиция указанной нормы существенно не поменялась. Введенный запрет на применение условного осуждения в случае назначения наказания в виде лишения свободы свыше восьми лет проблему широкой распространенности данной уголовно-правовой меры не решил и не способствовал реализации принципа неотвратимости

уголовной ответственности. Дело в том, что проведенное нами на тот момент исследование санкций УК РФ в различных его редакциях позволило сделать следующие выводы: на момент вступления в силу УК РФ contained 18 составов (или 3,4 % от общего числа составов), по которым применение условного осуждения, с учетом внесенных в декабре 2003 г. изменений, было бы невозможным (т. е. где нижний предел санкций в виде лишения свободы был более восьми лет); на 1 января 2010 г. этот показатель уже составлял 27 составов (или 4,3 % от общего числа, при этом количество последних увеличилось с 531 до 628), а по состоянию на 1 января 2013 г. – 37 составов (или 5,1 % от общего их числа). Это было связано с ужесточением ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних лиц, а также преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (ч. 3 ст. 228, ч. 4–5 ст. 228.1, ч. 4 ст. 229, ч. 3–4 ст. 229.1, ч. 3 ст. 230 УК РФ).

Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексу-

ального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» впервые установил запрет на применение условного осуждения к лицам, осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. К таковым законодатель отнес деяния, предусмотренные ст. 131–135, 240, 241, 242.1 и 242.2 УК РФ. Данный перечень был регламентирован в примечании к ст. 73 УК РФ и распространяется не только на условное осуждение, но и на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания, отсрочку отбывания наказания и на основания применения принудительных мер медицинского характера.

Следует заметить, что в УК РФ впервые был установлен запрет на применение условного осуждения в отношении лиц, совершивших преступление средней тяжести. Речь идет о ч. 2 ст. 133 УК (понуждение к действиям сексуального характера, совершенное в отношении несовершеннолетнего).

В момент вступления в силу Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ у нас возник вопрос о том, насколько введенные ограничения позволят сузить пределы судебного усмотрения при назначении условного осуждения, приведет ли это к изменениям в судебной практике в данном направлении. Анализ перечисленных в примечании к ст. 73 УК составов преступлений свидетельствует о том, что они относятся к категории тяжких либо особо тяжких (за исключением ч. 2 ст. 133 УК). Поэтому каких-либо существенных изменений в практике применения условных форм наказаний ждать не стоило. К тому же нижний предел санкций норм, предусмотренных ч. 4 ст. 131, ч. 4 ст. 132 УК (12 лет лишения свободы), и ранее не позволял назначать условное осуждение. Результаты изучения практики судов Республики Башкортостан свидетельствуют, что они не выносят приговоры с условным осуждением за совершение преступлений, перечисленных в примечании к ст. 73 УК РФ.

Между тем введенный законодателем в УК запрет, безусловно, является необходимым и своевременным решением, направленным на исключение из судебной практики частных случаев применения исследуемой меры к указанной категории лиц, нежели на массовое ее ограничение.

Впоследствии тенденция законодательных изменений, направленных на ограничение применения условного осуждения, сохранилась, и уже через полгода Федеральный закон от 16 ок-

тября 2012 г. № 172-ФЗ «О внесении изменения в статью 73 Уголовного кодекса Российской Федерации» запретил его назначение (при прочих равных ограничениях): 1) при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления; 2) при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении; 3) при опасном или особо опасном рецидиве. Данные ограничения, как и предыдущие, практику применения условного осуждения существенно не изменили, поскольку они (ограничения) не направлены на «массового» осужденного, а ориентированы на либо лиц, уже являющихся условно осужденными, либо на лиц, которые имеют непогашенную судимость, причем в некоторых случаях не одну. В то же время следует прогнозировать несущественное снижение доли рецидива среди условно осужденных.

Очередные изменения в ст. 73 УК РФ были внесены Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а именно: часть 1 указанной нормы была дополнена п. «а.1», согласно которому условное осуждение не назначается лицам за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 205, ч. 1 и 2 ст. 205.1, ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ч. 1–3 ст. 206 и ст. 360 УК РФ.

Очевидно, что законодатель продолжил «традицию» установления очередных запретов на применение условного осуждения. Однако стоит заметить, что правоприменитель и ранее не допускал назначение наказания условно за совершение вышеперечисленных общественно опасных деяний. Позже, с изменением санкций составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205 и ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, они были исключены из перечня (п. «а.1»), поскольку низшие пределы наказаний за их совершение были ужесточены – от 10 до 15 лет (вместо от 8 до 15 лет) и от 10 до 20 лет (вместо от 5 до 10 лет) лишения свободы соответственно. Напомним, что условное осуждение возможно в случае, если назначенное наказание не превышает 8 лет лишения свободы. Этим и было оправдано появление новой редакции п. «а.1» ч. 1 ст. 73 УК РФ.

В процессе применения ст. 73 УК РФ законодатель также совершенствовал положения, которые касались особенностей исчисления испытательного срока. В частности, Федеральный закон от 29 марта 2010 г. № 33-ФЗ «О внесении

изменений в статьи 73 и 74 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 189 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» дополнил ч. 3 ст. 73 УК РФ положением о том, что испытательный срок исчисляется с момента вступления приговора в законную силу. При этом засчитывается время, прошедшее со дня его провозглашения. Позже Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 73 УК РФ была дополнена ч. 3.1, согласно которой испытательный срок в случае назначения наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части устанавливается в пределах оставшегося срока военной службы на день провозглашения приговора.

Определенные изменения в процессе применения ст. 73 УК РФ произошли и относительно характера выполнения тех обязанностей, которые суд возлагает на осужденного. Заметим, что ранее, до появления Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, суд был вправе решать по своему усмотрению вопрос о возложении либо невозложении обязанностей. Это приводило к непонятной ситуации, когда эффективность условного осуждения сводилась на нет. Названный Федеральный закон привнес еще одну новеллу в ч. 5 ст. 73 УК РФ: теперь суду предписано учитывать при возложении обязанностей возраст, трудоспособность и состояние здоровья виновного. Это, безусловно, положительное направление развития законодательства, когда непосредственно в уголовный закон, а не в постановление Пленума Верховного Суда вносятся подобного рода предписания. Однако при этом законодатель, как мы считаем, упустил очень важный критерий, которым также необходимо руководствоваться суду при выборе тех или иных обязательств для конкретного виновного. Речь идет о его семейном положении. По результатам проведенного нами исследования, 70 % из числа условно осужденных являются холостыми (незамужними), 26 % – жены (замужние), оставшиеся 4 % – разведены.

Очевидно, что семейные лица совершают в 2,7 раза меньше преступлений, чем не имеющие семейный статус. Однако это не свидетельствует о том, что суд должен обязать холостого мужчину в определенный срок жениться, завести детей и т. д. Другое дело, когда речь идет о возложении таких обязанностей, как заглаживание причиненного вреда либо возмещение ущерба. В этом случае наличие семьи, несовершеннолетних детей в совокупности с тяжелым материальным по-

ложением должно повлиять на сроки, в течение которых осужденному следует возместить ущерб, причиненный его преступлением.

Вышеназванный Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ также исключил из перечня наказаний, реализуемых условно, ограничение свободы, поскольку этим же актом существенно изменилась редакция ст. 53 УК РФ, а следовательно – порядок и условия исполнения данного уголовного наказания.

Сравнивая общие начала назначения условного осуждения, установленные ст. 73 УК РФ, с общими началами назначения этой меры по законодательству ФРГ, Польши, Франции и других стран, убеждаешься в различии подходов [3]. В странах, где сложились устойчивые судебные системы, где судьи независимы, где «судейское право» имеет давние традиции, законодатель считает необходимым четко очертить пределы судебного усмотрения, разрешив судьям назначать условное осуждение в случаях совершения впервые преступлений небольшой тяжести и осужденным к лишению свободы на срок не свыше одного года. Так, по УК ФРГ суд может назначить наказание условно, если наказание не превышает одного года лишения свободы, а также в порядке исключения, оно если не превышает двух лет лишения свободы. По УК Польши условное неприменение наказания допустимо при осуждении к лишению свободы на срок не более трех лет [2, 4].

Исследуя вопрос об эффективности действующих положений, предусмотренных ст. 73 УК РФ, мы учитывали последние разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые были даны в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». В частности, вопросы условного осуждения сформулированы в п. 61–66. Детальный их анализ свидетельствует о том, что положение дел относительно «массового» использования ст. 73 УК РФ в судебной практике существенно не изменилось. Суд вправе сохранить условное осуждение даже в том случае, если: 1) условно осужденный в период испытательного срока совершил новое умышленное преступление небольшой или средней тяжести; 2) в указанный промежуток времени «испытываемый» вел себя отрицательно, не выполнял возложенных на него обязанностей, нарушал общественный порядок и т. п. Ранее мы неоднократно обращали внимание на необходимость реального исполнения назначенного наказания, если осужденный не встает на путь исправления, о чем и свидетельствует вышеперечисленное [1].

Таким образом, проанализировав законодательные изменения в ст. 73 УК РФ, которые происходили на протяжении почти 20 лет, принимая во внимание ее действующую редакцию и сопоставляя ее с текстом уголовного законодательства некоторых европейских стран, можно сделать вывод о том, что российским законодателем избран (сохранен) вариант, допускающий широкие пределы судебного усмотрения при назначении условного осуждения, даже несмотря на те ограничения, которые были установлены на протяжении указанного промежутка времени. К сожалению, законодатель так и не пошел на радикальное сближение с законодательством зарубежных стран (ФРГ, Польша и др.) в части четкого ограничения судебного усмотрения. Данное обстоятельство, на наш взгляд, еще раз доказывает то, что факторы преступности и числа тюремного населения до сих пор являются решающими при построении и совершенствовании всего уголовно-правового комплекса.

Пристатейный библиографический список

1. Агзамов И.М. Условное неприменение уголовного наказания как комплексный правовой институт: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2013.
2. Кузнецова О.Б. Право осужденных на получение юридической помощи в зарубежном законодательстве // Евразийская адвокатура. 2015. № 3(16). С. 38–43.
3. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.Д. Козочкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010.
4. Шакиров Т.Р. Международные стандарты, касающиеся отбора и назначения судей // Евразийская адвокатура. 2015. № 2 (15). С. 61–67.

References (transliterated)

1. Agzamov I.M. Uslovnnoe neprimenenie ugovnogo nakazaniya kak kompleksnyj pravo-voj institut: dis. ... d-ra jurid. nauk. M.: VNII MVD Rossii, 2013.
2. Kuznecova O.B. Pravo osuzhdennyh na poluchenie juridicheskoy pomoshhi v zarubezhnom zakonodatel'stve // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 3(16). S. 38–43.
3. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran. Obshhaja i Osobennaja chasti: uchebnik / pod red. I.D. Kozochkina. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Volters Kluver, 2010.
4. Shakirov T.R. Mezhdunarodnye standarty, kasajushiesja otbora i naznachenija sudej // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 2 (15). S. 61–67.

Московская городская коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов»

Moscow city Bar Collegium's «Moscow Guild of lawyer and legal advisers»

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

- правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);
- уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);
- гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО)).

Вы можете обратиться к нам по адресу:

Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402.

Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88.

Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55

Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

Поезжалов В.Б., Линкевич А.Е.

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ

Цель: Исследование спорных вопросов, изложенных в некоторых постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, о судебной практике по делам о совершении различных групп преступлений.

Методология: Использовались диалектический, историко-правовой, логический, систематический, догматический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: Высказанные в данной статье оценочные суждения и рекомендации направлены на преодоление существующих сложностей и противоречий, возникающих в правоприменительной практике в связи с неоднозначной трактовкой тех или иных положений, данных в различных разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Новизна/оригинальность/ценность: Научная ценность статьи заключается в том, что в ней дан анализ противоречивых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации преступлений и правоприменительной трактовки ряда оценочных признаков, изложенных в различных статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Оригинальность работы определяется системным подходом к рассмотрению и решению проблем, возникающих в связи с применением некоторых спорных положений, данных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: Пленум Верховного Суда РФ, квалификация преступлений, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, предметы, используемые в качестве оружия, заведомость, пособничество.

Poezzalov V.B., Linkevich A.E.

EXPLANATIONS OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE CONTROVERSIAL ISSUES OF JUDICIAL INTERPRETATION

Purpose: Investigation of disputes set out in some decisions of the Plenum of the Supreme Court on the judicial practice in cases of committing various crimes groups.

Methodology: We used a dialectical, historical, legal, logical, systematic, dogmatic and comparative legal methods.

Results: The views expressed in this article are the value judgments and recommendations aimed at overcoming the existing difficulties and contradictions arising in law enforcement due to the ambiguous interpretation of certain provisions of the data in a variety of explanations of the Plenum of the Supreme Court.

Novelty/originality/value: The scientific value of the article is that it analyzes the conflicting explanations of the Plenum of the Supreme Court on the definition of crimes and law interpretation of a number of evaluation features set forth in the various articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The originality of the work is determined by a systematic approach to address and solve the problems arising from the use of some controversial provisions, data Resolution of the Plenum of the Supreme Court.

Keywords: Supreme Court of the Russian Federation, qualification of crimes, deliberate causing of heavy harm to health, the objects used as weapons, actual knowledge, complicity.

В последние годы Пленумом Верховного Суда РФ ведется активная работа по подготовке и принятию разъяснений по наиболее сложным вопросам, возникающим в правоприменительной практике при применении норм уголовного закона. Особое внимание при этом уделяется отдельным статьям Особенной части УК РФ.

Данные разъяснения призваны создать условия для единообразного применения уголовно-правовых норм. Но, к сожалению, некоторые из имеющихся разъяснений являются противоречивыми, неоднозначными и бессистемными [6, 7].

Мы не могли обойти стороной данные обстоятельства и хотели бы обратить на некоторые из них внимание в настоящей статье.

1. В ряде случаев применительно к одному и тому же понятию или признаку, существенно влияющему на уголовно-правовую оценку совершенного виновным деяния, Пленум Верховного Суда РФ дает диаметрально противоположные разъяснения.

Так, в частности, произошло применительно к оценке Пленумом Верховного Суда РФ действий виновного, который в ходе совершения преступления умышленно применяет к жертве насилие, опасное для жизни, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью.

В пункте 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связан-

ных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» указывается, что причинение тяжкого вреда здоровью жертвы при угоне охватывается признаками ч. 4 ст. 166 УК РФ (угон, совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья), и дополнительной квалификации действий лица по ст. 111 УК РФ не требуется [4].

В пункте 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» аналогичная ситуация, когда хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ совершено с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, в результате чего жертве причинен тяжкий вред здоровью, высшая судебная инстанция предлагает квалифицировать содеянное по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ и ст. 111 УК РФ [2].

В санкции ч. 3 ст. 229 УК РФ максимальное наказание в виде лишения свободы составляет 15 лет, в ч. 4 ст. 166 – 12 лет. В сравнении с ними санкция ч. 1 ст. 111 УК РФ менее строгая – до восьми лет лишения свободы. Следовательно, и в том, и в другом случае санкции соответствующих частей названных статей позволяют вести речь об отсутствии совокупности преступлений и необходимости применения квалифицированных норм уголовного закона без учета ст. 111 УК РФ.

Различие в подходах к оценке правил совокупности преступлений, безусловно, приводит к ошибкам в определении степени общественной опасности деяния и, как следствие, к неправильному выводу о размере назначаемого наказания, что, конечно же, неприемлемо.

В другом случае, давая разъяснения относительно такого оценочного признака, как «предметы, используемые в качестве оружия», Пленум Верховного Суда РФ опять был непоследователен.

Так, в пункте 4 постановления Пленума № 45 от 15 ноября 2007 г. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [3] отмечается, что предметами, используемыми в качестве оружия при совершении хулиганства (в рамках п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ), могут выступать любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека. При этом, по мнению правоприменителя, к ним могут быть отнесены незаряженное,

неисправное, декоративное, сувенирное оружие, оружие-игрушка.

Думается, что причинить вред здоровью указанными предметами довольно проблематично, поскольку они не обладают необходимыми для этого свойствами. Значит, общественная опасность совершения хулиганских действий в случае использования таких предметов значительно ниже, чем если бы они обладали соответствующими свойствами.

В ч. 2 ст. 162 УК РФ аналогично п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ предусматривается совершение преступления (разбоя) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. При этом в пункте 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что «под предметами, используемыми в качестве оружия, следует понимать предметы, которыми потерпевшему могли быть причинены телесные повреждения, опасные для жизни или здоровья (перочинный или кухонный нож, бритва, ломик, дубинка, топор, ракетница и т. п.), а также предметы, предназначенные для временного поражения цели (например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми и раздражающими веществами)» [1].

При этом в тексте Постановления специально указывается, что в тех случаях, когда виновный демонстрировал или угрожал заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, скажем, макетом пистолета, действия не могут расцениваться по признаку «применение предметов, используемых в качестве оружия».

Такая непоследовательность высшей судебной инстанции может указывать на желание расширить правоприменительные рамки хулиганства, однако, справедливости ради, это нарушает общий подход к определению одного и того же оценочного признака, используемого законодателем в тексте уголовного закона.

2. В ряде случаев Пленум Верховного Суда РФ в своих разъяснениях выходит за рамки буквального толкования тех или иных признаков уголовного закона, давая им расширительное или, наоборот, ограничительное толкование.

Так, корректировка ряда норм уголовного закона привела к тому, что законодатель отказался от указания на признак «заведомости», в частности, относительно возрастных характеристик потерпевшей применительно к п. «а» ч. 3 (изнасилование несовершеннолетней) и п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ (изнасилование потерпевшей, не достигшей

четырнадцатилетнего возраста). Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ указанные выше квалифицированные признаки изнасилования были изложены таким образом, что предоставляли возможность привлекать виновных к ответственности вне зависимости от осознания ими возраста жертвы. Установление фактического возраста потерпевшей должно было стать объективным мерилom ответственности насильника, исключаяющим его субъективное представление о данном свойстве жертвы. Следовательно, законодатель поставил задачу возвести в ранг закона объективное вменение рассматриваемых квалифицирующих обстоятельств изнасилования.

Данный подход свидетельствует о желании законодателя усилить ответственность насильников-педофилов. Между тем Пленум Верховного Суда РФ в пункте 22 постановления № 16 от 4 декабря 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» проигнорировал данный факт и указал следующее: применяя закон об уголовной ответственности за совершение изнасилования жертвы, не достигшей совершеннолетия, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ и п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ возможна только, если насильник знал или допускал, что потерпевшей является лицо, не достигшее соответственно возраста восемнадцати и четырнадцати лет.

Получается, что законодатель вносит изменения в закон, а правоприменитель, в лице Пленума Верховного Суда РФ, игнорирует его позицию, давая ограничительное толкование вполне однозначно требующего буквального понимания признака уголовно-правовой нормы.

Другой пример. В части 5 статьи 33 УК РФ дается понятие пособника совершения преступления. Под ним понимается лицо, «содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы».

Исходя из данного определения, пособник – это лицо, которое либо оказало исполнителю интеллектуальную помощь, либо пообещало совершить какие-либо действия до или после совершения исполнителем преступления. При этом важнейшее качество пособника – его помощь или

обещание таковой – имеет место еще до совершения исполнителем преступления.

Если же виновный оказывает помощь исполнителю преступления при отсутствии заранее данного обещания (например, приобрести или сбыть похищенное имущество), то такое поведение нельзя квалифицировать как пособничество, поскольку имеет место прикосновенность к совершению преступления в форме заранее не обещанного приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ).

Несмотря на вышеизложенное, Пленум Верховного Суда РФ в пункте 17 постановления № 32 от 7 июля 2015 г. «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» указал следующее: «Если лицо заранее не обещало приобрести или сбыть похищенное, но в силу систематического совершения, например, скупки краденого, давало основание исполнителю рассчитывать на подобное содействие, его действия образуют пособничество в совершении преступления» [5].

Данная позиция высшей судебной инстанции имеет достаточно глубокие корни [9]. В ее основе лежит желание привлечь к уголовной ответственности как можно более широкий круг лиц, так или иначе способствующих совершению хищения чужого имущества.

Думается, что согласиться с таким решением и применением расширительного толкования уголовного закона в настоящее время нельзя по следующим причинам.

Во-первых, при данных обстоятельствах отсутствует признак совместности, характерный для соучастия в преступлении. Данный признак предполагает, что соучастники объединяют свои усилия для достижения преступного результата.

Как подчеркнул в одном из своих решений Президиум Верховного Суда РФ, пособник, оказывая содействие исполнителю преступления, должен сознавать, какое именно совершается преступление, в котором он исполняет роль соучастника [8]. При этом, как представляется, речь идет не об общем осознании того, что это, скажем, хищение чужого имущества, а конкретная форма хищения.

Во-вторых, для соучастия характерно наличие единства умысла. При этом, полагаем, что пособник должен знать не только фактические обстоятельства совместно совершаемого преступления,

но и то, что своими действиями он оказывает содействие конкретному лицу в совершении деяния, и что его действия находятся в причинной связи с преступлением, совершенным исполнителем, вследствие чего он совместно с исполнителем участвует в его осуществлении.

Следовательно, Пленум Верховного Суда РФ, давая разъяснения относительно возможности признания пособником лица, давшего своими действиями исполнителю возможность рассчитывать на его содействие в будущем, говорит о том, что высшая судебная инстанция игнорирует положения ст. 32 и ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Таким образом, можно заключить, что некоторые современные разъяснения, даваемые высшей судебной инстанцией, в ряде случаев не проработаны должным образом, поскольку вступают в противоречие между собой и с текстом уголовного закона. Наличие данного факта указывает на необходимость дальнейшей работы по выявлению недостатков, связанных с судебным толкованием, с целью правильной уголовно-правовой оценки действий виновных лиц при осуществлении квалификации преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 5.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8. С. 7.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1. С. 3.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2. С. 6.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9. С. 3.
6. Линкевич А.Е., Поезжалов В.Б. Некоторые проблемные аспекты, связанные с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации о необходимости обороны // Вестник ВЭГУ. 2013. № 4. С. 22–26.
7. Поезжалов В.Б., Линкевич А.Е. Критический анализ Постановления Пленума Верховного Суда Российской

ской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Евразийская адвокатура. 2016. № 2 (21). С. 26–29.

8. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 609п2002 по делу Цуцкиридзе и Воронцова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 7. С. 13.

9. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР № 11 от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References (transliterated)

1. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2003. № 2. S. 5.
2. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2006. № 8. S. 7.
3. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2008. № 1. S. 3.
4. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2009. № 2. S. 6.
5. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2015. № 9. S. 3.
6. Linkevich A.E., Poezshalov V.B. Nekotorye problemnye aspekty, svyazannye s raz'jasnenijami Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii o neobhodimoj oborone // Vestnik VJeGU. 2013. № 4. S. 22–26.
7. Poezshalov V.B., Linkevich A.E. Kriticheskij analiz Postanovlenija Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 4 dekabrya 2014 g. № 16 «O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti» // Evrazijskaja advokatura. 2016. № 2 (21). S. 26–29.
8. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF № 609p2002 po delu Cuckiridze i Voroncova // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2003. № 7. S. 13.
9. Postanovlenii Plenuma Verhovnogo Suda SSSR № 11 ot 31 ijulya 1962 g. «O sudebnoj praktike po delam o zaranee ne obeshhannom ukryvatel'stve prestuplenij, priobretenii i sbyte zavedomo pohishhennogo imushhestva» [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru

info@eurasniipp.ru

+7-917-40-61-340

Афанасьев М.В.

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 264 И 264.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: Исследование правового значения предмета ряда преступлений в сфере безопасности дорожного движения.

Методология: Автором применялись формально-юридический метод и метод изучения документов.

Результаты: В статье дан правовой анализ уголовно-правового значения предмета ряда преступлений в сфере безопасности дорожного движения: исследуется понятие механических транспортных средств, являющихся предметом преступлений, предусмотренных ч. 2, 4 или 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку содержит ценные для науки и практики выводы и предложения.

Ключевые слова: предмет преступления, транспортное средство, механическое транспортное средство, иные транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

Afanasyev M. V.

SUBJECT OF THE CRIMES PROVIDED BY ART. 264 AND 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: A research of legal value of a subject of a number of crimes in the sphere of traffic safety.

Methodology: The author applied a formal-legal method and a method of studying of documents.

Results: In article the legal analysis of criminal and legal value of a subject of a number of crimes in the sphere of traffic safety is given: the concept of the mechanical vehicles which are a subject of the crimes provided by the p. 2, 4 or 6 of Art. 264 and Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is investigated.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific value as contains conclusions and offers, valuable to science and practice.

Keywords: a crime subject, the vehicle, the mechanical vehicle, other vehicles, on management of which according to the legislation of the Russian Federation on traffic safety the special right is granted.

Обязательным признаком объекта преступлений, предусмотренных ч. 2, 4 или 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ, является предмет преступления, представляющий собой определенную вещь материального мира, путем воздействия на которую субъектом преступления причиняется вред общественным отношениям, охраняемым соответствующей уголовно-правовой нормой. Согласно одной из распространенных точек зрения, предметом рассматриваемых преступлений являются механические транспортные средства [4]. Тем не менее, некоторые авторы расценивают механические транспортные средства не в качестве предмета, а в виде орудия указанных преступлений [5]. Другие авторы вообще не относят транспортные средства ни к предмету, ни к орудию, а понимают их как «особый источник повышенной опасности, проявляющий свои возможности в рамках дорожного движения и требующий соблюдения установленных правил» [2]. Первая из приведенных точек зрения видится нам наиболее верной и обоснованной. В доказательство этому можно привести разъяснение Пленума Верховного Суда

РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», согласно которому «транспортное средство не может быть признано орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного статьей 264 либо 264.1 УК РФ». Тем не менее, в этой связи стоит отметить, что при совершении умышленного преступления с использованием транспортного средства его вполне можно признать либо орудием, либо средством совершения преступления в силу того, что виновное лицо осознает факт использования им транспортного средства в качестве орудия или средства совершения преступления и желает этого.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» транспортное средство – это «устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем». Согласно п. 1.2 Правил дорожного дви-

жения Российской Федерации «механическое транспортное средство – транспортное средство, приводимое в движение двигателем. Приведенный термин распространяется на любые тракторы и самоходные машины».

В диспозиции ч. 1 ст. 264 УК РФ говорится об автомобиле, трамвае либо другом механическом транспортном средстве. Понятие другого механического транспортного средства дано в п. 1 примечания к ст. 264 УК РФ, согласно которому к нему относятся: трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством РФ о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

В новой редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. 24 мая 2016 г.) в абз. 2 п. 2 появилось более конкретное разъяснение, согласно которому «под механическими транспортными средствами применительно к ст. 264, 264.1 УК РФ понимаются автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, квадрициклы, мопеды, иные транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право, а также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины».

«Автомобиль – это самоходное транспортное средство на колесном либо полугусеничном ходу, оборудованное двигателем внутреннего сгорания или электродвигателем и предназначенное для перевозки пассажиров и (или) грузов по безрельсовым путям. Трамвай – это самоходное транспортное средство, приводимое в движение электрическим двигателем и используемое для перевозки пассажиров по рельсовым путям. Трактор – это самодвижущееся транспортное средство на гусеничном или колесном ходу, предназначенное для выполнения сельскохозяйственных, дорожно-строительных, землеройных, транспортных и других работ в агрегате с прицепными, навесными или стационарными механизмами (орудиями)» [3]. Автобус, по сути, представляет собой разновидность автомобиля и предназначен для перевозки более 8 пассажиров (ст. 25 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»). Троллейбус – это безрельсовое механическое транспортное средство (пассажирского, грузового или специального назначения) с электрическим приводом [1]. Мотоцикл – «двухколесное механиче-

ское транспортное средство с боковым прицепом или без него, рабочий объем двигателя которого (в случае двигателя внутреннего сгорания) превышает 50 куб. см, или максимальная конструктивная скорость (при любом двигателе) превышает 50 км/ч. К мотоциклам приравниваются трициклы, а также квадрициклы с мотоциклетной посадкой или рулем мотоциклетного типа, имеющие ненагруженную массу, не превышающую 400 кг (550 кг для транспортных средств, предназначенных для перевозки грузов) без учета массы аккумуляторов (в случае электрических транспортных средств), и максимальную эффективную мощность двигателя, не превышающую 15 кВт» (п. 2 Правил дорожного движения РФ.)

Понятие самоходных дорожно-строительных и иных самоходных машин отсутствует в российском законодательстве. Однако в недействующем в настоящее время Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. № 11 «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» содержится понятие иной самоходной машины, которое вполне применимо и к самоходным дорожно-строительным и иным самоходным машинам. На основании этого под самоходными дорожно-строительными и иными самоходными машинами следует понимать «любые дорожные, строительные, сельскохозяйственные и другие специальные машины (экскаваторы, грейдеры, автокран, скрепер, автопогрузчик и т. п.)». При этом необходимо отметить, что указанные машины, исходя из понятия механического транспортного средства, могут иметь различную максимальную скорость и объем двигателя. Поэтому к данным машинам следует также относить катки, комбайны и т. п.

До 1 июля 2015 года механические транспортные средства ограничивались рамками двух альтернативных признаков, а именно: 1) максимальная скорость движения (не более 50 км/ч); 2) максимальный объем двигателя (более 50 куб. см). В настоящее время эти ограничения отсутствуют. Исключение подобных требований, по сути, повлекло расширение перечня транспортных средств, относящихся к предмету преступлений, предусмотренных ч. 2, 4 или 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ. Высказанное утверждение в полной мере относится к мопедам (скутеры, мокики) и приравненным к ним квадрициклам, которые ранее не признавались механическим транспортным средством и не являлись предметом соответствующих преступлений. Так, мопед – «это двух- или трехколесное механическое транспортное средство, максимальная конструктивная скорость

которого не превышает 50 км/ч, имеющее двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 куб. см, или электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт. К мопедам приравниваются квадрициклы, имеющие аналогичные технические характеристики». В некоторых случаях в качестве механического транспортного средства можно признать и велосипед. Так, если велосипед оснащен навесным двигателем внутреннего сгорания любого объема, то фактически его можно отнести к мопедам. Однако если велосипед оснащен электродвигателем «номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки, не превышающей 0,25 кВт, автоматически отключающимся на скорости более 25 км/ч», то он не будет относиться к механическому транспортному средству.

Как указал Верховный Суд РФ в упомянутом выше постановлении, «лица, управлявшие транспортными средствами, не относящимися к механическим транспортным средствам (например, велосипедами), и допустившие нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, при наличии к тому оснований несут ответственность соответственно по ч. 1, 2 или 3 ст. 268 УК РФ».

А.И. Коробеевым высказано мнение, что увеличение перечня транспортных средств, относящихся к предмету преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, вызвало неоправданное расширение уголовно-правовой репрессии в борьбе с данной разновидностью транспортной преступности [3]. Позволим себе не согласиться с представленной позицией. Думается, что как таковое расширение репрессии не произошло, так как раньше деяния, связанные с нарушением Правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, совершенные лицом, управляющим например мопедом, также квалифицировались как преступные, однако по другой статье, а именно по ст. 268 УК РФ «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта».

Приведенный в п. 1 примечания к ст. 264 УК РФ и продублированный в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 термин «иные транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право» означает, что перечень механических

транспортных средств, являющихся предметом преступлений, предусмотренных ч. 2, 4 или 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ, может быть изменен путем внесения изменений в ст. 25 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», в которой содержатся виды категорий и подкатегорий транспортных средств, на управление которыми предоставляется специальное право.

Необходимо особо отметить, что не все машины, подпадающие под определение механического транспортного средства, будут относиться к предмету преступлений, предусмотренных ч. 2, 4 или 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ. Как верно отмечает З.Б. Соктоев, не является предметом анализируемого преступления «боевая самоходная техника Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны и безопасности государства (танки, бронетранспортеры, самоходные артиллерийские и ракетные установки и др.), равно как и любые иные боевые, специальные или транспортные машины, нарушение правил вождения или эксплуатации которых влечет ответственность в соответствии со ст. 350 УК РФ» [6].

Неоднозначно решается в теории вопрос относительно признания в качестве предмета рассматриваемого преступления транспортного средства, не подлежащего регистрации, конструкция которого или внесенные в конструкцию изменения не соответствуют действующим на территории РФ требованиям в области безопасности дорожного движения. Так, З.Б. Соктоев отрицает возможность признания машины, не подлежащей регистрации, в качестве предмета исследуемого преступления [6]. Противоположной точки зрения придерживается Н.И. Пикуров, который отмечает, что «несоответствие установленным стандартам означает лишь, что использование таких транспортных средств само по себе является нарушением Правил, которое учитывается при квалификации дорожно-транспортных преступлений в качестве одной из разновидностей нарушения Правил эксплуатации транспортных средств» [4]. Последнее мнение видится нам наиболее обоснованным и верным.

Ряд авторов справедливо подчеркивают юридико-техническую погрешность, допущенную законодателем при описании предмета рассматриваемых преступлений (тавтологичное объяснение), суть которой состоит в том, что в диспозиции имеется ссылка на примечание, а примечание в свою очередь отсылает к нормам администра-

тивного права [6]. Такая запутанность негативно отражается на правоприменении. В этой связи стоит согласиться с мнением А.И. Коробеева, который приходит к выводу о необходимости отказа от уголовно-правового определения механического транспортного средства, так как его понятие дано в законодательстве иной отраслевой принадлежности [3]. На основании этого в целях разгрузки текста УК РФ от излишних положений и улучшения его качества представляется необходимым исключить из диспозиции ч. 1 ст. 264 УК РФ слова «...автомобилем, трамваем либо другим...», а также п. 1 примечания к этой статье.

Пристатейный библиографический список

1. Ефремов И.С. Троллейбусы (теория, конструкция и расчет): учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1969.
2. Исаев Н.И. Уголовная ответственность за нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: науч.-практич. пособ. / под ред. проф. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2010.
3. Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность: монография. М.: Юрлитинформ, 2015.

4. Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений: науч.-практич. пособ. М.: РАП, 2011.

5. Проценко С.В. Предмет и объект уголовно-правовой охраны в составе транспортных преступлений // Российский следователь. 2010. № 14. С. 22–25.

6. Соктоев З.Б. Энциклопедия уголовного права. Т. 24. Преступления против безопасности и эксплуатации транспорта. СПб., 2014.

References (transliterated)

1. Efremov I.S. Trollejbussy (teorija, konstrukcija i raschet): uchebnik dlja vuzov. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Vyssh. shkola, 1969.
2. Isaev N.I. Ugolovnaja otvetstvennost' za narusheniya Pravil dorozhnogo dvizhenija i jekspluatacii transportnyh sredstv: nauch.-praktich. posob. / pod red. prof. N.G. Kadnikova. M.: Jurisprudencija, 2010.
3. Korobeev A.I. Transportnye prestuplenija i transportnaja prestupnost': monografija. M.: Jurlitinform, 2015.
4. Pikurov N.I. Kvalifikacija transportnyh prestuplenij: nauch.-praktich. posob. M.: RAP, 2011.
5. Procenko S.V. Predmet i ob'ekt ugolovno-pravovoj ohrany v sostave transportnyh prestuplenij // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 14. S. 22–25.
6. Soktoev Z.B. Jenciklopedija ugolovnogo prava. T. 24. Prestuplenija protiv bezopasnosti i jekspluatacii transporta. SPb., 2014.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

**Наш портал состоит
из следующих разделов:**

- ✓ Законопроекты
- ✓ Принятые законы
- ✓ Судебная практика
- ✓ Пресс-релизы
- ✓ Юридические статьи
- ✓ Юридические вузы
- ✓ Юридическая школа в лицах
- ✓ Новости
- ✓ Наши партнеры
- ✓ Институт законодательства
- ✓ Бесплатная юридическая консультация

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Цель: Исследование вопросов применения норм УК РФ о крайней необходимости.

Методология: Использовался формально-юридический метод.

Результаты: Автор, рассматривая проблему коллизии жизней, делает вывод о том, что причинение смерти человеку в состоянии крайней необходимости с целью устранения опасности собственной жизни будет признаваться непроступком только при условии, когда спасаемая жизнь и жизнь того человека, у которого она отнимается в момент причинения вреда, находились в состоянии опасности, реализация которой неминуемо привела бы к наступлению смерти обоих лиц.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку является современной попыткой рассмотрения актуальной юридической проблемы.

Ключевые слова: крайняя необходимость, преступление, уголовная ответственность.

Vasik E.A.

EMERGENCY: SALVATION OF THE LIFE AT THE EXPENSE OF LIFE OTHER PERSON

Purpose: Research of questions of application of regulations of the criminal code of Russian Federation of emergency.

Methodology: The formal-legal method was used.

Results: In article conditions of legitimacy of actions in the conditions of emergency are considered. The author considering a problem of a collision of lives draws a conclusion that causing death to the person for the purpose of elimination of danger of own life will be recognized not criminal an emergency condition only under a condition when the saved life and life of that person from whom it is taken away at the time of damnification were in a condition of danger which implementation inevitably would lead to occurrence of death of both persons.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific and practical value as is modern attempt of consideration of an actual legal problem.

Keywords: emergency, crime, criminal liability.

Крайняя необходимость – это возникшее по воле человека либо в результате действия сил природы состояние угрозы причинения вреда охраняемым законом интересам, при котором возможно устранение (предотвращение) причинения вреда этому охраняемому законом интересу только путем причинения вреда охраняемым законом интересам, менее важным с точки зрения уголовного закона.

В ст. 39 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплено, что крайняя необходимость – это обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, если причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам имело место для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, при условии, что эта опасность не могла быть устранена иными средствами, и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

Основанием для причинения вреда при крайней необходимости является опасность, угрожающая охраняемым уголовным законом интересам,

источником которой может быть, в отличие от состояния необходимой обороны, не только общественно опасное посягательство, но и природная или техногенная катастрофа, действие погодных факторов или поведение животных. Вред при этом может быть причинен не только лицу, от которого исходит опасность, но и третьим лицам. Опасность, которая вызывает состояние крайней необходимости, должна угрожать законным ценностям и интересам, быть реальной, а не кажущейся; быть наличной, а не ожидающейся в неопределённом будущем. Ещё одно условие правомерности причинения вреда при крайней необходимости: причинение вреда является единственным средством избежать грозящей опасности. Превышением пределов крайней необходимости принято считать причинение вреда, не соответствующего характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда (ч. 2 ст. 39 УК РФ).

¹ Статья публикуется по результатам конкурса докладов, проведенного в рамках VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 31 мая 2016 г.).

Причиненный вред должен быть всегда меньше предотвращенного по количественным и (или) качественным показателям.

Допустимость вреда по качественным показателям означает, что лицо причиняет вред менее ценному объекту уголовно-правовой охраны, а опасность угрожает более значимому объекту.

Уголовный закон Российской Федерации не регламентирует случаи, когда субъект состояния крайней необходимости все же не смог предотвратить больший вред, а в литературе по этому вопросу высказываются различные мнения. Следует согласиться с такими авторами, как С.А. Домахиных [1], В.И. Морозов [3], Н.В. Лысак [2], Г.Ф. Хаметдинова [5], которые считают, что в подобных ситуациях реальное недостижение цели предотвращения опасности не исключает правомерности действий лица, направленных на спасение более важного блага. Поэтому лицо, действовавшее в состоянии крайней необходимости, не должно нести ответственность за результаты, противоречащие его объективным и субъективным усилиям, если сами эти усилия с точки зрения закона и общества общественно полезны.

В уголовном законодательстве других стран есть примеры закрепления такого правила. Так, в Уголовном кодексе Республики Беларусь норма ч. 2 ст. 36 сформулирована следующим образом: «Состояние крайней необходимости признается также в случае, если действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели, и вред наступил, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить».

Допустимость вреда по количественным показателям означает, что в состоянии необходимости причинен реально меньший вред тому же объекту уголовно-правовой охраны, что и предотвращенный.

Вопрос о количественной допустимости причиняемого в состоянии крайней необходимости вреда гораздо более сложен, нежели вопрос о качественной его допустимости. Вопрос «можно ли спасти жизнь одного человека за счет другого?» до сих пор вызывает споры в науке.

С одной стороны, количественно равное причинение вреда одному и тому же объекту уголовно-правовой охраны в состоянии необходимости не исключает преступности деяния (в ч. 2 ст. 39 УК РФ одним из критериев превышения пределов крайней необходимости названо как раз причинение «равного» вреда). Условно ситуации столкновения жизней при крайней необходимости можно разделить на два вида. Первый возникает

тогда, когда имеется возможность спасения жизней многих людей за счет одной или значительно меньшего количества. Второй – когда на разных чашах весов оказываются две равные жизни. Здесь следует уточнить, что ситуации причинения смерти человеку в состоянии крайней необходимости с целью устранения опасности собственной жизни бывают различны. Это оказывает влияние на правовую оценку действий, совершенных в таких ситуациях.

Ситуация, когда опасность непосредственно угрожает нескольким жизням, разногласий не вызывает. Например, порядок и способы борьбы с террористами, захватившими воздушные суда, допускают возможность сбивать самолеты с пассажирами, захваченные террористами и летящие на жилые районы города. Но как пример квалификации по указанным правилам не рассматривается случай убийства лица с целью использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ), несмотря на то, что эти органы будут использованы для спасения жизни нескольких людей, которым срочно нужно провести операцию по пересадке изъятых органов для спасения от неминуемой смерти. Такие действия нельзя оценить как совершенные в состоянии крайней необходимости, даже если в данном случае вред в виде смерти человека причиняется с целью спасения жизней других людей.

По вопросу о спасении одной жизни за счет жизни другого человека мнения ученых резко расходятся. Известен пример, приведенный еще М.Д. Шаргородским [6]: в силу технического дефекта не выдерживают крепления в альпинистской связке. Двое людей висят над пропастью, но оставшиеся крепления двоих не выдержат, и они это прекрасно понимают. Может ли находящийся выше в связке перерезать веревку, даже по требованию другого человека?

Уголовный закон Российской Федерации исходит из того, что причинение смерти одному человеку с целью спасения жизни другого – преступление, и ситуация правомерной крайней необходимости в этом случае недопустима.

Как отмечает Н.А. Овезов [4], в приведенном примере речь идет не о спасении собственной жизни за счет гибели другого, а об объективной реальной невозможности спасти жизнь другого даже ценой собственной жизни и, соответственно, об уклонении от дальнейшего соприкосновения с источником опасности за счет уже пострадавшего интереса.

В данном примере действия должны оцениваться в рамках института крайней необходимости

сти, так как в наличии имеются все признаки, характеризующие его состояние: опасность и невозможность ее устранить способом без причинения вреда, и признаки, характеризующие деяние, причиняющее вред: вред причиненный менее значителен, чем вред предотвращенный (гибель одного человека вместо гибели двоих людей), и этот вред причиняется с целью устранения опасности жизни человека. Устранение опасности собственной жизни в состоянии крайней необходимости посредством умышленного причинения смерти другому человеку, не находящемуся в состоянии опасности, должно расцениваться как убийство при превышении пределов крайней необходимости и квалифицироваться по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за убийство. Состояние крайней необходимости, когда сталкиваются две жизни, всегда вызывало и еще будет вызывать вопросы у ученых и практиков. Причинение смерти человеку в состоянии крайней необходимости с целью устранения опасности собственной жизни и условиям безопасного существования человека и гражданина будет признаваться непроступком, только когда спасаемая жизнь и жизнь того человека, у которого она отнимается в момент причинения вреда, находились в состоянии опасности, реализация которой неминуемо привела бы к наступлению смерти обоих лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1955.

2. Лысак Н.В. Крайняя необходимость // Следователь. 1998. № 6.

3. Морозов В., Шарапов Р. О понятии превышения пределов крайней необходимости // Человек: преступление и наказание: Вестник Рязанского института права и экономики МВД России. 1995. № 4. С. 27–30.

4. Овезов Н.А. К вопросу об обстоятельствах, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния в советском уголовном праве. Ашхабад, 1972.

5. Хаметдинова Г.Ф. К вопросу о законодательной регламентации крайней необходимости по УК РФ // Уголовное право на рубеже тысячелетий: материалы региональной научно-практической конференции (21 ноября 2007 г.). Тюмень, 2008.

6. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 511.

References (transliterated)

1. Domahin S.A. Krajnjaja neobhodimost' po sovetskomu ugovolnomu pravu. M., 1955.

2. Lysak N.V. Krajnjaja neobhodimost' // Sledovatel'. 1998. № 6.

3. Morozov V., Sharapov R. O ponjatii prevysheniya predelov krajnej neobhodimosti // Chelovek: prestuplenie i nakazanie: Vestnik Rjazanskogo instituta prava i ekonomiki MVD Rossii. 1995. № 4. S. 27–30.

4. Ovezov N.A. K voprosu ob obstojatel'stvah, ustranjajushhih obshhestvennuju opasnost' i protivopravnost' dejanija v sovetskom ugovolnom prave. Ashhabad, 1972.

5. Hametdinova G.F. K voprosu o zakonodatel'noj reglamentacii krajnej neobhodimosti po UK RF // Ugolovnoe pravo na rubezhe tysjacheletij: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii (21 nojabrja 2007 g.). Tjumen', 2008.

6. Shargorodskij M.D. Prestuplenija protiv zhizni i zdorov'ja. M., 1947. S. 511.

Уфимский центр судебных экспертиз

г. Уфа, ул. Адмирала Макарова, 26/1
Тел. (347) 233-38-69

Наш центр обладает уникальным оборудованием и современными методиками производства различных судебных экспертиз, что подтверждается Сертификатом соответствия требованиям системы добровольной сертификации негосударственных судебно-экспертных лабораторий. Все это позволяет в кратчайшие сроки проводить следующие виды экспертиз и исследований любой сложности: судебно-почерковедческая экспертиза, технико-криминалистическая экспертиза документов, экспертиза определения давности изготовления документов, судебно-трасологическая экспертиза, судебно-автотехническая экспертиза, исследование холодного оружия, экспертиза материалов, веществ, изделий, строительно-техническая экспертиза, исследование объектов с составлением отчета об оценке их стоимости, психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа, другие виды экспертиз и исследований.

Кроме того, проводятся устные и письменные консультации, экспертное сопровождение юридических и физических лиц по гражданским, уголовным и арбитражным делам.

Цель: Исследование неустрашимых ошибок, допускаемых при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Методология: Автором применялись формально-юридический метод и метод изучения документов.

Результаты: В статье дан правовой анализ возможности обжалования решения суда, вынесенного на основании вердикта присяжных заседателей, с целью устранения допущенных судебных ошибок, а также раскрывается специфика вердикта присяжных как немотивированного решения.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку содержит ценные для науки и практики выводы и предложения.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей, неустрашимые судебные ошибки, вердикт, несоответствие выводов.

Purpose: A research of the ineradicable mistakes made by consideration of criminal case by court with participation of jury members.

Methodology: The author applied a formal-legal method and a method of studying of documents.

Results: In article the legal analysis of a possibility of the appeal of the judgment passed on the basis of the jury's verdict of assessors for the purpose of elimination of the made miscarriages of justice is given, and also specifics of the jury's verdict as unmotivated decision reveal.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific value as contains conclusions and offers, valuable to science and practice.

Keywords: court with participation of jury members, ineradicable miscarriages of justice, a verdict, discrepancy of conclusions.

С принятием 16 июля 1993 года Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс об административных правонарушениях» в России началось введение института присяжных заседателей.

Институт участия граждан в осуществлении правосудия как один из принципов уголовного судопроизводства определен в пункте 5 статьи 32 и в пункте 4 статьи 123 Конституции РФ, где говорится, что граждане РФ имеют право участвовать в отправлении правосудия, и в случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей. Данные положения конкретизируются в соответствующих нормах Закона о судебной системе и Уголовно-процессуальном кодексе РФ, закрепляющих возможность участия граждан России в судебных процессах в качестве присяжных заседателей.

Поскольку присяжные заседатели разрешают только строго регламентированные законом вопросы (п. 1, 3 и 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ): имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления; заслуживает ли подсудимый, признанный виновным, снисхожде-

ния или особого снисхождения, – принято считать присяжных заседателей судьями факта, а не судьями права [2].

В России отмечается нестабильный и переменный рост обращений обвиняемых к рассмотрению дел в суде с участием присяжных заседателей [3].

У суда присяжных как в научной среде, так и среди практических работников есть свои сторонники, утверждающие, что из всех форм уголовного судопроизводства с участием народных представителей, которые смогло до сих пор придумать человечество, суд присяжных является самой совершенной, сложной и надежной формой для защиты свободы, прав и законных интересов неповинных людей, заподозренных в совершении опасных преступлений, от произвола, ошибок недобросовестных или некомпетентных профессиональных или непрофессиональных судей, следователей и прокуроров, страдающих обвинительным уклоном, дефицитом здравого смысла и совести [4, 6].

В качестве основных положительных сторон И.Л. Петрухин называет такие характеристики суда присяжных заседателей, как воспитание уважения к праву и доверия к правосудию со стороны граждан, минимизация числа судебных ошибок, защита граждан от необоснованного осуждения [11].

При этом важным остается и то обстоятельство, что присяжный заседатель не является безучастным слушателем в судебном процессе, так как в соответствии со статьей 333 УПК РФ присяжные заседатели вправе участвовать в исследовании всех обстоятельств уголовного дела, задавать через председательствующего вопросы допрашиваемым лицам, участвовать в осмотре вещественных доказательств, документов и производстве иных следственных действий; просить председательствующего разъяснить нормы закона, относящиеся к уголовному делу, содержание оглашенных в суде документов и другие неясные для них вопросы и понятия; вести собственные записи и пользоваться ими при подготовке в совещательной комнате ответов на поставленные перед ними вопросы. Кроме того, в случае если в ходе принятия решения в совещательной комнате присяжные придут к выводу о необходимости получить дополнительные разъяснения по поставленным перед ними вопросам, закон предусматривает возможность присяжных заседателей обратиться за правовой помощью к председательствующему, который в присутствии сторон по делу обязан дать необходимые разъяснения.

Анализ судебной практики подтверждает компетентность суда присяжных, поскольку ошибки, повлекшие за собой отмену приговоров, в большей степени допускались не присяжными заседателями, а профессиональными судьями, обвинителями, защитниками и следственными органами. Вердикты присяжных, как правило, более соразмерны, более справедливы, чем приговоры, выносимые судами, состоящими из профессиональных судей. Основными причинами отмены приговоров, вынесенных судом с участием присяжных заседателей, являются нарушение прав обвиняемых при окончании предварительного следствия; неправильная постановка судьей вопросов, подлежащих разрешению коллегией присяжных заседателей; нарушение порядка совещания и голосования.

С учетом изложенного стоит отметить, что суд присяжных – это, прежде всего, суд профессионалов, поскольку именно от профессиональных судей зависит качество его деятельности, поскольку председательствующий судья ведет процесс, формулирует вопросы для заседателей, напутствует присяжных, а затем в соответствии с их вердиктом выносит приговор, применяя надлежащую норму уголовного закона и назначая наказание.

Существует мнение, что только через суд присяжных невозможно провести незаконное реше-

ние, так как на присяжных очень сложно оказать давление, чтобы они вынесли «нужное», а не справедливое решение; суд присяжных – самая действенная гарантия против фабрикации дел и необоснованного обвинения; суд присяжных полностью исключает коррупцию, так как подкупить двенадцать человек невозможно [10].

У суда присяжных заседателей есть и свои противники, доводы которых сводятся к тому, что в основу решений присяжных заложена не законность, а групповое представление о справедливости, выходящее зачастую за рамки не только закона, но и здравого смысла. Как высказывается В. Мельник, «у присяжных заседателей отсутствуют необходимые правовые знания» [6].

Основным аргументом противников института суда присяжных является его «функция прощения», а высокий процент оправдательных приговоров есть не что иное, как результат жестких требований к тем доказательствам, которые могут рассматриваться в суде присяжных [13].

Противники также указывают на судебные ошибки в решениях судов, принятых с участием присяжных заседателей, при этом главным доводом выступает непрофессионализм присяжных.

В качестве примера называется следующий случай: при вынесении решения судья всегда его обосновывает, описывая в приговоре, в чем подсудимый обвинялся, в чем признан виновным, какие доказательства подтверждают вину, почему применена та или иная статья. Судья полностью раскрывает ход своих мыслей и отвечает за свое решение. Присяжные по закону не должны объяснять свои мотивы (доказано – не доказано, виновен – не виновен) [7].

Так, одна из важнейших особенностей производства по уголовным делам с участием присяжных заседателей заключается в том, что, согласно статье 389.27 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебных решений, вынесенных с участием присяжных заседателей, являются только те из них, которые предусмотрены пунктами 2–4 статьи 389.15 УПК РФ, а именно: существенное нарушение уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона; несправедливость приговора [1]. Таким образом, помимо основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке, предусмотренного пунктом 5 статьи 389.15 УПК РФ (выявление обстоятельств, свидетельствующих о том, что обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора

или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления), несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (пункт 1 данной статьи) таким основанием также служить не может, поскольку фактические обстоятельства дела в вердикте присяжных заседателей и, соответственно, в приговоре детальному анализу вообще не подлежат. А оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего или его представителя лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них (ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ), либо в случае, если при неясном и противоречивом вердикте председательствующий не указал присяжным заседателям на неясность и противоречивость вердикта и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист (ч. 2 ст. 389.25).

Названная особенность обжалования решений суда, принятых по уголовным делам, производство по которым велось с участием присяжных заседателей, становится одновременно с этим и причиной неустранимости допущенных судебных ошибок.

Объясняется это следующим образом: конструкция отечественного уголовного процесса характеризуется состязательностью сторон, что предполагает ведение уголовного дела в суде в пределах предъявленного подсудимому обвинения и движение его усилиями сторон. По мнению Конституционного Суда РФ, выраженному в том числе в Определении от 5 ноября 2004 года № 380-О, «...Суд в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные правомочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром... Функция правосудия (разрешения дела), осуществляемая только судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон. Суд уполномочен разрешать подсудные ему дела лишь на основе соответствующих обращений участников судопроизводства, выступающих на стороне обвинения или защиты, либо обращений иных лиц, чьи права и законные интересы были затронуты действиями и решениями органов и

должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство» [8]. Таким образом, непосредственно в механизме судопроизводства по уголовному делу заложены принципы, исключающие субъективное желание судьи познать истину и свободу его действий с целью такого познания, тем самым избежать неправильного установления фактических обстоятельств произошедшего. Судья при разрешении и рассмотрении уголовного дела буквально ограничивается имеющимися в его распоряжении средствами (процессуальными действиями, доказательствами) и ресурсами (наличие финансового обеспечения проведения необходимых экспертиз, распоряжение достаточным количеством времени для рассмотрения дела и так далее).

С.А. Пашин особо отмечает встречающиеся также в судах, в особенности с участием присяжных заседателей, дела, при рассмотрении которых была искусственно устранена карательная сила уголовного закона (нуллификация), то есть оправдание явно виновного лица [9]. При этом судебной ошибкой в чистом виде такое явление назвать трудно.

Отдельные авторы связывают оправдание людей, нарушивших уголовный закон, с определенными, отличными от профессионально юридических, ответами присяжных заседателей на «вечные» вопросы, которые выделил еще в 1908 году опытный судебный деятель П.С. Пороховщиков: «1. В чем заключается цель наказания? 2. Можно ли оправдать подсудимого по соображению: на его месте я поступил бы так же, как он? 3. Можно ли оправдать подсудимого, потому что его семье грозит нищета, если он будет осужден? 4. Можно ли осудить человека, убившего другого, чтобы избавиться от физических или нравственных истязаний со стороны убитого?» [12] и другие.

Нередко именно личные ответы присяжных заседателей на эти вопросы влекут вынесение оправдательных приговоров подсудимым, которые в действительности совершили вменяемые им деяния.

К примеру, 10 марта 1995 года Ивановский областной суд вынес оправдательный приговор по делу К., обвинявшейся в убийстве своего сожителя С., который пьянствовал, сквернословил и отбирал у нее деньги для покупки спиртного. Присяжные заседатели признали доказанность того, что колото-резаное ранение мозга, от которого последний скончался, причинила покойному именно К., но на третий основной вопрос единодушно ответили «Нет, не виновна». Кассационная палата Верховного Суда РФ Определением от 7 июня 1995 года

оставила без удовлетворения протест прокурора, который требовал отмены приговора ввиду противоречивости вердикта. В Определении говорилось, что председательствующий обоснованно не усмотрел противоречивости в вердикте, поскольку коллегия присяжных заседателей дала четкий ответ о невиновности К. [5].

В свете изложенного стоит согласиться с позицией признания безмотивного оправдания присяжными заседателями лиц, совершивших приписанные им деяния, следствием не ошибки представителей народа, а реализации ими своего права корректировать уголовную политику государства, проводимую без учета нравственного чувства и здравого смысла людей [9].

Таким образом, у суда присяжных в Российской Федерации есть несомненные и неоспоримые плюсы. Суд присяжных можно назвать хотя и сложной, но самой совершенной и надежной из существующих формой судопроизводства для защиты прав, свобод и законных интересов невиновных людей, обвиняемых в совершении опасных преступлений, от произвола, ошибок недобросовестных и (или) некомпетентных судей, следователей и прокуроров, страдающих обвинительным уклоном.

Неразрешенным остается важный вопрос о том, что, несмотря на способствование института присяжных заседателей минимизации числа отдельных судебных ошибок, существует возможность совершения ошибок другого характера, являющихся уже неустраняемыми. Однако ответственность за допущенные таковые ошибки полностью лежит на органах предварительного следствия и суде, от профессиональных действий которых напрямую зависят ошибочные решения присяжных заседателей.

Пристатейный библиографический список

1. Безлепкина Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 2-е изд. М., 2008. С. 145.
2. Булеулиев Б.Т. Проблемные вопросы современного российского суда присяжных // Российский судья. 2008. № 11.
3. Интервью председателя Кассационной палаты Верховного Суда Российской Федерации Шурьгина А.П. // Адвокатские вести. 2004. № 3.
4. Корякина З.И. Теоретическая и нормативная основа права на защиту в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2015. № 3(16). С. 20–24.
5. Летопись суда присяжных (прецеденты и факты). М., 1995. Вып. 5. С. 19–23.

6. Мельник В. Суд присяжных как средство разрешения нестандартных уголовных дел // Уголовное право. 1999. № 1. С. 56–64.

7. Нужно ли России отменять суд присяжных? // Известия. 2004. № 4. С. 1.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 380-О «По запросу Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части шестой статьи 388 и части первой статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2.

9. Пашин С.А. Проблема судебной ошибки // Юридическая психология. 2007. № 2.

10. Петрухин И.Л. Реформа уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Законодательство. 2001. № 3. С. 76.

11. Петрухин И.Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. 2001. № 3. С. 5–15.

12. Сергеев П. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 71–72.

13. Трунов И.Л. Защита прав граждан в суде присяжных // Юрист. 2001. № 12. С. 51.

References (transliterated)

1. Bezlepkin B.T. Nastol'naja kniga sud'i po уголовному процессу. 2-e izd. M., 2008. S. 145.
2. Buleuliev B.T. Problemnye voprosy sovremennogo rossijskogo suda prisjazhnyh // Rossijskij sud'ja. 2008. № 11.
3. Interv'ju predsedatelja Kassacionnoj palaty Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii Shurygina A.P. // Advokatskie vesti. 2004. № 3.
4. Korjakina Z.I. Teoreticheskaja i normativnaja osnova prava na zashhitu v уголовном судопроизводстве Rossijskoj Federacii // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 3(16). S. 20–24.
5. Letopis' suda prisjazhnyh (precedenty i fakty). M., 1995. Vyp. 5. S. 19–23.
6. Mel'nik V. Sud prisjazhnyh kak sredstvo razreshenija nestandartnyh уголовных дел // Uголовное право. 1999. № 1. S. 56–64.
7. Nuzhno li Rossii otmenjat' sud prisjazhnyh? // Izvestija. 2004. № 4. S. 1.
8. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 5 nojabrja 2004 g. № 380-O «Po zaprosu Vsevolozhskogo gorodskogo suda Leningradskoj oblasti o proverke konstitucionnosti chasti shestoj stat'i 388 i chasti pervoj stat'i 402 Uголовно-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2005. № 2.
9. Pashin S.A. Problema sudebnoj oshibki // Juridicheskaja psihologija. 2007. № 2.
10. Petruhin I.L. Reforma уголовного судопроизводства: problemy i perspektivy // Zakonodatel'stvo. 2001. № 3. S. 76.
11. Petruhin I.L. Sud prisjazhnyh: problemy i perspektivy // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 3. S. 5–15.
12. Sergeich P. Iskusstvo rechi na sude. M., 1988. S. 71–72.
13. Trunov I.L. Zashhita prav grazhdan v sude prisjazhnyh // Jurist. 2001. № 12. S. 51.

Позднякова Е.А.

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цель: Рассмотрение вопросов института представительства в контексте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Методология: Автором применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: В работе проводится анализ института представительства, закрепленного Гражданским кодексом РФ, и института представительства, закрепленного Кодексом административного судопроизводства. В результате делаются выводы о различии подходов указанных кодексов к институту представительства. Автором предпринята попытка проанализировать положительные и спорные моменты нового подхода к институту представительства, закрепленного Кодексом административного судопроизводства.

Новизна/оригинальность/ценность: В работе анализируются положения института представительства, нового Кодекса административного судопроизводства РФ спустя год после его официального вступления в законную силу.

Ключевые слова: Кодекс административного судопроизводства, представительство, доверенность, полномочия.

Pozdnyakova E.A.

THE INSTITUTION OF REPRESENTATION IN THE CONTEXT OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE

Purpose: Considering the institution of representation in the context of the code of administrative procedure of the Russian Federation.

Methodology: The author with the implementation of article used formal-legal and comparative-legal methods.

Results: In the paper the institution of representation, enshrined in the Civil code and the institution mission set forth by the code of administrative proceedings was analyzed. The result of this analysis conclusions are made about the different approaches of these codes to the institution of representation. The author attempts to analyze the positive and controversial moments of the new approach to the institution of representation, enshrined in the code of administrative procedure.

Novelty/originality/value: The paper examines the provisions of the institution of representation, the new code of administrative procedure of the Russian Federation, a year after its official entry into force.

Keywords: code of administrative procedure, representation, power of attorney, powers.

15 сентября 2015 года вступил в законную силу совершенно новый кодифицированный нормативный правовой акт – Кодекс административного судопроизводства (КАС РФ), отменив собой главу 25 ГПК РФ.

Статья 1 данного нормативного акта в качестве предмета регулирования закрепляет порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий.

В данной статье будет рассмотрен только институт представительства, который известен российскому законодательству, неоднократно исследовался в научной литературе и успешно применяется на практике в самых различных делах.

Так, институт представительства нормативно закреплен в главе 10 ГК РФ «Представительство. Доверенность», ст. 31 ГК РФ «Опека и попечительство», главе 5 ГПК РФ «Представительство в суде», главе 6 АПК РФ «Представительство в арбитражном суде», ст. 45 УПК РФ «Представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя», ст. 48 «Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого», ст. 55 «Представитель гражданского ответчика».

В КАС РФ представительству в суде посвящена глава 5, закрепляющая возможность вести административные дела в суде лично и (или) через

представителей. При этом личное участие в административном деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя.

Несмотря на большое сходство с институтами представительств, закрепленными нормами ГК РФ, ГПК РФ, АПК РФ и УПК РФ, КАС РФ [1] имеет и существенные отличия, которые мы попробуем проанализировать.

В соответствии со ст. 54 КАС РФ:

– у недееспособных граждан в качестве законных представителей выступают родители, усыновители, опекуны или иные лица, которым это право предоставлено федеральным законом;

– у ограниченных в дееспособности граждан, не достигших возраста восемнадцати лет, в судебном процессе могут быть представители или законные представители – родители, усыновители, попечители или иные лица, которым это право предоставлено федеральным законом;

– в случае если у административного ответчика, место жительства которого неизвестно, либо у административного ответчика, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке, нет представителя, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях суд назначает в качестве представителя адвоката;

– административные дела организации могут вести в суде единоличный орган управления этой организацией или уполномоченные ею лица, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или учредительными документами организации, либо представители организации.

Эта позиция находит свое закрепление и в судебной практике. Так, в п. 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 указано, что лицо, которое выступает от имени юрлица в силу закона или учредительных документов, и представитель во многом имеют аналогичное положение. И орган юридического лица, и представитель действуют от имени соответствующего лица, создавая для него права и обязанности;

– от имени ликвидируемой организации в суде выступает уполномоченный представитель ликвидационной комиссии;

– от имени общественного объединения или религиозной организации, не являющихся юридическими лицами, имеет право выступать в суде

уполномоченный на это участник такого объединения или организации, имеющий высшее юридическое образование, или представитель, которому участники объединения или организации доверили ведение административного дела в суде;

– от имени органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления имеют право выступать в суде руководители либо представители указанных органов;

– по требованиям, предъявляемым к Правительству Российской Федерации, а также при обращении Правительства Российской Федерации в суд с административным иском заявлением представительство интересов Правительства Российской Федерации в судах осуществляют лица, определяемые в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Все вышеперечисленные категории представителей были и ранее известны. Изменения в этой части КАС РФ внес в статью требований к лицам, которые могут быть представителями в суде. Так, представителями в суде по административным делам могут быть лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование.

Ранее требование о наличии высшего юридического образования у представителя не было предусмотрено. Устанавливая такое требование, вероятно, законодатель хотел повысить качество рассматриваемых дел, поскольку судебные процессы с органами власти имеют определенную сложность и специфику, и вывести такой процесс на качественно новый профессиональный уровень.

Кроме того, представители должны представить суду документы о своем образовании, а также документы, удостоверяющие их статус и полномочия.

Поскольку речь идет о высшем юридическом профессиональном образовании, то необходимо подчеркнуть, что имеются в виду дипломы не только специалистов, но и бакалавров, так как они представляют первую ступень высшего образования.

В то же время п. 2 ст. 55 КАС РФ ограничивает круг лиц, которые могут быть представителями в административном иском заявлении, установив запрет некоторым категориям лиц быть представителями в административном судопроизводстве. К таким категориям лиц относятся: судьи, следователи, прокуроры, иные лица, участие которых в судебном процессе не предусмотрено

федеральным законом, за исключением случаев участия их в судебном процессе в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей. Лица, содействующие осуществлению правосудия по административному делу, не могут быть представителями лиц, участвующих в этом деле.

В соответствии со ст. 57 КАС РФ полномочия представителей подтверждаются следующими документами:

1. Полномочия законных представителей подтверждаются представленными ими суду документами, удостоверяющими их статус и полномочия.

Полномочия родителей подтверждаются свидетельством о рождении ребенка (детей), иных подтверждений полномочий закон от таких представителей не предусматривает. Что же касается опекунов и попечителей, то они представляют документы, выданные органами опеки и попечительства (например, опекуновское удостоверение), или вступившее в законную силу решение суда.

2. Полномочия руководителей органов государственной власти, иных государственных органов и органов местного самоуправления подтверждаются представляемыми ими суду документами, удостоверяющими их служебное положение. В качестве таких документов могут выступать приказ или распоряжение о назначении на должность, а также служебное удостоверение.

3. Полномочия руководителей организаций, действующих от имени организаций в пределах полномочий, предусмотренных федеральным законом, иным нормативным правовым актом или учредительными документами, подтверждаются представляемыми ими суду документами, удостоверяющими их служебное положение, а также учредительными и иными документами.

Основным нормативным правовым документом, регламентирующим положение юридических лиц, является Гражданский кодекс РФ, который ранее предусматривал положение о том, что от имени юридического лица без доверенности действует его руководитель, все остальные лица, представляющие интересы юридического лица, должны действовать на основании выданной им доверенности.

Изменения, внесенные ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ в ГК РФ, закрепили иной подход законодателя в этой части, и п. 1 ст. 53 ГК РФ изложен в следующей редакции: «Учредительным документом может быть предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам, действующим совместно или

независимо друг от друга. Сведения об этом подлежат включению в единый государственный реестр юридических лиц».

Наряду с этим подтверждать полномочия могут и иные документы, кроме учредительных, такие как приказы, распоряжения и назначения на должность руководителя и др.

4. Полномочия адвоката на ведение административного дела в суде удостоверяются в соответствии с федеральным законом.

В данном случае речь идет о ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации», который предусматривает, что документом, подтверждающим статус адвоката, является его удостоверение, а документом, подтверждающим его полномочия, является ордер на исполнение поручения [5].

5. Полномочия других представителей на ведение административного дела в суде должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с федеральным законом, а в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом, – в ином документе. Полномочия представителя также могут быть выражены в заявлении представляемого лица, сделанном в судебном заседании в устной форме, на что указывается в протоколе судебного заседания, или представленном в суд в письменной форме. При предъявлении к представителю квалификационных требований он должен представить в суд соответствующие документы, подтверждающие выполнение этих требований.

6. Доверенность от имени организации должна быть подписана ее руководителем или иным уполномоченным на это ее учредительными документами лицом и скреплена печатью организации.

7. Доверенность от имени индивидуального предпринимателя должна быть им подписана и скреплена его печатью или может быть удостоверена в соответствии с частью 8 настоящей статьи.

8. Доверенности, выданные гражданами на ведение административного дела, удостоверяются нотариально или должностным лицом организации, в которой доверитель учится, работает или проходит службу, а также товариществом собственников жилья, жилищным, жилищно-строительным или иным специализированным потребительским кооперативом, осуществляющим управление многоквартирным домом, управляющей организацией по месту жительства доверителя, администрацией учреждения социальной защиты населения, в котором находится довери-

тель, и стационарного лечебного учреждения, в котором доверитель находится на излечении. Доверенности, выданные военнослужащими, работниками воинских частей, соединений, учреждений, военно-учебных заведений или членами их семей, удостоверяются командиром (начальником) соответствующей части, соединения, учреждения, военно-учебного заведения. Доверенности лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах лишения свободы, удостоверяются начальником соответствующего учреждения.

Исходя из вышеизложенного, п. 5–8 указанной статьи предусматривают ведение административного судебного процесса на основании доверенности, под которой признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами (ст. 185 ГК РФ).

В доверенности, выданной представляемым лицом, или ином документе должно быть специально оговорено право представителя на осуществление основных процессуальных действий, а также право на их осуществление самостоятельно или с согласия представляемого лица. В частности, в доверенности должно быть оговорено право представителя:

- 1) на подписание административного искового заявления и возражений на административное исковое заявление, подачу их в суд;
- 2) на заявление о применении мер предварительной защиты по административному иску;
- 3) на подачу встречного административного искового заявления;
- 4) на заключение соглашения о примирении сторон или соглашения сторон по фактическим обстоятельствам административного дела;
- 5) на полный либо частичный отказ от административного иска или на признание административного иска;
- 6) на изменение предмета или основания административного иска;
- 7) на передачу полномочий представителя другому лицу (передоверие);
- 8) на подписание заявления о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам;
- 9) на обжалование судебного акта;
- 10) на предъявление исполнительного документа к взысканию;
- 11) на получение присужденных денежных средств или иного имущества.

В доверенности, выданной Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, право представителя на дачу заключения по ад-

министративному делу должно быть специально оговорено.

С одной стороны, законодатель достаточно четко прописал, что представитель по указанным пунктам может совершать только те процессуальные действия, которые прямо закреплены в доверенности. С другой стороны, не все здесь выглядит однозначно.

Так, ст. 42 КАС РФ предусматривает возможность обращения в суд группы лиц с коллективным административным иском заявлением. Административные дела о защите нарушенных и оспариваемых прав и законных интересов группы лиц рассматриваются судом в случае, если ко дню обращения в суд лица, выдвинувшего требование о защите прав и законных интересов группы лиц, к указанному требованию присоединилось не менее двадцати лиц.

В данной статье полномочия представителя также представлены с иным порядком оформления. В коллективном административном иском заявлении должно быть указано лицо или несколько лиц, которым поручено ведение соответствующего административного дела в интересах группы лиц. При этом такое лицо или лица действуют без доверенности, пользуются правами и несут процессуальные обязанности административных истцов.

Данная норма вступает в противоречие с п. 3 ст. 55 КАС РФ, предусматривающим обязанность представителей представить суду документ о своем образовании, а также документы, удостоверяющие их статус и полномочия, поскольку указание в иске представителя (нескольких представителей) не указывает на его полномочия.

Кроме того, отсутствие доверенности (или иного документа, в котором закреплены полномочия представителя) делает трудновыполнимым и требование законодателя, закрепленное ст. 58 КАС РФ, в которой указано, что суд обязан проверить полномочия лиц, участвующих в деле, и их представителей.

Анализ позиции законодателя в этой части позволяет поставить, на наш взгляд, несколько вопросов:

1. Как определить круг полномочий представителя или представителей, ведь они только указаны в иске, но нет доверенности?

Вероятно, в этом случае законодатель предполагает, что у таких представителей имеются полные полномочия.

Эта позиция согласуется с п. 1 ст. 56 КАС РФ, который гласит, что представитель вправе совершать от имени представляемого им лица все про-

цессуальные действия (рискнем предположить, что, с позиции законодателя, это касается и всех представляемых лиц в коллективном административном иске), а при обязательном ведении административного дела в суде с участием представителя – совершать вместо представляемого лица все процессуальные действия, за исключением действий, связанных с получением объяснений и пояснений у самого представляемого лица и привлечением его к участию в осуществлении иных процессуальных прав, если суд признает это необходимым.

Однако, на наш взгляд, эта позиция может создать спорные ситуации в случае расхождения точек зрения по существу административного иска между истцами и их представителем (представителями).

2. Каким документом заменить выбывшего представителя, например в случае его смерти?

В соответствии со ст. 42 п. 3 КАС РФ лицо или несколько лиц, которым поручено ведение соответствующего административного дела в интересах группы лиц, должно быть указано в коллективном административном исковом заявлении. По аналогии, замена представителя должна осуществляться аналогичным документом, но это означает подачу еще одного дополнительного иска по замене представителя, что не предусмотрено законом. Отсюда следует, что на практике необходимо выработать единообразный подход по замене представителя по коллективному административному исковому заявлению. Например, это должно быть заявление или ходатайство, направленное самим административным истцом (несколькими административными истцами) в адрес суда о замене одного представителя другим.

3. Как разрешить ситуацию, если один из истцов заявляет об утрате доверия данному представителю и не желает, чтобы он в дальнейшем представлял его интересы? Каким документом он может произвести замену, и какими полномочиями он наделяет нового представителя?

Эти вопросы представляют определенную трудность, поскольку в КАС РФ предусматриваются лишь замена ненадлежащего административного ответчика (ст. 43) и процессуальное правопреемство (ст. 44). Про замену же представителя (представителей) в коллективном административном исковом заявлении ничего не сказано.

Данные вопросы, на наш взгляд, также могли бы найти свое разрешение посредством подачи заявления в адрес суда об отводе представителя и

указания на новое лицо или лиц, которые в дальнейшем будут представлять интересы.

Подача такого документа важна еще и тем, что в нем указывается дата замены представителя, позволяющая в дальнейшем допустить к участию в процессе со всеми процессуальными правами и обязанностями одного представителя (представителей) и исключить другого (других).

4. Каким документом должен подтвердить свои полномочия представитель (представители) перед третьими лицами, например при необходимости сбора доказательств?

Для адвокатов, руководителей организаций это вряд ли представит проблему, поскольку адвокат может оформить адвокатский запрос, руководитель действует в силу учредительных документов от имени и в интересах юридического лица. Но несмотря на наличие закрепленных законом возможностей, даже эти категории лиц испытывают трудности при реализации своих полномочий [2–4]. Следовательно, можно предположить возникновение некоторых сложностей и у тех лиц, которые действуют без доверенности, но и иных возможностей подтвердить свои полномочия для сбора доказательств не имеют.

В то же время такая позиция будет препятствовать реализации п. 1 ч. 3 ст. 45 КАС РФ, закрепляющего право лица, участвующего в деле, представлять доказательства до начала судебного разбирательства.

В завершение считаем возможным сформулировать следующие выводы:

- при рассмотрении административного искового заявления законодатель попытался достигнуть качественно нового уровня рассмотрения дел, закрепив требование к представителям, допуская их в процесс только при наличии высшего юридического образования;

- полномочия представителей должны быть подтверждены соответствующими документами, в число которых входит и доверенность;

- определенным новшеством КАС РФ является возможность представителя (представителей) принимать участие при рассмотрении административного искового заявления без доверенности в случае подачи коллективного административного искового заявления;

- отсутствие доверенности у представителя (представителей) упрощает в определенной степени участие в процессе, но наряду с этим порождает и определенные вопросы, на которые, хочется верить, судебная практика предложит свои варианты ответов.

Пристатейный библиографический список

References (transliterated)

1. Заборовский В.В. Сущность принципов, на которых построены взаимоотношения адвоката с судом и другими участниками судебного производства // Евразийская адвокатура. 2015. № 4(17). С. 29–34.
2. Позднякова Е.А. Теория и практика реализации прав и обязанностей лица, действующего в качестве представителя по доверенности // Евразийская адвокатура. 2013. № 6(7). С. 41–47.
3. Рагулин А.В. Некоторые проблемы регламентации и практической реализации права адвоката-защитника на получение ответа на запросы // Юридический мир. 2012. № 8. С. 14–19.
4. Рагулин А.В. Основные организационно-правовые средства обеспечения реализации и защиты профессиональных прав адвоката // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 4. С. 12–17.
5. Рагулин А.В. Положения российского законодательства об удостоверении адвоката нуждаются в уточнении // Евразийская адвокатура. 2015. № 4 (17). С. 24–28.

1. Zaborovskij V.V. Sushhnost' principov, na kotorykh postroeny vzaimootnosheniya advokata s sudom i drugimi uchastnikami sudebnogo proizvodstva // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 4(17). S. 29–34.
2. Pozdnjakova E.A. Teorija i praktika realizacii prav i objazannostej lica, dejstvujushhego v kachestve predstavitelja po doverennosti // Evrazijskaja advokatura. 2013. № 6 (7). S. 41–47.
3. Ragulin A.V. Nekotorye problemy reglamentacii i prakticheskoj realizacii prava advokata-zashhitnika na poluchenie otveta na zaprosy // Juridicheskij mir. 2012. № 8. S. 14–19.
4. Ragulin A.V. Osnovnye organizacionno-pravovye sredstva obespechenija realizacii i zashhity professional'nyh prav advokata // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2011. № 4. S. 12–17.
5. Ragulin A.V. Polozhenija rossijskogo zakonodatel'stva ob udostoverenii advokata nuzhdajutsja v utochnenii // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 4 (17). S. 24–28.

**«Научное обеспечение доказательств
по уголовным делам
об экономических преступлениях
как гарантия защиты бизнеса в России»**

Издание подготовлено АП г. Москвы (при участии сектора проблем правосудия Института государства и права РАН и адвокатской конторы «Аснис и партнеры») при поддержке «АГ», Международного союза (содружества) адвокатов, международного союза юристов, Центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права. В нем обобщены практический опыт адвокатов России и научные разработки ученых-юристов по проблеме научного обеспечения доказательств по уголовным делам об экономических преступлениях.

Адвокатура, исполняя возложенную на нее законом обязанность по осуществлению функций института гражданского общества, привлекает внимание общества, деловых кругов, правоохранительных органов России к вопросу о недостаточном научном, методологическом и процессуальном уровне проведения экспертиз, что на практике приводит к нарушению Конституции РФ и права предпринимателей на защиту.

Со ссылкой на международные стандарты указывается, что для повышения законности по делам об экономических преступлениях и создания благоприятных отношений между государством и бизнесом следует рассмотреть вопросы проведения экспертиз по делам об экономических преступлениях с точки зрения соблюдения принципов Конституции РФ о состязательности и равноправии сторон, о необходимости квалифицированной защиты и о презумпции невиновности.

Работу можно скачать на сайте: www.eurasniipp.ru

Волос Е.П.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ КАТЕГОРИИ «СЛАБАЯ СТОРОНА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВООТНОШЕНИИ»

Цель: Выявление и исследование основных отличительных черт, позволяющих определить «слабую сторону» в гражданском правоотношении.

Методология: Использовались методы анализа и обобщения, формально-логический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Результаты: В статье на основе анализа российского и зарубежного законодательства, практики его применения, а также научных точек зрения предложена система признаков «слабой стороны» в гражданском правоотношении: экономические, организационные возможности; слабая переговорная сила; неопытность, отсутствие профессионализма в сфере заключения договора, а равно правовая некомпетентность или необразованность; некомпетентность в технических вопросах заключения соглашения; нужда при заключении договора, в том числе тяжелое материальное положение и иные тяжелые жизненные обстоятельства; повышенная заинтересованность во вступлении в гражданское правоотношение; злоупотребление правом со стороны контрагента и другие.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток построения системы признаков слабой стороны в гражданском правоотношении.

Ключевые слова: слабая сторона, гражданское правоотношение, признаки слабой стороны, стороны гражданского правоотношения.

Volos E.P.

THE DISTINCTIVE FEATURES OF CATEGORY «WEAK PARTY IN CIVIL LEGAL RELATIONSHIP»

Purpose: Revelation and researching of main distinctive features, which let to define the weak party in civil legal relationship.

Methodology: There were used methods of analysis and generalization, formal-logical, comparative-legal and historical-legal in this article.

Results: The article was based on the analysis of the Russian and foreign legislation, its implementation, as well as scientific point of view, a system's features of weaker party in civil legal relations: economic, organizational capacity; weak bargaining power; inexperience, lack of professionalism in the field of the contract, as well as legal incompetence or ignorance; incompetence in technical matters of the agreement; need at the conclusion of the contract, including the difficult financial situation and other difficult life circumstances; increased interest in joining the civil matter; abuse of the right of the counterparty, and others.

Novelty/originality/value: The research has a high scientific value, seeing it's one of the first attempts to make the system of the weak party's features in civil matter.

Keywords: weak party, civil matter, the features of the weak party, parties of a civil matter.

Термин «слабая сторона» всё более основательно входит в современную цивилистику. Разрабатываются понятие «слабой стороны», ее признаки, выделяются случаи необходимости особого правового регулирования отношений с ее участием, разрешаются некоторые частные вопросы, например, проблемы защиты слабой стороны в каком-либо договорном правоотношении. Вместе с тем приходится констатировать, что проблема определения слабой стороны далека от разрешения, что обосновывает актуальность дальнейших научных разработок в данном направлении.

Еще И.А. Покровский утверждал, что защита необходима экономически слабой стороне от эксплуатации ее неопытности, нужды, легкомыслия, злоупотребления доверием и тяжелой жизненной ситуацией стороной экономически сильной.

Более того, ученый отмечал, что сторона должна быть слабой по своему имущественному положению. В силу вышеуказанных отягощающих обстоятельств слабая сторона заключает невыгодный для себя договор [13]. Как будет показано ниже, экономический признак является самым распространенным в определении слабой стороны, причем как в научной литературе, так и судебной практике. Следовательно, идею И.А. Покровского, озвученную еще в конце XIX века, трудно переоценить.

По мнению И.Б. Новицкого, слабая сторона должна испытывать безудержный эгоизм со стороны контрагента, который может осуществляться во исполнение и поддержание интересов последнего. Контрагент может вкладывать в договор какое угодно содержание, тем самым обеспечивая

себе выгоду, и вправе «не раскрывать глаз противнику, не умеющему должным образом блюсти свой интерес» [12]. В современной науке гражданского права можно также найти истоки вышеуказанных положений, разработанных более века назад. Так, зачастую контрагент, преследуя свои интересы, не предоставляет полную информацию о своей деятельности и составляет договор в одностороннем порядке, разумеется, вкладывая в его содержание невыгодные условия для слабой стороны соглашения. Однако стоит оговориться, что некоторые критерии «слабости» субъекта из предложенных И.Б. Новицким обладают большой абстрактностью (например, безудержный эгоизм), и их предполагаемое использование в практической деятельности будет осложнено.

Одним из первых в современной отечественной цивилистике о слабой стороне писал В.В. Витрянский. Сопоставляя кредиторов и должников, он утверждал, что в силу профессионального статуса и материального положения, а также других обстоятельств один участник договорного правоотношения не располагает возможностями оказывать воздействие на контрагента в целях вытекающего из договора обязательства. Однако вторая сторона, имея все реальные возможности, в состоянии диктовать партнеру свою волю по договору [10]. Приведенный подход тесно взаимосвязан с судебной практикой. Так, например, истица обратилась с иском к банку о признании недействительным условия кредитного договора – о взыскании комиссии за выдачу кредита. В свою очередь суд определил, что заемщик является экономически слабой стороной в данном правоотношении, нуждается в защите своих субъективных прав, заключив типовой договор с банком, и, таким образом, не имея возможности повлиять на его условия (Определение Верховного Суда РФ от 23.12.2014 № 80-КГ14-9).

В законодательстве не используется термин «слабая сторона», хотя ряд правовых актов предоставляет особую защиту отдельным категориям лиц. Анализ таких актов позволяет выявить некоторые признаки «слабости» в гражданском правоотношении. Наиболее яркий пример: потребитель, которому законодатель предоставляет дополнительные права ввиду того, что он не обладает достаточной информацией о своих правах, качестве товара (работы, услуги), продавце (исполнителе) и т. п., не может влиять на установление цены договора, его в большинстве случаев несложно ввести в заблуждение и т. д.

Наиболее системное представление о слабой стороне в гражданском правоотношении предло-

жил Е.В. Вавилин. По его мнению, сложившаяся судебная практика, а также сформировавшиеся подходы различных авторов позволяют выделить четыре позиции, с которых можно оценить слабую сторону. Во-первых, слабой стороной может выступать должник в гражданско-правовом обязательстве. Он несет бремя совершения тех или иных обозначенных действий в пользу другого лица. Такая позиция названа лексической (номинативной). Во-вторых, с другой стороны, слабой стороной является кредитор в правоотношении, который наделяется соответствующими правомочиями по защите своих прав. Подобный подход определен как формальный (нормативный). В-третьих, возможна точка зрения, которая обозначена как договорная: слабая сторона – это участник, обладающий меньшей экономической базой, статусными возможностями по сравнению с контрагентом. В-четвертых, в силу «организационного» подхода слабой стороной в обязательстве должна быть признана та, которая имеет субъективное право, однако формы и способы его реализации, а также предусмотренный нормативно-правовыми актами механизм осуществления этого права в определенном правоотношении нуждается в совершенствовании [11].

Представляется, что каждый рассматриваемый подход в той или иной степени способен решать конкретные теоретические и практические задачи. Например, четвертая позиция должна быть воспринята законодателем как важность проведения мероприятий по совершенствованию законодательства в целях создания механизмов реального (фактического) осуществления субъективных гражданских прав слабой стороной в гражданском правоотношении.

Предлагая определение слабой стороны, Е.В. Вавилин отмечает, что слабую сторону в гражданско-правовом договоре условно следует определять как участника договорных обязательств, который располагает значительно меньшим запасом определенных ресурсов, а именно: организационными, материальными, профессиональными, информационными и другими конкурентными, которые имеют значение для формирования, осуществления и защиты субъективного права в сравнении с контрагентом [11].

Д.В. Славецкий предлагает закрытый перечень признаков слабой стороны, рассматривая только четыре определяющих фактора: повышенную заинтересованность одного из субъектов договора в заключении договора по сравнению с его контрагентом, отсутствие полной информации о деятельности контрагента, неосведомлен-

ность о правах, обязанностях и ответственности участников правоотношений, необдуманность решения. Также он утверждает, что признаки слабой стороны могут проявляться в договорных отношениях по-разному: все вместе, по одному или в различных комбинациях [14]. Представляется, что мнение о закрытости подобного перечня несколько спорно и требует уточнений. Часть из них будет предложена ниже при рассмотрении других точек зрения на вопрос.

Еще один оригинальный критерий для признания слабой стороны предложен В.А. Бабаковым. Он утверждает, что таким субъектом должно признаваться государство, особенностью участия в правоотношениях которого является то, что его интересы представляются определенными физическими лицами, «чьи фактические интересы далеко не всегда совпадают с целями, реализуемыми государством» [9].

В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О свободе договора и ее пределах» также указаны некоторые случаи, когда одна из сторон договора является слабой. Во-первых, если договор содержит условия, которые явно обременительны для одной из сторон, и имеет место нарушение баланса интересов стороны в ее отношении; в данном положении подразумеваются несправедливые договорные условия. Во-вторых, если сторона находится в таком положении, которое затрудняет согласование условий договора. В последнем случае можно привести пример о слабых переговорных возможностях слабой стороны в связи с недостатком знаний в области заключения договоров, информации, времени; территориальной удаленностью сторон и другими обстоятельствами.

Признаки слабой стороны были в центре внимания и некоторых зарубежных исследований. Так, ученые, изучающие право Европейского Союза, предлагают считать слабой стороной держателя страхового полиса (лицо, в фактическом владении которого страховой полис, застрахованное лицо, платящее страховые взносы), бенефициара (лицо, в отношении которого осуществляется доверительная собственность), потребителя, а также работника по найму, имеющих право обратиться с иском к другой стороне в тот суд, к которому эта сторона принадлежит по месту жительства или который наиболее предпочтителен для слабой стороны [8]. Полагаем, что предложенная дефиниция может быть использована для решения определенных правоприменительных задач. Прежде всего, она акцентирует внимание на месте обращения слабой стороны в суд, таким образом,

представляется актуальной для процессуального права, а также международного частного права. С точки зрения материального гражданского права, данное определение должно быть оценено критически, в частности, из-за того, что его авторы ограничивают возможность признания какого-либо субъекта слабой стороной лишь несколькими договорами.

Среди критериев признания субъекта слабой стороной есть и такой, который связан с неясностью условий договора, заключаемого с контрагентом, этот договор составляющим. Еще со времен римского частного права известно правило «*Contra proferentem*»: неясное условие договора толкуется против стороны, которая это условие предложила. Так, во многих зарубежных государствах принято, что положение договора трактуется против стороны, составляющей договор, в тех случаях, когда условие сделки выражено непонятным языком или двусмысленно.

Приведенное правило нашло отражение и в российской судебной практике: Высший Арбитражный Суд в Постановлении Пленума «О свободе договора и ее пределах» определил, что в случае неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия.

Судебные органы Израиля выделяют в своих постановлениях следующие признаки, присущие потребителю – стороне договора, являющейся слабой в договоре: правовая некомпетентность, необразованность, слабые переговорные возможности, ограничение в дееспособности, наличие имущества под залогом во исполнение обязательства. Принимая во внимание одно или несколько указанных условий, контрагент таким образом может оказывать давление на потребителя и заключать невыгодный последнему договор [6]. Перечисленные признаки также требуют уточнения. Так, физические и / или психические недостатки лица могут проявляться по-разному, и далеко не все из них можно признать основанием для определения слабой стороны.

Цивилисты во Франции отмечают, что слабая сторона обязательно должна являться клиентом крупной организации [5] и быть так называемым непрофессионалом в договоре [3]. Представляется, что французские авторы в данном случае имели в виду следующее. Слабая сторона – это та, которая по сравнению с контрагентом (про-

фессионалом) не заключает подобные договоры постоянно и является некомпетентной в рассматриваемой сфере, что служит впоследствии дальнейшему превосходству контрагента.

Недостатком предложенного определения является термин «крупная организация», который, во-первых, нельзя отнести к конкретным. Действительно, из работ цивилистов Франции невозможно точно понять, что они имели в виду под «крупной организацией» для целей определения ее в качестве сильной стороны. Во-вторых, критерий крупной организации в качестве контрагента слабой стороны далеко не всегда обоснован как в теоретическом, так и в практическом смысле. Например, потребитель, согласно законодательству Российской Федерации и Французской республики, всегда будет слабой стороной вне зависимости от того, вступает ли он в договорные отношения с «крупной организацией» или, например, с субъектом малого предпринимательства и даже микропредприятием. Так же непонятным является признак «крупной организации», если смоделировать ситуацию вступления в гражданские правоотношения двух крупных предприятий, например, при заключении договора субъектами, каждый из которых в своей сфере выступает хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на рынке. В таком примере, очевидно, не будет слабой стороны, несмотря на присутствие критерия «крупной организации».

Другие зарубежные авторы выделяют такой признак слабости в договорных отношениях между сторонами, как существование своего рода «страха» неполноценности слабой стороны перед контрагентом. При этом слабость может быть умственно-психической, технической или экономической [1].

Во-первых, об экономической слабости следует говорить, когда, к примеру, контрагент имеет сильную финансовую позицию и занимает доминирующее положение на рынке. Во-вторых, рассматривая слабость стороны в техническом аспекте, следует отметить, что, как правило, имеют место трудность и невозможность понимания договоров; профессионал составляет договор в одностороннем порядке, так как зачастую нет возможности вести переговоры, потребителю не хватает информации и времени, чтобы на равных обсудить условия договора. Раскрывая сущность понятия «умственно-психическая слабость», стоит обратить внимание, что она может быть применима, когда лицо является нетрудоспособным, например, инвалидом, который не способен осоз-

навать действительность и реализует права и несет обязанности через опекуна (попечителя).

К признакам экономической и переговорной слабости примыкает такая характеристика, как техническая некомпетентность при составлении и заключении соглашения сторон, которая также рассматривается как критерий слабой стороны в зарубежной цивилистической науке. Так, одним из зарубежных авторов приводится такой пример. Заключен договор между владельцем автомобильного завода и государственной торговой организацией. Очевидно, «дальновидным предпринимателем» едва ли можно назвать первую указанную сторону договора, так как в данном случае слабая сторона не компетентна в технических вопросах оформления договора [4].

Показательно, что высказанное мнение полностью подтверждается практикой судов. Например, по одному из дел суд одного европейского государства постановил следующее: имел место спор между банком (истец) и заемщиком (ответчик) по поводу неправомерного сбора пошлины за пользование кредитной картой. Спор был решен в пользу слабой стороны – истца, так как именно технически договор был оформлен неверно: имелись пробелы в тексте, заполненные от руки, применялись разнообразные шрифты [2]. Можно сделать вывод, что одним из критериев признания стороны в договоре слабой является некомпетентность в технических вопросах оформления договора. Сказанное подтверждается как мнениями ученых, так и практикой применения законодательства.

Верховный суд США в одном из решений также указывает на отдельные признаки слабой стороны, отмечая, что неблагоприятные условия договора, которые были включены в него без существенной необходимости, существенно подрывают сложившиеся нормальные экономические отношения. Слабая сторона может быть как вовлечена в обман или введена в заблуждение, так и действовать под принуждением без предоставления реального выбора условий договора, поскольку таковые определяются в одностороннем порядке [7].

Проанализировав отечественную судебную практику, мы выяснили, что суды в большинстве своих решений, направленных на защиту слабой стороны в гражданском правоотношении, указывают не на признаки или характеристику этого субъекта, а на отличительные черты сильной стороны договора. Например, суды рассматривают сильную сторону соглашения в качестве профессионала в соответствующей сфере, требующей

специальных знаний (такую позицию высказал, например, Арбитражный суд Северокавказского округа по делу № А32-19788/2013). Представляется, что, с точки зрения разрешения конкретных практических задач, подобный подход оправдан, так как характеристику сильной стороны в определенных случаях дать проще. Это может быть государство, монополист или иной субъект, который способен злоупотреблять своим положением, использовать его. В этой связи слабая сторона рассматривается как антагонист сильного субъекта, то есть своего рода потерпевший от злоупотреблений. Возможно, в практических целях это оправдано, что не исключает необходимости научно обоснованного определения слабой стороны. Необходимо отметить, что такое «косвенное» определение слабой стороны через понимание сильного субъекта характерно и для некоторых сфер правового регулирования, например антимонопольного законодательства.

На основе изложенного следует сделать соответствующие выводы. Слабая сторона – это субъект гражданского правоотношения, который по сравнению с контрагентом имеет меньше возможностей для реализации своего субъективного гражданского права. Для более точного и обоснованного выделения слабой стороны необходимо использовать признаки, которые должны обладать объективным характером. Проанализировав признаки слабой стороны, выделенные в российской и зарубежной науке, можно предложить следующую их систему:

- экономические, организационные возможности;
- слабая переговорная сила;
- неопытность, отсутствие профессионализма в сфере заключения договора, а равно правовая некомпетентность или необразованность;
- некомпетентность в технических вопросах заключения соглашения;
- нужда при заключении договора, в том числе тяжелое материальное положение и иные тяжелые жизненные обстоятельства;
- повышенная заинтересованность во вступлении в гражданское правоотношение;
- злоупотребление правом со стороны контрагента;
- невозможность оказать влияние на процесс составления договора;
- существенное заблуждение при заключении договора.

Между тем, рассматривая приведенный перечень, можно заметить, что большая часть признаков так или иначе связана с экономическим крите-

рием. Подобный подход воспринят действующей отечественной правоприменительной практикой, которая зачастую именно так определяет слабую сторону. Представляется, что с точки зрения обоснованности и справедливости решений судов более правильным является указание не на абстрактный признак (экономическая слабость), а на более конкретный и точный (например, невозможность оказать влияние на процесс составления данного договора или любой другой признак из перечисленных выше). Думается, что реализация данного предложения повысит законность и обоснованность решений, а необходимость выявления конкретного признака слабой стороны в определенном правоотношении поможет точно определить, является ли эта сторона слабой или нет.

Законодательство и судебная практика позволяют сделать также еще один вывод. Определение слабой стороны возможно двумя способами: прямым и косвенным. Прямой способ заключается в определении слабого субъекта через перечисленные выше признаки, такая методика определения более свойственна зарубежной судебной практике. Косвенный способ заключается в определении слабой стороны через характеристики сильного субъекта. Второй подход нередко применяется в российской судебной практике, а также антимонопольном законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. El Hattab Abdelhaq. La protection de la partie faible dans la relation contractuelle en droit marocain // Des Affaires Tanger. 2010.
2. Gönenç Gürkaynak. Turkey: Standard Terms Practice In Turkey: The High Court of Appeals Interprets The General Transaction Terms Articles Of The Turkish Code Of Obligations // ELIG Attorneys at Law. Turkey. 2015.
3. Isabelle Alvarez. Memoire les contrats desequilibre-sp. France, 2011.
4. Hakan Acar, Ahmet Cemil Yildirim. The new draft for the Turkish Code of obligation: the comparative study with the UNIDROIT principles of international commercial contracts // Journal of Qafqaz University. Turkey, Istanbul. 2008. № 24.
5. Jean Pascal Chazal. La protection de la partie faible dans la doctrine de Louis Josserand // Latentative de maintenir le compromis republicain. Lyon, 2014.
6. Jonathan Yovel, Ido Shacham. Israeli Contract Law: An Overview // The International Contract Manual. Haifa, 2014.
7. The Supreme Court's decision in Rent-A-Center, West, INC. v. Jackson [2010] [Электронный ресурс]. URL: <http://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/09-497.htm>
8. Vesna Lazic. Procedural Justice for «Weaker Parties» in Cross-Border Litigation under the EU Regulatory Scheme // The Utrecht Law Review. Volume 10. Issue 4 (November). The Netherlands. 2014.

9. Бабаков В.А. Защита государства как слабой стороны в гражданских правоотношениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2.

10. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. Кн. 1. М.: Статут, 2001.

11. Вавилин Е.В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 12.

12. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6.

13. Покровский И.А. Справедливость, усмотрение суда и судебная опека // Вестник права. 1899. № 10.

14. Славецкий Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004.

with the UNIDROIT principles of international commercial contracts // Journal of Qafqaz University. Turkey, Istanbul. 2008. № 24.

5. Jean Pascal Chazal. La protection de la partie faible dans la doctrine de Louis Josserand // Latentative de maintenir le compromis républicain. Lyon, 2014.

6. Jonathan Yovel, Ido Shacham. Israeli Contract Law: An Overview // The International Contract Manual. Haifa, 2014.

7. The Supreme Court's decision in Rent-A-Center, West, INC. v. Jackson [2010] [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/09-497.htm>

8. Vesna Lazic. Procedural Justice for «Weaker Parties» in Cross-Border Litigation under the EU Regulatory Scheme // The Utrecht Law Review. Volume 10. Issue 4 (November). The Netherlands. 2014.

9. Babakov V.A. Zashhita gosudarstva kak slaboy storony v grazhdanskih pravootnoshenijah // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy juridicheskoy akademii. 2015. № 2.

10. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo: Obshhie polozhenija. Kn. 1. M.: Statut, 2001.

11. Vavilin E.V. Mehanizm osushhestvleniya grazhdanskih prav i ispolneniya objazannostej: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2009. S. 12.

12. Novickij I.B. Princip dobroj sovesti v proekte objazatel'stvennogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. 1916. № 6.

13. Pokrovskij I.A. Spravedlivost', usmotrenie suda i sudebnaja opeka // Vestnik prava. 1899. № 10.

14. Slaveckij D.V. Princip zashhity slaboy storony grazhdansko-pravovogo dogovora: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2004.

References (transliterated)

1. El Hattab Abdelhaq. La protection de la partie faible dans la relation contractuelle en droit marocain // Des Affaires Tanger. 2010.

2. Gönenç Gürkaynak. Turkey: Standard Terms Practice In Turkey: The High Court of Appeals Interprets The General Transaction Terms Articles Of The Turkish Code Of Obligations // ELİG Attorneys at Law. Turkey. 2015.

3. Isabelle Alvarez. Memoire les contrats desequilibre-sp. France, 2011.

4. Hakan Acar, Ahmet Cemil Yildirim. The new draft for the Turkish Code of obligation: the comparative study

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Шолохова Е.А.¹

БАНКРОТСТВО ЗАСТРОЙЩИКОВ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКАМИ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Цель: Рассмотрение института банкротства застройщика как способа осуществления прав участниками долевого строительства.

Методология: Использовался формально-юридический метод.

Результаты: Рассмотрены особенности удовлетворения требований участников долевого строительства в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) застройщиков. Исследование законодательных норм, регулирующих банкротство застройщиков, позволило выделить ряд преимуществ, предоставленных дольщикам, которые недоступны иным кредиторам.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку является современной попыткой рассмотрения актуальной проблемы.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), застройщики, участники долевого строительства, удовлетворение требований кредиторов, долевое строительство многоквартирных домов, защита прав дольщиков.

Sholokhova E.A.

BANKRUPTCY OF BUILDERS AS ONE OF METHODS OF IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS BY PARTICIPANTS OF SHARED-EQUITY CONSTRUCTION

Purpose: Consideration of institute of bankruptcy of the builder as method of implementation of the rights by participants of shared-equity construction.

Methodology: The formal-legal method was used.

Results: Features of satisfaction of requirements of participants of shared-equity construction within procedure of insolvency (bankruptcy) of builders are considered. Research of the legislative arrangements regulating bankruptcy of builders has allowed to allocate a number of the benefits provided to shareholders who are unavailable to other creditors.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific and practical value as is modern attempt of consideration of an actual problem.

Keywords: insolvency (bankruptcy), builders, participants of shared-equity construction, satisfaction of requirements of creditors, shared-equity construction of apartment houses, protection of the rights of shareholders.

В условиях рыночно ориентированной экономики одним из наиболее распространенных способов приобретения жилья в собственность является участие граждан в долевом строительстве, которое предполагает привлечение инвестиционными и строительными компаниями («застройщиками») средств инвесторов (участников долевого строительства, «дольщиков») для возведения многоквартирных домов и иных объектов недвижимости с последующей их передачей участникам долевого строительства. Долевое строительство многоквартирных жилых домов в Российской Федерации регламентируется Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Однако практика показала, что этот закон не обеспечил защиту интересов дольщиков в полной мере, а именно значительные трудности

возникали в ситуациях, связанных с несостоятельностью (банкротством) застройщиков.

Так, до 2011 года применительно к банкротству застройщиков действовали общие нормы о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, согласно которым к застройщику-банкроту возможно было предъявить требования только о возврате денежных средств, в то время как зачастую дольщики в большей степени заинтересованы в приобретении жилья. Как справедливо отмечал А.В. Егоров, «особо остро неравенство кредиторов по денежным обязательствам и денежным проявляется в случаях банкротства компаний, строящих жилье» [1].

С 15 августа 2011 года процедура банкротства застройщиков регулируется специальными нормами: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) был дополнен отдельным параграфом 7 «Банкротство застройщиков». Прези-

¹ Статья публикуется по результатам конкурса докладов, проведенного в рамках VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 31 мая 2016 г.).

диум Высшего Арбитражного Суда РФ отметил, что «основной целью принятия специальных правил о банкротстве застройщиков является обеспечение приоритетной защиты граждан – участников строительства как непрофессиональных инвесторов» [3].

Интерес представляют основные положения Закона о банкротстве, касающиеся особенностей банкротства застройщиков и способов защиты прав участников долевого строительства.

Прежде всего, Закон о банкротстве предусматривает равную защиту интересов участников строительства независимо от вида договора, по которому застройщик привлекал денежные средства. Ранее недобросовестные застройщики заменяли договоры о долевом участии в строительстве иными схемами привлечения денежных средств граждан для строительства, что впоследствии лишало дольщиков возможности защитить свои права [2]. В настоящее время подобные сделки признаются притворными и приравниваются к договорам «соинвестирования». Принципиальное значение имеет лишь направленность сделки на передачу денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома (п. 6 ст. 201.1 Закона о банкротстве).

Кроме того, ст. 201.9 Закона о банкротстве изменяет общую очередность удовлетворения требований кредиторов, устанавливая приоритет требований участников долевого строительства. Последние теперь отнесены к третьей очереди расчетов по денежным требованиям, тогда как расчет с остальными конкурсными кредиторами производится уже в четвертую очередь.

Важно отметить, что согласно специальным нормам в рамках процедуры банкротства дольщики вправе предъявить к застройщику требования не только о возврате денежных средств, но и о передаче жилых помещений. Удовлетворить требования кредиторов-дольщиков путем передачи жилых помещений возможно несколькими способами.

Во-первых, погашение требований дольщиков возможно путем передачи объекта незавершенного строительства (ст. 201.10 Закона о банкротстве). В данном случае речь идет о восстановлении прав дольщиков путем создания ими жилищно-строительного кооператива и передачи на баланс недостроенного многоквартирного дома. Предполагается, что строительство дома граждане-дольщики завершают «собственными силами».

Следует отметить, что презумпция наличия права собственности на объект незавершенного

строительства у застройщика влечет риск включения арбитражным судом такого объекта в конкурсную массу должника, что лишает добросовестных дольщиков-инвесторов возможности в достаточной мере компенсировать потери от банкротства застройщика. В связи с этим в судебном порядке зачастую оспаривается право собственности застройщика на объекты незавершенного строительства, хотя на законодательном уровне данный вопрос не урегулирован, что порождает множество споров.

Во-вторых, в случае, если строительство многоквартирного дома завершено, и получено разрешение на его ввод в эксплуатацию, удовлетворить требования участников строительства возможно путем передачи им жилых помещений (ст. 201.11 Закона о банкротстве). В такой ситуации граждане-дольщики могут рассчитывать на получение жилья, но при соблюдении ряда условий: достаточность имеющихся жилых помещений для расчетов со всеми гражданами, отсутствие подписанных застройщиком и дольщиками передаточных актов или иных документов о передаче участникам строительства жилых помещений и др.

В-третьих, Федеральным законом от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» добавлен еще один способ погашения требований граждан – привлечение нового застройщика к завершению строительства объекта (ст. 201.15-1–201.15-2 Закона о банкротстве). В рамках данной процедуры происходит возмездная передача имущества (в том числе имущественных прав) и обязательств застройщика, в отношении которого введена процедура банкротства, иному застройщику.

Пристатейный библиографический список

1. Егоров А.В. Банкротство организаций-застройщиков // Вестник ВАС РФ. 2007. № 4. С. 32.
2. Кирилловых А.А. Защита прав участников долевого строительства при банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2011. № 5. С. 21.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 14452/12.

References (transliterated)

1. Egorov A.V. Bankrotstvo organizacij-zastrojshnikov // Vestnik VAS RF. 2007. № 4. S. 32.
2. Kirillovyh A.A. Zashhita prav uchastnikov dolevogo stroitel'stva pri bankrotstve // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2011. № 5. S. 21.
3. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 23.04.2013 № 14452/12.

Толмачев П.А.¹

ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ В СЛУЧАЕ ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИМ ЛИЦОМ СОВМЕСТНО С КРЕДИТНЫМ ДОГОВОРОМ

Цель: Рассмотрение возможности досрочного прекращения договора страхования в случае его заключения физическим лицом совместно с кредитным договором.

Методология: Использовался формально-юридический метод.

Результаты: В статье сформулированы правила досрочного прекращения договора страхования, в случае если договор страхования заключен вместе с кредитным договором с целью снижения риска банка по невозврату кредита.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку является современной попыткой рассмотрения актуальной проблемы.

Ключевые слова: договор страхования, кредитный договор, досрочное прекращение договора страхования.

Tolmachev P.A.

EARLY TERMINATION OF THE INSURANCE CONTRACT IN CASE OF ITS CONCLUSION PHYSICAL PERSON TOGETHER WITH THE CREDIT AGREEMENT

Purpose: Consideration of a possibility of early termination of the insurance contract in case of its conclusion physical person together with the credit agreement.

Methodology: The formal-legal method was used.

Results: In article rules of early termination of the insurance contract if the insurance contract is signed together with the credit agreement for the purpose of decrease in risk of bank on a credit non-return are formulated.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific and practical value as is modern attempt of consideration of an actual problem.

Keywords: insurance contract, credit agreement, early termination of the insurance contract.

В настоящее время в нашей стране практически каждый гражданин заключал кредитный договор с банковскими организациями. Большое количество кредитов выдается совместно с заключением договора страхования жизни и здоровья заемщиков кредита с целью снижения риска банка по невозврату кредита. В случае досрочного исполнения обязательств по кредитному договору потребители обращаются в страховую компанию с заявлением о возврате части страховой премии, однако страховые компании, как правило, отказывают в таком возврате, мотивируя это тем, что при расторжении договора страхования страховая премия возврату не подлежит. Является ли такой отказ правомерным? Полагаем, что отказ страховых компаний в возврате части страховой премии неправомерен, так как противоречит п. 1 и 3 ст. 958 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Согласно п. 1 ст. 958 Гражданского кодекса Российской Федерации договор страхования прекращается до наступления срока, на который он был заключен, если после его вступления в силу возможность наступления страхового случая от-

пала, и существование страхового риска прекратилось по обстоятельствам иным, чем страховой случай.

Как видно из буквального толкования данной нормы, договор страхования прекращает свое действие в силу указанных в норме обстоятельств, и для прекращения действия договора не требуется волеизъявления какой-либо из сторон договора. В случае такого прекращения договора страхования страховщик имеет право на часть страховой премии пропорционально времени, в течение которого действовало страхование (абз. 1 п. 3 ст. 958 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Однако страховые компании, отказывая, ошибочно применяют иную норму права, а именно п. 2 ст. 958 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно п. 2 ст. 958 ГК РФ страхователь (выгодоприобретатель) вправе отказаться от договора страхования в любое время, если к моменту отказа возможность наступления страхового случая не отпала по обстоятельствам, указанным в п. 1 ст. 958 Гражданского кодекса Российской Федерации. Как видно из буквального толкова-

¹ Статья публикуется по результатам конкурса докладов, проведенного в рамках VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 31 мая 2016 г.).

ния этой нормы, для отказа от договора страхования необходима совокупность двух факторов. Во-первых, необходимо волеизъявление страхователя (выгодоприобретателя) на досрочное прекращение договора страхования, а во-вторых, необходимо установление факта, что к моменту такого отказа возможность наступления страхового случая продолжает существовать. В случае такого прекращения договора страхования уплаченная страховщику страховая премия не подлежит возврату, если договором не предусмотрено иное (абз. 2 п. 3 ст. 958 ГК РФ).

Несмотря на то, что договор страхования и кредитный договор – два самостоятельных договора, договор страхования в таких случаях является тесно связанным с кредитным договором. Как показывает практика, срок, на который заключается договор страхования, равен сроку, на который заключен кредитный договор, страховая сумма по кредитному договору равна сумме кредита, а страховая выплата определяется как размер задолженности застрахованного по кредитному договору.

Таким образом, можно говорить о том, что в случае досрочного исполнения потребителем своих обязательств по кредитному договору возможность наступления страхового случая отпадает, и существование страхового риска прекращается по обстоятельствам иным, чем страховой случай.

Договор страхования по своей природе предполагает, что при наступлении страхового случая застрахованное лицо получает какое-либо благо в форме страхового возмещения. Однако, как уже было указано выше, в случаях заключения договора страхования при заключении кредитного договора страховая премия определяется как размер задолженности застрахованного лица по кредитному договору. В случае досрочного погашения кредита размер задолженности равен нулю, следовательно, и страховое возмещение будет равно нулю. Таким образом, даже в случае наступления неблагоприятного события, подпадающего под признаки страхового случая, застрахованное лицо страховую выплату не получит. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что возможность наступления страхового случая отпала, и существование страхового риска прекратилось по обстоятельствам иным, чем страховой случай.

А раз возможность наступления страхового случая отпала, и существование страхового риска

прекратилось, то потребитель, в силу п. 3 ст. 958 Гражданского кодекса Российской Федерации, имеет право на часть страховой премии пропорционально времени, в течение которого действовало страхование.

Как правило, срок действия договора страхования равен сроку действия кредитного договора и исчисляется в днях. Следовательно, для определения размера страховой премии, подлежащей возврату, необходимо разделить ее на количество дней, на которое был заключен договор страхования. Таким образом, будет найдена часть страховой премии, приходящейся на один день договора страхования. Найденную сумму необходимо умножить на количество дней, в течение которых действовал договор страхования, и, как следствие, в течение которых существовала возможность наступления страхового случая. Так будет найдена сумма, подлежащая оставлению у страховой компании. Оставшаяся часть страховой премии подлежит возврату страхователю.

Таким образом, отказ страховых компаний в возврате части страховой премии неправомерен. Как уже было сказано выше, свой отказ страховые компании мотивируют тем, что при отказе страховщика от договора страхования страховая премия не возвращается. Однако применение данного правила ошибочно, так как отказа от договора страхования не происходит. Договор страхования прекращает свое действие одномоментно с исполнением гражданином своих обязательств по кредитному договору, и для прекращения договора страхования не требуется волеизъявления какой-либо из сторон договора. Следовательно, в силу п. 1 и п. 3 ст. 958 ГК РФ часть страховой премии подлежит возврату согласно вышеуказанному расчету.

Пристатейный библиографический список

1. Игбаева Г.Р. Страхование законодательство в России: понятие, источники // История государства и права. 2007. № 18. С. 3–5.

References (transliterated)

1. Igbaeva G.R. Strahovoe zakonodatel'stvo v Rossii: ponjatie, istochniki // Istorija gosudarstva i prava. 2007. № 18. S. 3–5.

Серновец М.Н.

ТАЙНЫ СТОРОЖЕВОГО КОНТРОЛЯ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Цель: Исследование правовых проблем феномена сторожевого контроля в России.

Методология: Автором использовались формально-юридический метод, методы включенного наблюдения, метод изучения документов.

Результаты: В статье раскрыта сущность сторожевого контроля в России, выявлены проблемные вопросы процессуально-правовой регламентации данного явления и осуществления судебного и прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью, подвергнута анализу судебная практика по рассмотренной проблеме, предложены тактические приемы, которые имеет право применять адвокат-защитник.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку содержит обоснованные и актуальные выводы и предложения.

Ключевые слова: сторожевой контроль, оперативно-розыскная деятельность, розыск, прокурорский надзор, судебный контроль, адвокат-защитник, незаконное лишение свободы, права человека.

Sernovets M.N.

SECRETS OF SENTRY CONTROL (PART TWO)

Purpose: Research of legal problems of a phenomenon of sentry control in Russia.

Methodology: The author used a formal-legal method, methods of the included supervision, a method of studying of documents.

Results: In article the essence of sentry control in Russia is opened, problematic issues of a procedural and legal regulation of this phenomenon and implementation of judicial and public prosecutor's supervision behind operational search activity are revealed, jurisprudence on the considered problem is subjected to the analysis, policy strokes which has the right to apply the lawyer defender are offered.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific and practical value as contains valid and actual conclusions and offers.

Keywords: sentry control, operational search activity, search, public prosecutor's supervision, judicial control, lawyer defender, illegal imprisonment, human rights.

9. Казуистическое

После подготовки первой редакции статьи в конце 2014 года на сайте Московской Хельсинской группы в разделе «Новости» я прочитала, что 22 июня 2011 года, то есть на следующий же день после объявления Постановления ЕСПЧ по делу Шимоволоса, МВД России распространило заявление, в котором утверждало, что в РФ нет базы данных оппозиционеров под названием «сторожевой контроль» [1].

Столь пафосное заявление Министерства внутренних дел меня «улыбнуло». Вспомнился мультяшный капитан Врунгель и его присказка: «Как Вы лодку назовёте, так она и поплывёт». Адвокаты знают: какой вопрос зададите свидетелю, такой ответ на него и получите. Умение ставить вопросы правильно (не путать с правильным вопросом), как и читать ответы между строк, – особый вид политического искусства. Видимо, адресованный МВД России вопрос звучал некорректно, чем в министерстве и не преминули воспользоваться.

Я не буду опровергать это заявление МВД, более того, полностью с ним солидарна, действительно, никакой базы под названием «сторожевой контроль» для оппозиционеров не существовало.

Согласно моим исследованиям, в тот период существовали банки данных:

- о гражданах согласно статье 17 Федерального закона «О полиции» (далее – Закон о полиции), взаимосвязанные, в том числе, с положениями уголовно-процессуального законодательства, законодательства в области оперативно-розыскной деятельности, как и законодательства в других отраслях права;

- иные, совокупность которых я именую «сторожевым контролем», законодательно не закрепленные.

10. Официальные и неофициальные банки данных на граждан

Я не буду анализировать положения Закона о милиции, действовавшего в период происходивших в 2007 году с гр. Шимоволосом событий. Этот закон почил в бозе. Мне кажется интересным и нужным исследовать положение дел с банками данных и «сторожевым контролем» сегодня, в период действия Закона о полиции, вступившего в силу 1 марта 2011 года, то есть незадолго до оглашения Европейским Судом Постановления по делу Шимоволоса. Также предлагаю оценить некоторые взаимосвязанные положения этого за-

кона с законами об оперативно-розыскной деятельности и другими с учётом правовых позиций Конституционного и Европейского судов о бесспорном праве граждан на судебную защиту от произвола полицейских.

С официальным перечнем банков данных о гражданах можно ознакомиться в части 3 статьи 17 Закона о полиции. Как видите, таких банков данных 23. Также обращаю внимание, что, согласно части 6 этой статьи, полиция обязана обеспечить гражданину возможность ознакомления в установленном законом порядке с содержащейся в банках данных информацией, непосредственно затрагивающей его права и свободы (далее – Банки данных полиции).

Допускаю, что, законодательно закреплённое, это положение в части практического применения вызывает большие сомнения. Возможно, только у меня. И если мое исследование вызовет дискуссию, я узнаю и о положительной практике.

Зарубка 11. Законодательно закреплён порядок ознакомления гражданина с информацией, содержащейся о нём в банках данных полиции. Существует ли практическая возможность этого?

Для понимания, какие банки данных полиции, установленные законодательно, находятся во взаимосвязи с Приказами МВД, а какие нет, предлагаю сделать выборку из положений части 3 статьи 17 Закона о полиции и Приказов МВД. Станет ясно, какие банки данных полиции де-юре существуют, а какие нет. В результате сравнительного анализа будет понятно, в каких случаях гражданин лишён возможности обжаловать внесение его личных данных в такие базы. В этих случаях будет иметь место незаконное и произвольное вмешательство властей в его личную жизнь, что создаст препятствия к осуществлению им прав и свобод. Такое положение дел способствует злоупотреблениям со стороны властей, как и исключает их ответственность за нарушения прав и свобод гражданина, а также надзор и контроль за действиями силовиков.

Думаю, что сравнительная таблица будет более информативна. В нее вносится информация из Приказов МВД и части 3 статьи 17 Закона о полиции по взаимосвязанным вопросам, а также она основана на информации, содержащейся в Постановлении ЕСПЧ по делу Шимоволоса.

Таблица 1

	Приказы МВД «для служебного пользования», основанные на законоположениях статьи 17 Закона о полиции	Часть 3 статьи 17 Закона о полиции «Формирование и ведение банков данных о гражданах». «Внесению в банки данных подлежит информация...»	Правовая оценка (выводы)
1.	Приказ МВД России от 01.12.1999 № 980 предусматривает внесение в базы данных разыскиваемых лиц, как и их задержание полицией, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений	О лицах, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления (п.1); о лицах, объявленных в розыск (п.9)	Законно существование банков данных о подозреваемых, обвиняемых, в том числе объявленных в розыск
2.	Приказ МВД России от 22.12.1999 № 1070 предусматривает внесение в базы данных разыскиваемых лиц: 1) лиц, разыскиваемых Интерполом; 2) иностранных граждан и лиц без гражданства, чьи имена включены в перечень разыскиваемых лиц в связи с совершением преступлений на территории Российской Федерации; 3) иностранных граждан, которым ограничен въезд в Российскую Федерацию; 4) лиц, подозреваемых в следующих серьезных или особо серьезных правонарушениях: нелегальная перевозка оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, нелегальная перевозка антиквариата или его контрабандный вывоз из Российской Федерации, умышленное убийство, террористические акты, перевозка наркотиков, финансовые преступления; 5) лидеров этнических сообществ, лидеров и активных членов организованных преступных группировок	1) о лицах, объявленных в розыск (п. 9); 2) о лицах, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления (п. 1), как и о лицах, объявленных в розыск (п. 9); 3) об иностранных гражданах и о лицах без гражданства, в отношении которых принято решение о депортации или об административном выдворении (п. 23); 4) о лицах, подозреваемых в совершении преступления (п. 1), как и о лицах, в отношении которых заведены дела оперативного учета (п. 17); 5) о лицах, в отношении которых заведены дела оперативного учета (п. 17)	Законно существование банков данных: 1) о лицах, разыскиваемых Интерполом; 2) разыскиваемых иностранных граждан и лиц без гражданства; 3) иностранных граждан, которым ограничен въезд в РФ; 4) и 5) о лицах, в отношении которых заведены дела оперативного учета
3.	Приказ МВД от 14.04.2005 № 047 предусматривает создание базы данных о потенциальных экстремистах «сторожевой контроль»	О лицах, в отношении которых заведены дела оперативного учета (п. 17)	Законодательное закрепление формирования и ведения банков данных об экстремистах отсутствует. Приведенные примеры показывают, что к числу экстремистов власти относят лиц, занимающихся правозащитной деятельностью, как и имеющих твердую гражданскую позицию

Считаю уместным этот раздел закончить позициями Конституционного Суда, озвученными им в своих решениях от 28 января 2016 года по жалобам граждан, оспаривавших конституционность норм статьи 17 Закона о полиции, в том числе части 8 (Определения № 136-О, 137-О, 138-О и 139-О).

Конституционный Суд отметил, что положения Закона о полиции закрепляют права полиции, исходя из её предназначения, которое состоит в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействии преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечении общественной безопасности (часть 1 статьи 1), основных направлений деятельности полиции (статья 2) и ее обязанностей (статья 12), и, соответственно, предполагает, что данные права подлежат использованию полицией только в соответствии с ее предназначением и в рамках исполнения возложенных на нее обязанностей.

Далее КС констатировал, что именно в целях выполнения полицией возложенных на неё обязанностей статьей 17 Закона о полиции ей предоставлено право обрабатывать данные о гражданах и вносить в банки данных полученную информацию, состав которой обусловлен функциями полиции (часть 1) и перечисляет законно установленные банки данных.

Закон о полиции предусматривает, что формирование и ведение банков данных о гражданах осуществляется в соответствии с требованиями, установленными законодательством Российской Федерации.

При этом статья 17 Закона о полиции допускает раскрытие содержащейся в банках данных информации гражданину, права и свободы которого непосредственно затрагиваются содержащейся в банках данных информацией, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и обязывает полицию обеспечить защиту информации, содержащейся в банках данных, от неправомерного и случайного доступа, уничтожения, копирования, распространения и иных неправомерных действий (части 4–6).

Таким образом, делает вывод в своих решениях Конституционный Суд, оспариваемые положения статьи 17 Закона о полиции, закрепляющие право полиции обрабатывать данные о лицах, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию, и хранить указанные данные в целях выполнения возложенных на нее функций по защите прав и свобод граждан,

обеспечению правопорядка и общественной безопасности, рассматриваемые во взаимосвязи с другими положениями данного Федерального закона, не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя в указанных в жалобе аспектах.

С позицией КС не поспоришь, она ясна, логична, аргументирована; КС же не знает о допускаемых полицейскими злоупотреблениях при использовании таких банков данных, как и о наличии «сторожевого контроля», законодательно никак не регламентированного, существующего в стране в нарушение законов, включая Конституцию, например, часть 3 её статьи 15.

11. Рассуждения переходного периода

Повторение – мать учения, поэтому предлагаю читателю ещё раз проследить за логикой моих рассуждений, которые основаны, в первую очередь, на правовых позициях Европейского Суда, обязательных для исполнения российскими властями, а во вторую – на объяснениях российских властей в обоснование законности «сторожевого контроля». Именно этот тезис даёт возможность говорить о взаимосвязи Приказов МВД, так как российские власти пояснили, что положения каждого из них, как и их совокупность, связаны с использованием «сторожевого контроля». Непринятие этого тезиса, на мой взгляд, делает бессмысленными заявления российских властей, обосновавших законность применения «сторожевого контроля» в отношении Шимоволоса этими Приказами. Подтверждение этого вывода мы найдём в параграфе 62 Постановления Суда.

Сравнительная Таблица 1 из раздела «10. Официальные и неофициальные банки данных на граждан» тоже подтверждает этот вывод, так как выявляет несовпадения законодательно установленных статьей 17 Закона о полиции банков данных и существующих де-факто, законом не установленных, но созданных на основании Приказов МВД.

Приказы МВД касаются создания и функционирования базы данных «Розыск-Магистраль». Целью каждого приказа является облегчение выявления лиц, чьи имена внесены в банки данных (списки).

Различным является только субъектный состав интересующих властей лиц. Так, приказ № 980 касается подозреваемых и обвиняемых, находящихся в розыске; приказ № 1070 – лиц, разыскиваемых Интерполом, иностранных граждан и лиц без гражданства из числа подозреваемых и обвиняемых, находящихся в розыске, и др.; приказ № 047 регламентирует создание базы для вы-

явления лиц, которых власти по собственному усмотрению считают потенциальными экстремистами. Именно этой базе было присвоено кодовое название «сторожевой контроль», однако практика показывает, что все базы под кодовым названием «Розыск-Магистраль» полицейскими, что называется, в «быту», именуются «сторожевым контролем».

Очень важно помнить сделанные Судом выводы:

- незаконное лишение свободы, как и вмешательство в личную жизнь гр. Шимоволоса, стало возможным в связи с ведением базы данных «Розыск-Магистраль», имеющей кодовое название «сторожевой контроль», в которую были внесены его личные данные;

- следствием внесения личных данных в базу «Розыск-Магистраль» «экстремистов» (читай – «сторожевой контроль»), как и последующее задержание и лишением свободы, явилось нарушением пункта 1 статьи 5 («незаконное лишение свободы») и статьи 8 («вмешательство в личную жизнь») Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Конвенция);

- использование полицейскими «сторожевого контроля» в секретном режиме создает риски произвольности и злоупотреблений с их стороны, а также делает возможным отсутствие контроля за их действиями, как и невозможной судебную защиту.

Эти выводы Суда особенно важны в ходе дальнейших рассуждений об отсутствии контроля, надзора и судебной защиты от злоупотреблений со стороны полицейских, о чём немного говорилось в разделе «10. Официальные и неофициальные банки данных на граждан».

Считаю необходимым обратить на это внимание ещё раз в контексте положений уголовного судопроизводства: процедура предъявления подозрения (обвинения) закреплена в статьях 46, 47, 91, 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и предусматривает права этих лиц, в том числе на судебную и иную защиту, согласно статьям 123–125 УПК, что позволяет оспорить решение о розыске, принимаемое в порядке статьи 210 УПК.

Нормы права (национального и международного) предусматривают порядок взаимодействия судов, органов прокуратуры, следственных органов при розыске со стороны Интерпола, а также процедуры надзора, контроля и судебной защиты.

Мы установили, что судебная защита, а также надзор и контроль для лиц, в отношении которых

принято решение о депортации или об административном выдворении, существует.

Остаётся понять, существует ли защита для лиц, в отношении которых заведены дела оперативного учёта? На первый взгляд может показаться, что такая защита существует, раз в силу части 6 статьи 17 Закона о полиции последняя обязана обеспечить гражданину возможность ознакомления с содержащейся в банках данных информацией, непосредственно затрагивающей его права и свободы.

Де-факто, как я считаю, такая защита отсутствует:

- во-первых, неясны критерии и обстоятельства, свидетельствующие о нарушении прав и свобод, наличие которых даёт гражданину право на такое обращение;

- во-вторых, обыватель (да не только он) не знает, где и какие в отношении него ведутся дела оперативного учёта. Такое положение лишает его возможностей обращаться куда бы то ни было, кроме, возможно, абстрактных – в каждое (или любое) силовое ведомство. Такой запрос будет напоминать поход Иванушки-дурачка за счастьем: «Поди туда, не зная куда, принеси то, не зная что».

Кроме того, с помощью Европейского Суда мы установили, что «сторожевой контроль» (как и база «Розыск-Магистраль») не относится к делам оперативного учёта, законодательством о полиции не предусмотрен и нарушает фундаментальные конвенционные права. Очевидно, в этом вопросе заявителя ждёт разочарование, он не получит ответа по существу. Не могут же силовые структуры дать ему информацию о том, чего де-юре не существует, а существует де-факто, умышленно неся в себе риски нарушения прав и свободы.

Здесь становятся очевидны произвольность применения «сторожевого контроля» и повышенные злоупотребления со стороны полицейских, как в отношении лиц, данные которых включены в дела оперативного учёта, а также в случаях, когда личные данные гражданина не внесены в дела оперативного учёта.

Именно в таких случаях полностью отсутствует ведомственный контроль, надзор со стороны органов прокуратуры и судебная защита. Такое положение дел порождает «узаконенное» беззаконие. Обратимся к обстоятельствам включения личных данных гр. Шимоволоса в базу данных «сторожевой контроль». Он не был подозреваемым (обвиняемым), не находился в розыске, как лицо, скрывающееся от следствия, суда или органа исполнения наказания, также не состоял по учётам депортируемых или выдворяемых лиц.

Он был произвольно причислен к числу потенциальных экстремистов. В результате этого стало возможным его задержание, лишение и ограничение свободы в нарушение положений Конституции, национального законодательства, Конвенции. Несмотря на очевидные нарушения его прав, он остался без судебной защиты, как и защиты со стороны органов прокуратуры, куда обращался.

Зарубка 12. В России на 2011 год существовали Приказы МВД с грифом «Для служебного пользования», нарушающие права и свободы граждан, в том числе гарантированные статьями 5 и 8 Конвенции. Механизмов правовой защиты, включая защиту судебную, внутри страны не существовало (Приказ МВД от 31.10.2012 № 987, о котором в письме от 28.07.2015 сообщила ГП РФ в лице А.Г. Жафярова).

12. Законное–2. О чём говорят законы?

Проанализируем положения законов, в рамках которых может существовать и применяться «сторожевой контроль».

Первым, по моему мнению, в списке должен быть Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД).

Каких-либо свидетельств существования «сторожевого контроля» в нём нет. Более того, согласно статье 6 этого Закона при осуществлении оперативно-розыскной деятельности могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), исчерпывающий перечень которых указан в норме этой статьи. Перечень ОРМ может быть изменён или дополнен только федеральным законом. Последний и единственный раз изменения в статью 6 Закона об ОРД были внесены 5 января 1999 года законом № 6-ФЗ, тогда в число таких ОРМ был включен «опрос».

Очевидно, что «сторожевой контроль» не относится ни к одному из видов оперативно-розыскных мероприятий и не регламентирован Законом об ОРД.

Может быть, «сторожевой контроль» регламентирован УПК РФ и как-то связан с задержанием, ограничением (или лишением) свободы участников уголовного судопроизводства?

В статье 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ даются используемые в нём основные понятия. Задержание является частью института процессуального принуждения и применяется следователем (дознавателем) в отношении подозреваемого на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления (пункт 11 статьи 5 УПК).

Следует отметить, что положения пункта 11 статьи 5 УПК соответствуют правовым позициям

Конституционного и Европейского судов о моменте «задержания», каковым является момент фактического задержания лица, ограничения или лишения его свободы.

Вместе с тем, положения статьи 92 УПК (часть 2) требуют указывать в протоколе дату и время его составления, именно это время правоохранители считают временем признания лица «задержанным». Видно, что положения УПК и практика в вопросе обстоятельств и времени признания «задержанным» противоречат друг другу.

В дальнейшем я расскажу о причинах острой необходимости таких нарушений в ходе расследования, как и представлю примеры, из которых будет видно, что «погрешность» со стороны правоприменителей в указании времени задержания составляет от нескольких часов до суток (и более).

Закон «О полиции» мы ранее препарировали, установив, что среди банков данных полиции согласно статье 17 «сторожевой контроль» не указан, так как перечень статьи 17 является исчерпывающим.

Положения Закона «О государственной тайне» (далее – Закон о гостайне) тоже не помогут раскрыть тайны «сторожевого контроля» (без табулатологии здесь не обойтись). Документы с грифом «для служебного пользования» этим законом не предусмотрены и не охраняются.

Федеральные законы «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ и «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (далее – Законы о безопасности) тоже не содержат никаких сведений о «сторожевом контроле».

Для полноты картины или чистоты эксперимента я изучила положения ФЗ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ, но и там следов «сторожевого контроля» не обнаружила.

Зарубка 13. Законодательного закрепления и обоснования существования «сторожевого контроля» в действующих сегодня законах нет.

13. Вариации на тему репрессий

Несмотря на отсутствие «сторожевого контроля» в официальном правовом поле, как мы могли убедиться, он существует де-факто. Проанализируем дела, которыми занимаются правоприменители, предотвращая преступления, наказывая и преследуя за их совершение. В первую очередь, это уголовные дела, расследование которых производится по правилам УПК. На второе место поставим оперативно-розыскные дела, заведение которых регламентировано взаимосвязанными положениями УПК и Закона об ОРД. Оперативно-розыскные дела ведутся:

- 2.1. О лицах, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления;
- 2.2. О лицах, объявленных в розыск;
- 2.3. О лицах, пропавших без вести;
- 2.4. О лицах, находящихся в беспомощном состоянии и не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить сведения о себе;
- 2.5. О лицах, пропавших без вести, неопознанных трупах.

Ещё есть дела оперативного учёта.

Этими всеми делами занимаются люди в форме с погонами, причём форма может быть разного цвета. Кто-то из них расследует уголовные дела или ведёт дознание (следователи и дознаватели), другие же – прослушивают, выслеживают, внедряются, выискивают, осматривают, наблюдают и т. п. (оперативные сотрудники), именно они проводят оперативно-розыскные мероприятия. У каждого из них есть свои профессиональные, а практика показывает, что и не только, интересы. Например, они могут считать кого-то экстремистом, а кого-то террористом; другого – неблагонадёжным, неудобным, сочувствующим или членом «пятой колонны», «нацпредателем», пособником немецкого фашизма и т. п. Эти ярлыки могут навешиваться произвольно, безосновательно, по их собственному усмотрению и представлению.

Так как нас интересует не только природа «сторожевого контроля», но его корреляция с расследованием уголовных дел и оперативно-розыскной деятельностью в интересах уголовного судопроизводства, наше исследование продолжим привычным путем, переходя от общего к частному.

Установим порядок взаимодействия следователя (дознавателя) с органами, осуществляющими ОРМ, обратившись к положениям части 2 статьи 38 УПК: следователь полномочен в установленных законом случаях и в порядке поручать оперативным сотрудникам проведение ОРМ. Перечень таких мероприятий, как известно, является исчерпывающим.

Далее, раз «сторожевой контроль» не является видом ОРМ, законодательно не закреплён, то очевидно, что у следователя в рамках указаний о проведении ОРМ нет права поручить оперативным сотрудникам выставить личные данные гражданина на «сторожевой контроль». В свою очередь, оперативные сотрудники в силу закона такими правами не наделены и их не имеют.

Возникает закономерный вопрос, может быть «сторожевой контроль» де-юре связан с деятельностью оперативных служб при ведении дел оперативного учёта?

Ответ на этот вопрос тоже отрицательный и дан решением ЕСПЧ по делу Шимоволоса. Суд не смог определить правовую природу «сторожевого контроля» ввиду отсутствия в национальном праве законных оснований для его существования, что было подробно изложено в разделе «4. Правовые позиции Европейского Суда». Особенно важна для нас констатация Суда: применение «сторожевого контроля» затрагивает права и свободы человека и гражданина, однако он законодательно не регламентирован, а предусмотрен ведомственными правовыми актами – неопубликованными официально для всеобщего сведения Приказами МВД, что создает повышенные риски злоупотреблений со стороны полицейских, как и исключает судебную защиту от таких злоупотреблений.

В разделе «12. Законное–2» проиллюстрированы «смежные» с УПК, законодательством о полиции и об ОРД иные федеральные законы. Сведения о «сторожевом контроле» в них также отсутствуют. Перефразируя строку из песенки Винни-Пуха, пропоём: «Сторожевик» вроде есть, но его сразу нет!». Как нет и никаких защитных механизмов и возможностей проверить, внесены ли твои личные данные в наличествующую, но не существующую базу, как и отсутствует судебная защита, надзор со стороны прокуратуры и ведомственный контроль.

Такое положение по-прежнему порождает злоупотребления со стороны полицейских и иных лиц, имеющих возможность выставить личные данные гражданина на «сторожевой контроль», несмотря на то, что таковой, во-первых, де-юре не существует и, во-вторых, нарушает права и свободы граждан, гарантированные Конституцией и Конвенцией, что признано Европейским Судом (статьи 5 и 8).

Именно для них созданы и продолжают в настоящее время существовать базы под кодовым названием «Розыск-Магистраль» и «сторожевой контроль», которые по совокупности в быту среди полицейских и иных именуется «сторожевой контроль».

14. Аверс. Де-юре. Официальная переписка с Минюстом России

В целом Россия легко и быстро исполняет решения ЕСПЧ в части принятия мер индивидуального характера. Нет ничего трудного в том, чтобы из бюджета за счет налогоплательщиков произвести компенсационные выплаты. С пересмотрами судебных актов, принятых по делу заявителей, дела обстоят немного сложнее. Во-первых, у властей нет прямой обязанности пересматривать

принятые по делу обратившегося в ЕСПЧ заявителя судебные акты. Заявитель должен самостоятельно инициировать обращение о пересмотре вынесенных по его делу судебных актов, то есть попросить об этом судебные органы; не попросил – что называется, «баба с возу, кобыле легче». В целом худо-бедно при пересмотре учитываются позиции Суда в делах заявителей. Углубляться в эту тему пока не будем, оставим её для другого исследования под условным названием «Иллюзия правосудия», доказывающего отсутствие в стране правосудия в понимании общепризнанных международных норм и правил.

В настоящем исследовании нас интересует два вопроса:

1) исполнила ли Россия и как решение ЕСПЧ в части принятия мер общего характера по вопросу «сторожевого контроля», при условии, что его существование нарушает статьи 5 и 8 Конвенции (далее – общие меры исполнения, меры общего характера);

2) существует ли внутри страны правовой механизм защиты от произвола и злоупотреблений со стороны полицейских и иных лиц, вносящих личные данные граждан в банки данных, установленные негласно, не входящие в перечень статьи 17 Закона о полиции.

Гипотетически, как мне представляется, российские власти могли исполнить решение Суда тремя способами.

Первый – легитимизировать Приказы МВД согласно положениям части 3 статьи 15 Конституции, в том числе включив их в перечень банков данных полиции согласно статье 17 Закона о полиции или в иные нормы права, например, Закона об ОРД.

Второй – создать иной правовой механизм с учётом требований Конституции и позиций Суда с соблюдением прав и свобод граждан, как и без ущерба для национальной безопасности.

Третий – отменить Приказы, прекратив их действие.

Первый и второй варианты предоставили бы возможность надзора, контроля и судебного обжалования действий и решений правоохранителей в вопросе выставления личных данных гражданина на «сторожевой контроль», третий вариант ликвидировал бы институт «сторожевого контроля».

Ответы на эти вопросы могло дать Министерство юстиции, куда впервые в июле 2014 года были направлены запросы, ведь именно оно осуществляет государственную регистрацию нормативных правовых актов федеральных органов ис-

полнительной власти в соответствии с Правилами подготовки нормативных актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 года № 1009 (далее – Правила регистрации). Минюст также занимается мониторингом исполнения решений Европейского суда и другими взаимосвязанными вопросами.

Минюст ответил, что Приказы МВД для регистрации согласно Правилам регистрации не поступали.

Зарубка 14. С момента издания и до июля 2014 года Приказы МВД регистрацию в Минюсте не проходили.

Отсутствие регистрации Приказов МВД в период июнь 2012 – июль 2014 года могло свидетельствовать о том, что:

- Приказы МВД отменены на уровне МВД;
- Приказы МВД продолжают действовать, «сторожевой контроль» – существовать;
- решение ЕСПЧ в части принятия Россией мер общего характера не исполнено (проигнорировано).

Мне же было очевидно, о чём свидетельствовала личная практика последних лет, что «сторожевой контроль» существует, несмотря ни на что и вопреки всему, в том числе Конституции и иным законам.

Уже в 2016 г. Минюст разъяснил, как власти «исполнили» решение ЕСПЧ в части мер общего характера. Эта информация была представлена в Мещанский суд Москвы по судебному запросу в рамках инициированного мной судопроизводства по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС), впоследствии – и мне, когда я адресовала министерству дополнительные вопросы.

В чём же выразилось, по мнению властей, исполнение ими решения ЕСПЧ в части принятия мер общего характера?

Из совокупности ответов можно констатировать, что на бумаге исполнение российскими властями постановления ЕСПЧ заключалось в том, что:

- а) 25 июня 2012 года Минюст направил копии постановления в Верховный Суд, Генеральную прокуратуру, Министерства внутренних дел и транспорта с формулировкой «для сведения и учёта правовых позиций Суда в практической деятельности» (Письмо № 10-41453/16 от 1 апреля 2016 года за подписью первого заместителя Руководителя Аппарата Уполномоченного Н.Я. Зябкиной). В письмах Минюст просил каждый из

этих органов принять согласно их компетенции меры по устранению и предотвращению в дальнейшем выявленных ЕСПЧ нарушений;

b) российские власти направили в Комитет министров Совета Европы Отчет, который опубликован в открытом доступе на официальном сайте Комитета в разделе «Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека» [2]. Кстати, отчет опубликован на официальных языках Совета Европы, то есть на русском языке его нет. Российские граждане лишены возможности ознакомиться с Отчетом на русском языке и на сайте Минюста;

c) уполномоченные государственные органы довели до сведения своих территориальных органов и структурных подразделений названное постановление Европейского Суда;

d) были внесены изменения в федеральные законы:

– от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», в котором предусмотрены дополнительные гарантии (видимо, прав граждан (?)) при сборе, обработке, использовании персональных данных, в том числе оператором баз данных;

– от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», в котором предусмотрено создание автоматизированной централизованной базы данных о пассажирах в целях обеспечения транспортной безопасности, в том числе предотвращения террористических актов;

e) издан приказ от 19 июля 2012 года № 243 (далее – Приказ № 243), которым утвержден Порядок формирования и ведения автоматизированных централизованных баз персональных данных о пассажирах и персонале (экипаже) транспортных средств, а также предоставления содержащихся в них данных. Приказ № 243 Минтранса был зарегистрирован в Минюсте, вступил в силу, опубликован и находится в открытом доступе (видимо, я плохо его искала, так как в открытом доступе на сайте Минюста и Минтранса не нашла).

Зарубка 15. Считается, что российские власти исполнили постановление ЕСПЧ и привели «сторожевой контроль» в соответствие с требованиями Конвенции. Можно ли считать, что это «что-то» пресекло нарушения прав граждан применением «сторожевого контроля», и появилось ли у граждан право на судебную защиту; существует ли ведомственный контроль и прокурорский надзор за действиями силовиков в этой области, – ясности нет.

Очевидно одно. Ни один из Приказов МВД опубликован так и не был, несмотря на то, что при-

казы являются нормативными актами федерального органа исполнительной власти – Министерства внутренних дел РФ и подлежали государственной регистрации, так как решением ЕСПЧ установленные приказами права по выставлению личных данных граждан на «сторожевой контроль» с последующим задержанием граждан признаны нарушающими их права и свободы. Отсутствие регистрации в Минюсте говорит о том, что правовые экспертизы приказов на их соответствие Конституции и федеральным законам не проводились. Такое бездействие властей не свидетельствует о прекращении действия приказов. Напротив, результаты исследования говорят об обратном – на практике Россия не приняла во внимание правовые позиции ЕСПЧ, «сторожевой контроль» продолжает существовать. И в настоящее время, как ранее, до решения Европейского Суда, отсутствуют какие-либо средства правовой защиты от злоупотреблений и произвольного вмешательства со стороны властей в связи с его использованием.

15. Реверс. Де-факто. Формы проявления «сторожевого контроля»

В разделе «8. Постоянство – признак мастерства или упорное пренебрежение к правам граждан?» были приведены примеры, в которых, по моему мнению, свою злую роль сыграл «сторожевой контроль». Выделим одинаковые или схожие факты, имевшие место во всех приведенных ранее случаях:

1. Граждане собирались выехать из страны за границу для участия в международных мероприятиях, как правило, в области правозащиты;

2. Граждане заранее приобретали билеты (авиа-, на поезд) с предъявлением паспорта;

3. «Приключения» с гражданами происходили на пути следования к аэропорту, на железнодорожном транспорте или в аэропорту;

4. При пересечении границы в пунктах пограничного контроля аэропортов граждане узнавали о недействительности своего паспорта, который до того, как был передан в руки сотрудников, находился в надлежащем состоянии;

5. Граждане обращали внимание на повышенный к себе интерес со стороны сотрудников пограничного контроля, которые кому-то вечно звонили, с удивлением долго смотрели в компьютер, а потом на гражданина, пытаясь как рентген просветить его насквозь, а иногда даже озадаченные уходили с пункта контроля с паспортом гражданина;

6. Граждане на неопределенный срок задерживались в зоне пограничного контроля, подвергались личному досмотру;

7. У граждан изымались вещи и документы;

8. Граждан лишали «связи с внешним миром», отказывали в приглашении адвоката, то есть в праве на получение квалифицированной юридической помощи;

9. На граждан составлялся протокол об административном правонарушении, некоторые из них привлекались к административной ответственности.

Несмотря на то, что приведенные истории происходили с гражданами в период 2014–2016 годов, вспоминается дело гр. Шимоволоса. Согласитесь, «свежие» примеры «списаны» с истории его приключений, как по кальке. Вот такое дежавю.

Ретроспектива данных событий приводит только к одному и очень печальному выводу: несмотря на решение Европейского Суда о признании внесения личных данных гражданина в базу данных «сторожевой контроль» нарушающим пункт 1 статьи 5 («незаконное лишение свободы») и статьи 8 («вмешательство в личную жизнь») Конвенции, он продолжает широко шагать по стране.

Зарубка 16. Задержанный на основании «сторожевого контроля» неограниченное время может находиться в зоне пограничного контроля (или местного отделения полиции, куда доставляется по принуждению). Он лишается свободы, а также возможности сообщить родственникам о своём задержании, как и получить квалифицированную юридическую помощь в лице адвоката.

Примеры применения «сторожевого контроля» я встречаю из года в год в своей профессиональной деятельности. «Сторожевой контроль» продолжает существовать вместе со злоупотреблениями со стороны полицейских, порождёнными безнаказанностью и безнадзорностью, в отсутствие каких-либо средств и способов правовой защиты от произвола полицейских. Такое положение дел, по моему мнению, возможно только с одобрения властей или при их попустительстве, включая судебную власть.

О механизме действия «сторожевого контроля» в отсутствие официальных источников сведений мы можем только рассуждать, анализируя информацию из совокупности данных постановления ЕСПЧ, официальной переписки (таковая имеется в моём распоряжении) с органами государственной власти и факты известной практики.

Предполагаю, что наши рассуждения будут иметь максимальную степень достоверности.

Зарубка 17. Немного наперёд хочу оставить очередную зарубку, «сторожевой контроль» соз-

даёт благоприятные условия для фальсификации результатов ОРМ и доказательств по уголовным делам, «на ура» принимаемые судебной властью, чему есть понятное объяснение.

Поощряемые властью нарушения прав и свобод граждан делают невозможным привлечение полицейских к уголовной ответственности. Это гражданина можно легко и быстро привлечь к уголовной ответственности за репост в соцсетях, за надпись на огораживающем виллу чиновника заборе или за унесенную с помойки картинку. Полицейский, как и любой чиновник, может понести ответственность не потому, что совершил преступление, а только потому, что система, частью которой он всегда был и которой «верно» служил, решила избавиться от него по понятным ей (системе) причинам и соображениям. Думаю, что такое положение вещей даёт понимание, почему «сторожевой контроль» цветёт буйным цветом, оставляя безнаказанными злоупотребления со стороны полицейских.

В доказательство предыдущего тезиса я представляю объемную переписку с органами, уполномоченными на бумаге защищать права граждан, а на практике покрывающими преступников в погонах. В вопросах «сторожевого контроля» каждый из них становится глухим, слепым и немым, если не сказать больше. «Ты им про Ерёму, а они тебе – про Фому».

16. Paroles, paroles, paroles. В общем...

В этом разделе будет представлена переписка с Генеральной прокуратурой и Министерством внутренних дел по вопросу исполнения ими решения ЕСПЧ по делу Шимоволоса в части принятых мер общего характера. Затем в разделах «Фактологическое–2, 3 и 4» и «Кто в лес, кто по дрова. О прокурорах» на примере дела В. я представлю доказательства отсутствия в стране какого-либо контроля, надзора и судебной защиты от злоупотреблений со стороны полицейских по использованию ими «сторожевого контроля».

Переписка с «силовиками» происходила по двум направлениям. В одном случае я выступала как гражданин, интересующийся общими мерами, принятыми властями страны во исполнение решений ЕСПЧ, в том числе по делу Шимоволоса. В другом – как адвокат, представляющий интересы В. и других клиентов в уголовном или в иных видах судопроизводства, в том числе желающих реализовать свои права, предоставленные им частью 8 статьи 17 Закона о полиции, то есть узнать, в каких банках данных полиции содержится о них информация.

Как и ранее, я по-прежнему буду придерживаться правила «от общего к частному», поэтому хронология излагаемых событий может не соблюдаться: сначала я поведаю о содержании ответов на вопросы о принятых властями мерах общего характера, затем буду переходить к переписке по конкретным делам, включая дело В.

В разделе «12. Аверс. Де-юре. Официальная переписка» я рассказала, что к апрелю 2016 года Минюст сообщил о «причастных» к исполнению решений ЕСПЧ: Верховный Суд, Генеральная прокуратура, Министерство внутренних дел, Министерство транспорта, Следственный комитет.

16.1. Начну с переписки с органами прокуратуры, включая Генеральную прокуратуру (далее – Прокуратура), её структурные и территориальные подразделения. Как-никак, законодательно установлена обязанность этого органа осуществлять надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства (статья 1 ФЗ «О прокуратуре» № 168-ФЗ от 17 января 1992 года).

Ответы нынешних прокурорских меня, как бывшего работника этого самого органа, особенно «покорили» и убедили в ошибочности устойчивого словосочетания, мол, «бывших не бывает». Бывает, и ещё как!

В 2014 году после изучения постановления Европейского Суда по делу Шимоволоса и полученной от Минюста информации я впервые обратилась в Генеральную прокуратуру. Сделала это как гражданин. В обращении я вкратце изложила позицию ЕСПЧ по делу Шимоволоса, сделанные Судом выводы о нарушении существованием «сторожевого контроля» статей 5 (часть 1) и 8 Конвенции, поделилась информацией о Приказах МВД, просила провести проверку законности их существования и применения полицейскими и ответить на вопросы:

1. Законно ли применение Приказов МВД с грифом «для служебного пользования», не опубликованных официально для всеобщего сведения и ограничивающих права и свободы граждан, если, согласно части 3 статьи 15 Конституции, «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения?

2. Имеются ли основания для обращения Генеральной прокуратуры в Верховный Суд для

признания Приказов МВД недействительными как нарушающих часть 3 статьи 15 Конституции?

25 декабря 2014 г. зам. начальника управления по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере Н.Н. Ростовцева ответила (Ответ № 23/1-398-2014), что Приказы МВД содержат положения организационно-распорядительного характера и регламентируют порядок создания и функционирования автоматизированных информационных систем в органах внутренних дел, поэтому прокуратура полагает, что регистрация Приказов в Минюсте, как и их официальное опубликование, не носит обязательного характера. Также прокурор Ростовцева сообщила, что, по информации МВД, Приказ № 047 от 04.07.2005 «О некоторых мерах по усилению борьбы с экстремизмом» утратил силу.

На мой дополнительный вопрос о дате прекращения действия Приказа № 047 прокурор Ростовцева письмом пояснила, что Приказ № 047 утратил силу в связи с изданием 31.10.2012 приказа МВД № 987, который также содержит положения организационно-распорядительного характера, поэтому обязательному опубликованию не подлежит. Можно предположить, что содержание Приказа № 047 стало содержанием Приказа № 987. Дополнительно мне сообщили, что Приказ № 987 относится к категории служебной тайны, поэтому его положения не могут быть оглашены и использованы в переписке (Письмо от 28 июля 2015 г. № 27/3-р-107221-15/13895, подписант зам. начальника управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму А.Г. Жафяров).

Очевидно, что Генеральная прокуратура никакой проверку не проводила, видимо, поэтому и не ответила на заданные ей вопросы. Фактически через два года после оглашения постановления ЕСПЧ Генеральная прокуратура опровергла сделанные ЕСПЧ в деле Шимоволоса выводы о признании Приказов МВД нарушающими статьи 5 и 8 Конвенции.

Уже в 2016 году я попросила Генеральную прокуратуру сообщить о принятых ей мерах общего характера в части исполнения решения Суда по делу Шимоволоса.

28 марта 2016 года письмом № 23/1-398-2014 мне было отказано в предоставлении ответа на этот вопрос. Подписантом этого ответа выступила опять же г-жа Ростовцева, которая, сославшись на положения статьи 10 и 21 Закона о прокуратуре, разъяснила, что в органах прокуратуры разрешаются заявления, жалобы и иные обращения,

содержащие сведения о нарушении законов. Моё же обращение о принятых Генеральной прокуратурой мерах таковым не является, а затрагивает вопросы ведомственной переписки между Генеральной прокуратурой и Минюстом, поэтому ответы по существу обращения не даются.

На день публикации статьи переписка с Генеральной прокуратурой продолжается, в том числе о мерах общего характера, принятых органами прокуратуры в рамках исполнения постановлений ЕСПЧ и по другим делам против России. Так вот, в одной из таких параллельных переписок я добралась почти до самых высот и получила ответ от помощника Генерального прокурора К.Э. Ермолина. Г-н Ермолин, как и г-жа Ростовцева, отказался сообщить о принятых мерах общего характера по группе дел «Михеев и другие против России» по мотиву отсутствия в моих обращениях сведений о нарушении моих прав и законных интересов, что является препятствием разрешения моего обращения в Генеральной прокуратуре.

Зарубка 18. Генеральная прокуратура считает правомочным игнорировать обращения граждан о принятых ею мерах общего характера в рамках исполнения постановлений Европейского Суда по делам против России, считая, что Законом о прокуратуре такие обязанности на Прокуратуру РФ не возложены. Видимо, закон о порядке рассмотрения обращений граждан на сотрудников органов прокуратуры не распространяется?! Из этого следует, что в настоящее время органы прокуратуры самоустранились от осуществления ими надзора за деятельностью МВД, сотрудники которого продолжают применять ведомственные приказы с грифом «для служебного пользования», несмотря на правовые позиции ЕСПЧ по делам против России, которыми установлены факты нарушения статей 5 и 8 Конвенции в части нарушения прав и свобод граждан существованием «сторожевого контроля».

Как видите, мои обращения о мерах общего характера, принятых Прокуратурой, остались без должного рассмотрения, так как полученные ответы я бы отнесла к категории «В огороде бузина, а в Киеве – дядька».

Поверьте, дальше, когда в общении с Генеральной прокуратурой от общего мы перейдём к частному, будет ещё интересней.

16.2. Министерство внутренних дел на моё обращение об исполнении им решения ЕСПЧ по делу Шимоволоса в части принятия мер общего характера разъяснило задачи, поставленные пе-

ред Уполномоченным РФ при Европейском Суде по правам человека согласно Положению о нём, как и рекомендовало за ответом на заданный им вопрос обратиться к этому самому Уполномоченному. Этим же письмом МВД сообщило, что после получения от Уполномоченного постановления ЕСПЧ по делу Шимоволоса его копии были направлены в территориальные органы МВД для принятия мер по устранению и недопущению в дальнейшем выявленных Судом нарушений.

Также Министерство поведало, что участвовало в рассмотрении и согласовании Приказа Минтранса № 243 от 19 июля 2012 года «Об утверждении Порядка формирования и ведения автоматизированных централизованных баз персональных данных о пассажирах и персонале (экипаже) транспортных средств, а также предоставления содержащихся в них данных» (Письмо от 12 апреля 2016 г. № 3/167702427365 зам. начальника Административно-правового управления Договорно-правового департамента А.Н. Прошунина).

Этим же письмом мне сообщили, что Приказы МВД № 980 и № 1070 от 1999 г. МВД не издавались. Позволю напомнить, это те самые Приказы, на которые ссылались российские власти в обоснование законности примененного в отношении Шимоволоса «сторожевого контроля».

Зарубка 19. Исполнение мер общего характера со стороны МВД выразилось:

1. В направлении копий постановлений ЕСПЧ «на места».

2. В согласовании Приказа Минтранса № 243.

В ответе мне как гражданину МВД указывает, что приказы № 980 и 1007 не издавались. Напомню, что в ЕСПЧ российские власти обосновывали существование «сторожевого контроля» именно этими приказами и приказом № 047.

Хотели ясности? Ан нет, все ещё больше запутывается.

Пристатейный библиографический список

1. Сайт Московской Хельсинской группы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mhg.ru/news/10E9A9BC>.
2. www.coe.int/ru/web/execution.

References (transliterated)

1. Sajt Moskovskoj Hel'sinskoj gruppy [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.mhg.ru/news/10E9A9BC>.
2. www.coe.int/ru/web/execution.

Канатов Т.К.

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ЗАЩИТУ АВТОРСКИХ ПРАВ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Цель: Исследование актуальных проблемных вопросов деятельности общественных организаций, осуществляющих защиту авторских и смежных прав в Республике Казахстан и странах ЕАЭС.

Методология: Использовались системно-структурные, конкретно-социологические, историко-правовые, социально-правовые, сравнительно-правовые, статистические методы.

Результаты: В работе подробно описаны проблемы деятельности общественных организаций, осуществляющих защиту авторских и смежных прав в Республике Казахстан и странах ЕАЭС.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть актуальные проблемные вопросы деятельности общественных организаций в странах ЕАЭС.

Ключевые слова: авторское право, смежные права, защита, общественные организации, евразийский, экономический.

Kanatov T.K.

**PUBLIC ORGANIZATIONS FOR PROTECTION OF COPYRIGHT
IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION**

Purpose: Issues of activity of public organizations engaged in the protection of copyright and related rights in the Republic of Kazakhstan and the EEU.

Methodology: Author used a system-structural, specific sociological, historical, and legal, socio-legal, and comparative legal, statistical methods.

Results: The article describes in detail the problems of activity of public associations engaged in the protection of copyright and related rights in the Republic of Kazakhstan and the EEU.

Novelty/originality/value: Article possesses high scientific value as is one of the first attempts to consider actual problems of activity of public organizations in the countries of the EEU.

Keywords: copyright, related rights, protection, social organization, Eurasian economic.

Под коллективным управлением правами следует понимать общественно-полезную непредпринимательскую деятельность по реализации имущественных авторских и (или) смежных прав на коллективной основе, осуществляемую в интересах правообладателей организациями по коллективному управлению правами [3].

В пояснениях ВОИС под коллективным управлением понимается осуществление авторского права и смежных прав организациями, действующими в интересах и от имени правообладателей [6].

ВОИС выделяет следующие типы организаций или групп организаций для коллективного управления авторскими правами:

1) традиционные организации коллективного управления, действующие от имени своих членов, договариваются о тарифах и условиях использования с пользователями, выдают лицензии на санкционированное использование, собирают и распределяют авторские гонорары;

2) центры производства расчетов за права предоставляют пользователям лицензии, отражающие условия использования произведений и условия вознаграждения, установленные каждым отдельным субъектом права, который является

членом центра. Центр действует как агент правообладателя, который в данном случае непосредственно участвует в выработке условий использования своих произведений;

3) объединения «Все в одном» – это вид коалиции независимых организаций коллективного управления, предлагающих пользователям централизованные источники легкого и быстрого получения разрешений на использование произведений [8].

По мнению А.А. Потапкова, оптимальной схемой является создание организаций по отдельным категориям пользователей (способам использования произведений и объектов авторских и смежных прав), а не по отдельным категориям прав или правообладателей. Подобная структура позволяет, по его мнению, достичь наиболее высокой степени эффективности коллективного управления, так как каждый пользователь контактирует только с одной организацией и получает у нее все необходимые для осуществления его деятельности разрешения [1].

В юридической литературе приводится мнение о том, что «пиратские» организации, создавшие такие некоммерческие организации, сами себе дают разрешения на пользование. Данные

организации получают вознаграждение за коллективное управление авторскими правами, хотя бытует мнение, что у них не должно быть никакого особого права на вознаграждение [7]. Вознаграждение (в виде заработной платы) могут получать работники таких организаций, а в противном случае данная организация становится «коммерческой» и утрачивает свои функции как общественная.

Различают полное и неполное коллективное управление авторскими правами. Полное – это управление исключительными имущественными правами автора, неполное – лишь составная часть исключительного имущественного авторского права, в основном только право на получение вознаграждения за определенный способ использования произведения.

Классификация управления авторскими правами также проводится и по кругу лиц:

1) управление авторскими правами только в отношении своих членов (иначе его называют иногда «агентским», управление правами в основном на воспроизведение и распространение на материальных носителях, например звуковой записи на музыкальных дисках);

2) управление авторскими правами не только своих членов, но и других правообладателей (иногда его называют на практике расширенным коллективным управлением авторскими правами; применяется при публичном так называемом «живом» исполнении музыкальных произведений или исполнении с помощью различной музыкальной аппаратуры на эстраде, в кафе, ресторанах, ночных клубах, торговых центрах, на авиалайнерах и т. д.).

Казахстанское авторское общество – крупная республиканская организация, объединяющая около тысячи творческих деятелей, деятелей литературы, искусства и науки. КазАО сотрудничает с 85 телерадиокомпаниями, 46 театрами, 18 филармониями, множеством ансамблей, оркестров, дворцов культуры, концертными организациями, студиями звукозаписи, частными предпринимателями и т. д. М. Ыскакбай считает [2], что государственным органам необходимо оказывать помощь общественным объединениям, мотивируя это тем, что уровень охраны интеллектуальной собственности создаст положительный имидж государства и будет способствовать введению новых технологий, привлечению инвестиций, предоставлению благоприятствующего режима в торговле, развитию культуры и науки. Кроме КазАО в Республике Казахстан действуют следующие республиканские общественные объединения:

«Абырой» и «Казахстанское общество по управлению правами исполнителей», объединение юридических лиц «Казахстанская ассоциация по защите авторских и смежных прав» и общественное объединение «Национальное общество по репрографическим правам».

В соответствии со ст. 43 Закона об авторском праве и смежных правах предусмотрена возможность заключения заведениями, использующими в частности аудиовизуальные произведения и фонограммы, договора с организацией, управляющей имущественными правами на коллективной основе. При заключении такого договора собственники ночных клубов, ресторанов, кафе уплачивают определенное в договоре авторское вознаграждение, которое затем организацией распределяется между соответствующими авторами. В случае если данные организации не заключают подобные договоры, собственники обязаны уплатить каждому автору вознаграждение за использование его произведения, что, конечно, многократно усложняет процедуру соблюдения закона об авторском праве. Минимальные ставки авторского вознаграждения за некоторые виды использования произведения утверждены постановлением Правительства Республики Казахстан от 20 октября 2004 года № 1083 «Об утверждении минимальных ставок авторского вознаграждения за некоторые виды использования произведений». Согласно данному постановлению Правительства за исполнение музыкальных произведений с текстом или без текста, литературных произведений, как артистами-исполнителями, так и с помощью технических средств (проигрыватели любых носителей звука), при бесплатном входе в дискотеках, устанавливается ставка авторского вознаграждения в размере трех МРП, в ночных клубах – трех МРП, ресторанах – двух МРП, кафе – полутора МРП, кинотеатрах, казино, барах, бистро, столовых, открытых площадках, игровых аттракционах и других общественных местах – 0,5 МРП. Немного статистики: в 2014 году КазАО собрало 88 млн тенге.

В Законе Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» на сегодняшний день предусмотрена возможность коллективного управления авторскими правами, но, к сожалению, только имущественными. Между тем коллективное управление личными неимущественными правами авторов не менее важно, учитывая тенденции роста нарушений личных неимущественных прав автора. Также мы полагаем, что необходимо в обязанности данных организаций включить мониторинг и контроль нарушений

личных неимущественных прав и привлекать таких нарушителей к ответственности. Что касается защиты прав в Интернете, предлагается создать коллективное авторское общество в сети. Российская Федерация создала подобную организацию – Российское общество по мультимедиа и сетям (РОМС). Целью указанной организации является коллективное управление имущественными правами в сфере Интернета и мультимедийных средств. Учитывая тот факт, что в Интернете, как в электронной цифровой среде, огромное количество произведений авторов находится на незаконном основании, необходимо активизировать работу по пресечению этого явления, восстановлению прав, привлечению нарушителей к ответственности и выплате компенсации, вознаграждений. Актуальность и своевременность создания коллективных авторских обществ в сети Интернет считаем бесспорными. Это подтверждается и предложением члена совета директоров Ассоциации американских издателей Ричарда Сарноффа, который в своем недавнем выступлении в Принстоне поддержал инициативу Google по оцифровке книг. Сейчас, по его мнению, на рынке электронных книг США безраздельно царит торговая компания Amazon, но эксклюзивное соглашение с издательствами и рядом крупных библиотек, заключенное Google, кардинально меняет ситуацию. Соглашение предусматривает реорганизацию системы поиска по книгам Google Book Search. В книгах, защищенных авторским правом, можно будет бесплатно почитать отдельные страницы или приобрести их целиком за плату. Бесплатно скачивать можно книги, для которых срок действия авторского права истек или имеется разрешение владельцев этих прав. Кроме того, будет создана довольно сложная система расчетов Book Rights Registry, распределяющая отчисления издателем и авторам за платное скачивание книг или, по желанию правообладателей, за просмотр рекламы в процессе чтения [5].

По мнению Е.В. Зыкова, необходимо создать единую базу данных правообладателей, для того чтобы владеть информацией, кто является автором того или иного произведения литературы, науки и искусства [4].

Мы предлагаем ввести подобный опыт и в нашей стране: создать подобную электронную базу данных оцифрованных книг, заключить договоры со всеми библиотеками страны, заключить аналогичные договоры со всеми правообладателями, взимать законное вознаграждение за пользование произведениями авторов и распределять его между издателями, авторами и иными правооб-

ладателями. В данном случае разрешится большая проблема, существующая на сегодняшний день в Республике Казахстан, – незаконного распространения в Интернете произведений литературы, искусства и науки.

Данной проблемой озабочены и зарубежные страны. Создан союз FAST-TRACK, в который входит пять авторских обществ: SACEM (Франция), SGAE (Испания), SIAE (Италия), GEMA (Германия), BMI (США). Этот союз в настоящий момент сосредоточился главным образом на изучении проблем, связанных с управлением правами на музыкальные произведения в Интернете. Рассматривается возможность выдачи лицензии на запись произведений в режиме online через портал доступа к Интернету. В проекте уже есть определенные наработки, суть которых заключается в следующем. Между национальными обществами будут заключены соглашения, определяющие общество, компетентное выдавать разрешение тому или иному пользователю сайта в тех случаях, когда основным языком сайта является язык страны (в Республике Казахстан kz – казахский, дает право контроля за сайтами и получения вознаграждений за использование произведений авторского права). Если адрес сайта и используемый язык относятся к разным странам, компетенцией для выдачи разрешения наделяется авторское общество той страны, в которой было создано общество, использующее сайт. Аналогичной проблемой занимается International Music Joint Venture (IMJV), участниками которого являются английское общество MCPS-PRS, нидерландское общество BUMA-STEMRA и американское общество ASCAP [9].

В Германии действует общество преследования нарушителей авторского права в отношении программного обеспечения, музыки и кинофильмов (Gesellschaft zur Verfolgung von Urthbberechtsverletzungen). Общество выступило партнером международной ассоциации кино Motion Picture Association при проведении кампании «You can click, but you can't hide» (Вы можете кликнуть, но не можете скрыться) против пользователей сети, скачивающих контрафактные копии фильмов. Там действует и одно из старейших экономических объединений – Биржевой союз (создан в 1825 году в Лейпциге). Союз защищает интересы издательств, розничной торговли книгами и фирм-посредников книжной торговли (оптовиков) в Германии.

Причина того, что рассматриваемая система получила признание, заключается в том, что она отвечает общим запросам держателей авторских

прав, запросам пользователей и требованиям государственных органов власти, в достаточной степени уравнивая как частные, так и общественные интересы сторон.

За 20 лет независимости в РК проведена огромная работа по формированию национального законодательства, соответствующего основным международным актам. В связи с формированием Единого экономического пространства и переговорным процессом по вступлению Казахстана во Всемирную Торговую Организацию вопросы обеспечения адекватной охраны интеллектуальной собственности становятся более значимыми.

Одной из проблем коллективного управления авторскими правами в РК является отсутствие контроля со стороны правообладателей, т. е. отсутствует «прозрачность» данных организаций, что ведет зачастую к тому, что средства, собранные для правообладателей, не доходят до адресатов. Предлагаем для устранения данной проблемы внести в Закон РК «Об авторском праве и смежных правах» процедуры независимого контроля со стороны авторов, правообладателей, а также утвердить в обязательном порядке ежеквартальные отчеты, которые будут публиковаться в официальных СМИ РК, что, в конечном счете, увеличит защиту прав и интересов авторов и иных правообладателей.

Необходимо отметить, что в Казахстане и России организации по управлению авторскими и смежными правами на коллективной основе в форме некоммерческих организаций (общественных объединений) создаются непосредственно авторами и правообладателями. При этом существует институт «аккредитации» для управления имущественными правами в определенных законодательством сферах. В Беларуси не предполагается членство авторов и правообладателей в организации по управлению авторскими и смежными правами на коллективной основе. Указанную деятельность осуществляет государственное учреждение – Национальный центр интеллектуальной собственности Государственного комитета по науке и технологиям [9].

В Республике Казахстан как одной из стран – участниц ЕАЭС успешно реализуется институт защиты авторских прав, но предстоит еще много работы по усилению этой защиты. Правообладателям дана возможность осуществлять самостоятельно через механизм коллективного управления авторскими правами защиту своих прав,

более того, они могут сами создать подобные организации. Организация по коллективному управлению должна оставаться некоммерческой, основанной на членстве, основной целью ее должна быть защита интересов правообладателей. Этот принцип провозглашен на международном уровне Международной конфедерацией авторских и композиторских обществ (СИЗАК) и является обязательным условием работы всех организаций по коллективному управлению правами, в том числе и в странах ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьева Е.В. Взгляд со стороны // ЮРИСТ. 2006. № 19.
2. Зыков Е.В. Гражданско-правовая защита права интеллектуальной собственности. М., 2008. С. 158.
3. Коллективное управление авторским и смежными правами: подготовлено ВОИС (WIPO) [Электронный ресурс]. URL: www.icsti.su.
4. Копцева О.В. Где @ порылась?! Защита (с) прав в Интернете. М.: Эксмо, 2009. С. 47.
5. Моргунова Е.А. Авторское право: учеб. пособ. / отв. ред. В.П. Мозолин. М.: Норма, 2008. С. 94.
6. Потапков А.А. Коллективное управление правами в области авторских и смежных прав // Право и политика. 2008. № 12 (108). С. 3088.
7. Ревич Ю. Книги: оцифровать и зашифровать? // Новая газета. 2009. № 28. С. 18.
8. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2001. С. 176–177.
9. Тюнин М. Коллективное управление авторскими правами [Электронный ресурс]. URL: Customsnews.ru.

References (transliterated)

1. Anan'eva E.V. Vzglyad so storony // JuRIST. 2006. № 19.
2. Zykov E.V. Grazhdansko-pravovaya zashhita prava intellektual'noj sobstvennosti. M., 2008. S. 158.
3. Kollektivnoe upravlenie avtorskim i smezhnymi pravami: podgotovleno VOIS (WIPO) [Jelektronnyj resurs]. URL: www.icsti.su.
4. Kopceva O.V. Gde @ porylas'?! Zashhita (s) prav v Internetе. M.: Jeksmo, 2009. S. 47.
5. Morgunova E.A. Avtorskoe pravo: ucheb. posob. / отв. red. V.P. Mozolin. M.: Norma, 2008. S. 94.
6. Potapkov A.A. Kollektivnoe upravlenie pravami v oblasti avtorskih i smezhnyh prav // Pravo i politika. 2008. № 12 (108). S. 3088.
7. Revich Ju. Knigi: ocifrovat' i zashifrovat'? // Novaja gazeta. 2009. № 28. S. 18.
8. Sergeev A.P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii. M., 2001. S. 176–177.
9. Tjunin M. Kollektivnoe upravlenie avtorskimi pravami [Jelektronnyj resurs]. URL: Customsnews.ru.

Литовкина М.И.¹

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПРАВ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ И ОТРАСЛЕВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Цель: Обоснование необходимости расширения прав граждан в сфере охраны здоровья.

Методология: Использовался формально-юридический метод.

Результаты: Рассмотрен международный уровень регулирования прав индивидов в области здравоохранения, приведена характеристика нормативных сроков оказания медицинской помощи и предоставления медицинских услуг. Акцентируется внимание на необходимости соблюдения стандартов медицинской помощи для обеспечения ее качества. Представлено обоснование введения права на уважение времени пациента в рамках реализации конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку является современной попыткой рассмотрения актуальной проблемы.

Ключевые слова: конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на уважение времени пациента, медицинская услуга.

Litovkina M.I.

TO A QUESTION OF EXPANSION OF THE RIGHTS IN THE SPHERE OF HEALTH PROTECTION: CONSTITUTIONAL CONTEXT AND INDUSTRY LEGISLATION

Purpose: Reasons for need of expansion of the rights of citizens in the sphere of health protection.

Methodology: The formal legal method was used.

Results: The international level of regulation of the rights of individuals in the field of health care is considered, the characteristic of standard terms of delivery of health care and provision of medical services is provided; the attention to need of observance of standards of medical care for ensuring its quality is focused; reasons for entering of the right to respect of time of the patient within implementation of a constitutional right on health protection and medical care are provided.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific and practical value as is modern attempt of consideration of an actual problem.

Keywords: a constitutional right on health protection and medical care, the right to respect of time of the patient, medical service.

Согласно ч. 1 ст. 41 Конституции РФ каждый обладает правом на охрану здоровья и медицинскую помощь (МП). При этом каждого индивида, который обращается за предоставлением МП или находится в процессе оказания МП (независимо от его состояния и от наличия у него заболевания), можно рассматривать в качестве пациента (в соответствии с п. 9 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ). В свою очередь, за каждым индивидом в РФ как за пациентом закреплены права в сфере охраны здоровья, в том числе в качестве застрахованного лица в системе медицинского страхования или участника клинических исследований лекарственных препаратов. Также пациент обладает рядом прав в качестве потребителя медицинских услуг и продукции. Однако в общем объеме прав пациентов отсутствует право на уважение его времени.

При этом в некоторых нормативных документах, регулирующих сферу здравоохранения,

можно обнаружить указания на ситуации, в отношении которых установлены определенные временные интервалы или сроки для их разрешения. В частности, Конституционный суд Республики Татарстан в Постановлении от 17 апреля 2012 г. № 48-П в ряду условий реализации права на охрану здоровья указал на законодательное закрепление периода ночного времени в течение восьми часов, а также запрет на совершение действий, нарушающих тишину и покой граждан в указанный период. Одним из критериев качества МП является своевременность ее оказания (п. 21 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ). Страховые медицинские организации должны контролировать сроки предоставления МП (ст. 40 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ). Согласно Закону РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 пациенты (как потребители) при полу-

¹ Статья публикуется по результатам конкурса докладов, проведенного в рамках VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 31 мая 2016 г.).

чении медицинской услуги могут рассчитывать на соблюдение исполнителем сроков ее оказания (ст. 27); приобретая продукцию для применения в области здравоохранения (например, лекарственные препараты или медицинские изделия), – на соблюдение права на ее безопасность (ст. 7), а также на право требовать возмещения вреда здоровью, причиненного недостатками продукции, но только в течение срока годности такой продукции (ст. 14), установленного производителем.

При этом на международном уровне, в Европейской хартии по правам пациентов 2002 г. [1], право на уважение времени пациента существует и означает возможность получения необходимого объема лечения в течение заранее установленного временного интервала. В соответствии с указанным правом службы здравоохранения обязаны фиксировать время предоставления определенных медицинских услуг с учетом принятых стандартов и в зависимости от степени неотложности случая; гарантировать каждому индивиду доступ к услугам, регистрацию в листах ожидания с возможностью ознакомления с ними. Если невозможно получить медицинскую услугу в течение заранее установленных максимальных временных интервалов, то можно осуществлять поиск альтернативных услуг сравнимого качества, и любые расходы со стороны пациента будут компенсированы в разумные сроки. Кроме того, объем времени, который врачи тратят на своих пациентов, должен быть адекватным и включать время на информирование последних.

По-видимому, наступил подходящий момент и для того, чтобы вести речь о праве на уважение времени российских пациентов. В соответствии с Программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам МП на 2016 год в Постановлении Правительства РФ от 19.12.2015 № 1382 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2016 год» зафиксированы сроки ожидания некоторых видов МП: например, для первичной неотложной медико-санитарной помощи они составляют не более двух часов с момента обращения пациента в медицинское учреждение. На основании Письма Минздрава России от 29.03.2016 № 15-4/10/2-1895 на плановую специализированную МП (исключая высокотехнологичную МП) пациенты могут рассчитывать в сроки, не превышающие 30 календарных дней с даты выдачи направления на госпитализацию. Бригада скорой МП должна появиться у пациента в течение 20 минут с момента вызова (в регионах учитывается поправка на локальные условия). Од-

нако в отношении высокотехнологичной МП сроки ожидания законодательно не определены, что неблагоприятно влияет на ее доступность и потенциально могло бы нарушить право на уважение времени пациентов, если бы последнее было нормативно закреплено. Тем не менее, положительной тенденцией следует считать размещение на сайтах органов здравоохранения субъектов РФ доступных для пациентов листов ожидания МП в рамках программы ЭКО (экстракорпорального оплодотворения). Срок ожидания проведения процедуры ЭКО за счет средств ОМС в 2013 году в Республике Карелия составил от 1 до 10 месяцев [2].

Приказом Минздрава России от 02.06.2015 № 290н введены нормы времени для врачей-специалистов амбулаторного звена оказания МП, предусмотренные для проведения первичного приема пациента: для участковых педиатров и терапевтов – 15 минут, для оториноларингологов – 16 минут, неврологов и акушеров-гинекологов – по 22 минуты. Кроме того, в проекте очередного приказа Минздрава России на первичный прием одного пациента кардиологом предусмотрено 24 минуты, эндокринологом – 19 минут, стоматологом-терапевтом – 44 минуты [5]. В рамках этих установленных периодов 35 % времени приема врачу законодательно разрешено оформлять медицинскую документацию. В ходе повторного визита пациента медицинский специалист может потратить на него только 70–80 % времени первого посещения. При этом назвать указанные временные интервалы адекватными и отражающими факт уважения времени пациентов проблематично.

С одной стороны, следуя разъяснениям Минздрава России, лечащий врач может принимать конкретного пациента столько, сколько ему необходимо, поскольку законодатель убеждает, что цель введения указанных периодов времени (основанных на результатах фотохронометражных исследований деятельности медицинских специалистов) заключается в том, чтобы определить потребность во врачебных кадрах в ходе экономического обоснования территориальных программ государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной МП; а также рассчитать нормы труда врачей-специалистов непосредственно в лечебно-профилактических учреждениях. С другой стороны, законодатель ожидает, что эти нормы времени будут адаптированы на уровне конкретных медицинских организаций [6].

Однако если бы эти нормативные периоды времени были приняты с учетом действующих

стандартов и порядков оказания МП, то врач-офтальмолог, по-видимому, не получил бы минимальное время на первичный прием одного пациента – всего 14 минут, что определено Приказом Минздрава России от 02.06.2015 № 290н. Ведь согласно стандарту оказания МП, утвержденному Приказом Минздрава России от 24.12.2012 № 1520н, при ряде заболеваний глаз в отношении пациентов проводят такое стандартное диагностическое исследование, как офтальмоскопию. Перед ее выполнением в соответствующий глаз пациента следует ввести лекарственный препарат, расширяющий зрачок, и через 5–10 минут после этого можно приступать к офтальмоскопическому исследованию, занимающему примерно 10 минут [4]. Очевидно, что нормативных 14 минут будет недостаточно. Следует также помнить, что при обследовании глаз у детей приходится тратить намного больше времени, чем у взрослых, по причине возрастных особенностей (например, необходимо бывает успокоить ребенка). Кроме того, помимо осмотра, врач, как правило, должен выслушать жалобы, поставить предположительный диагноз, составить план обследования; при повторном визите пациента – определить план лечения, проинформировать о диагнозе и прогнозе. Совокупность указанных мероприятий вряд ли реально провести за 10 минут (даже заранее исключив 35 % времени на оформление соответствующих документов). Аналогичные разъяснения можно предоставить и в отношении других медицинских специалистов. Невольно возникает вопрос, в состоянии ли врач оказать МП в соответствии с установленными стандартами за столь ограниченные промежутки времени, отведенные на прием одного пациента? В свою очередь, от соблюдения стандартов зависит качество МП (п. 2 ст. 64 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ).

В связи с этим хотелось бы обратиться к Апелляционному определению Московского городского суда от 14 марта 2013 г. № 11-5996 [3], которым был подтвержден факт дефекта оказания МП (еще до введения нормативных затрат времени на одного пациента) в виде нарушения стандарта МП при злокачественных новообразованиях почки (согласно Приказу Минздравсоцразвития РФ от 01.12.2005 № 746) и некачественной медицинской услуги. Данному определению предшествовало решение врача-рентгенолога, который без согласования с онкологом и без информирования пациентки провел ей неполное исследование почки (компьютерную томографию без внутри-

венного контрастирования). В результате был поставлен неправильный диагноз (доброкачественная опухоль почки). Пациентка, усомнившись в достоверности полученных данных, обратилась в другое медицинское учреждение, в котором ей провели повторное, полное исследование (с получением дополнительной дозы облучения) и выявили злокачественное заболевание, повлекшее хирургическое вмешательство.

Таким образом, в настоящее время существуют законодательные и иные предпосылки для того, чтобы задуматься о расширении отраслевых прав индивидов в сфере охраны здоровья, в частности, за счет закрепления права на уважение времени пациентов и введения более адекватных временных интервалов, в течение которых медицинские специалисты нормативно могут оказывать МП обратившимся к ним индивидам, что должно способствовать реализации конституционного права на охрану здоровья и МП.

Пристатейный библиографический список

1. European Charter of Patient's Rights. Basis Document. Rome, November 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://mzsosial-rk.ru/zdravooxranenie/eko/eko_list.html.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2013 по делу № 11-5996 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=598700>.
3. Егоров Е.А., Басинский С.Н. Клинические лекции по офтальмологии: учеб. пособ. М., 2007. С. 320.
4. Минздрав определил, сколько времени необходимо врачам-специалистам на прием пациента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.remedium.ru/news/detail.php?ID=68868>.
5. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/04/11/2894-minzdravom-rossii-podgotovleny-tipovye-normy-vremeni-na-poseschenie-odnim-patsientom-kardiologa-endokrinologa-i-stomatologa-terapevta>.

References (transliterated)

1. European Charter of Patient's Rights. Basis Document. Rome, November 2002 [Elektronnyj resurs]. URL: http://mzsosial-rk.ru/zdravooxranenie/eko/eko_list.html.
2. Apelljacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 14.03.2013 po delu № 11-5996 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=598700>.
3. Egorov E.A., Basinskij S.N. Klinicheskie lekicii po oftal'mologii: ucheb. posob. M., 2007. S. 320.
4. Minzdrav opredelil, skol'ko vremeni neobhodimo vracham-specialistam na priem pacienta [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.remedium.ru/news/detail.php?ID=68868>.
5. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/04/11/2894-minzdravom-rossii-podgotovleny-tipovye-normy-vremeni-na-poseschenie-odnim-patsientom-kardiologa-endokrinologa-i-stomatologa-terapevta>.

Чашин А.Н.

СУДЕБНАЯ ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК (ФОРМА) ПРАВА

Цель: В статье автором предпринимается попытка систематизации накопленных к настоящему моменту судебных прецедентов, способных выступать источниками (формами) права.

Методология: Теоретическая позиция исследователя построена на методе материалистической диалектики.

Результаты: Предлагается формирование правовой доктрины в виде официального судебного документа.

Новизна/оригинальность/ценность: Подход к систематизации отечественных судебных прецедентов в единую правовую доктрину сформулирован автором впервые.

Ключевые слова: правовая доктрина, источники (формы) права, судебный прецедент.

Chashin A.N.

JUDICIAL DOCTRINE AS A SOURCE OF (FORM) RIGHTS

Purpose: In this article the author attempts to systematize accumulated to date case law that could be a source of (forms) of law.

Methodology: The researchers built theoretical position on the method of materialist dialectics.

Results: We propose the formation of a legal doctrine in the form of an official court document.

Novelty/originality/value: The approach to systematize the domestic judicial precedents into a single legal doctrine formulated by the author for the first time.

Keywords: legal doctrine, Sources (forms) of law, judicial precedent.

К сегодняшнему дню национальная система права регулируется правовыми нормами, содержащимися в различных источниках. В современной литературе развернулась довольно жаркая дискуссия по поводу возможности признания судебного прецедента источником (формой) российского права. Следует оговориться, что эта проблема, в отличие от многих других проблем науки общей теории государства и права, является не абсолютной, а относительной. Суть относительности обозначенной проблемы заключается в том, что никто из представителей правовой науки не отрицает того обстоятельства, что судебная практика является источником (формой) права. Спор идёт относительно того, может ли быть судебный прецедент признан источником права для стран, не относящихся к семье общего права, в частности – для России. Имея в виду, что одним из основных аргументов, выдвигаемых в спорах о прецеденте как источнике российского права, является тезис, что судебское правотворчество не характерно для стран романо-германской семьи, М.Н. Марченко пишет: «Опираясь на исследования многих авторов, занимающихся изучением данной материи, с определенной долей условности можно выделить три основных направления, или подхода, к разрешению проблемы самого существования современного судебного права как неотъемлемой составной части романо-германского права: 1) полное и безоговорочное при-

знание судебного права одной из неотъемлемых составляющих романо-германского права; 2) полное и такое же безоговорочное, вопреки очевидным фактам, его отрицание; 3) «промежуточное», двойственное отношение к судебскому праву, выражающееся, с одной стороны, в фактическом его признании и использовании, а с другой – в формально-юридическом (официальном) отрицании, точнее, молчаливом непризнании его существования» [30, с. 20]. На эту тему написано много, приведем только основные мнения.

В первую очередь обратим внимание на уходящую корнями в позитивизм советского образца точку зрения, абсолютно отрицающую за судом способность творения права. В.В. Лазарев по этому поводу отмечает следующее: «Нужно раз и навсегда отказаться от безоговорочного тезиса о том, что пробелы в законе восполняются судами или иными органами в процессе применения права. Устранить пробел в законе можно лишь путем дополнительного законотворчества» [36, с. 438]. Подобная позиция вполне объяснима для тоталитарного общества, в котором государственному аппарату более удобно управлять обществом при помощи манипуляций с законодательством, чем через судебское мировоззрение. Объективности ради следует выделить теоретические параллели и в дореволюционной русской науке. В частности, против признания судебной практики в качестве источника права для отечественной правовой си-

стемы свидетельствует тезис, выдвинутый в свое время Г.Ф. Шершеневичем: «Если от прецедента можно отступить, то нет такой обязательности, какая свойственна норме права. Для суда прецедент то же, что для законодателя закон, – он изменяет его, когда захочет» [39, с. 85].

В современной науке интересной представляется аргументация И.Л. Петрухина, который возражает против введения в России прецедентного права по следующим соображениям: «Норма закона обязательна для судьи (он подчиняется только Конституции и закону), тогда как приговор или решение другого судьи ни к чему его не обязывают. О них судья просто не знает, потому что их – миллионы, они нигде не публикуются. Реализация изложенных предложений приведет к окончательному развалу, краху законности, поскольку судьи по-разному будут понимать закон, и можно будет сослаться на любое из противоречивых судебных решений. Среди наших судей есть ещё немало юристов с низкой профессиональной подготовкой. Предоставить каждому из них право творить закон – значит похоронить законность» [35, с. 19]. Подобная аргументация может быть оценена как исключительно слабая. Во-первых, автор демонстрирует вульгарное понимание сути судебного прецедента. В отличие от утверждения И.Л. Петрухина, в странах общего права прецедентными признаются далеко не все решения («всегда и везде в западном праве судебный прецедент создаётся решением высшего суда» [34, с. 20]), да, собственно, и не судебный акт целиком, а только его часть – *ratio decidendi* (сущность решения, в США его именуют «*holding*» [16, с. 69]). «Это, – разъясняет А.А. Максимов, – те правовые принципы, которые использует суд при решении дела» [25, с. 97]. Более того, прецедентным становится только судебный акт, прошедший высшую судебную инстанцию. Уже поэтому прецедентов в национальных системах намного меньше того массива, которого испугался И.Л. Петрухин. Мнению этого автора вполне можно противопоставить позицию С.С. Алексеева, считавшего, что «необходимо прежде всего преодолеть упрощенное, пожалуй, примитивное понимание прецедентного права, когда его существо и значение сводятся всего лишь к тому, в общем-то, очевидному для данной системы обстоятельству, что какое-либо решение суда становится «обязательным образцом» при рассмотрении аналогичных дел и потому приобретает нормативный характер. Между тем «обязательным образцом», как это показано в английской доктрине прецедента (а теперь оттеняется и в

нашей отечественной литературе), является не само по себе состоявшееся судебное решение, а заложенное в нем *ratio decidendi* – принцип, идея, правовые мотивы решения, его юридическая суть, или, в ином смысловом контексте, бытующем в английской доктрине, *stare desisis* – мнение нормообразующего характера. Но и это ещё не все. Общее, прецедентное право... – это не просто некая совокупность судебных решений, в которых содержатся *ratio decidendi*, а структурированная по содержанию целостность правовых начал нормативного характера, которая имеет непосредственное регулятивное значение. Вовсе не случайно, как свидетельствуют фактические данные о формировании системы общего права (что и произошло в Индии), такого рода начала лишь тогда начинают обнаруживать регулятивные качества позитивного права, когда накапливается их известный объем, своего рода «критическая масса», они складываются в некоторые внутренние подразделения, и когда, стало быть, и здесь (путем «перехода количества в качество») образуется особое «тело», *corpus juris*» [14, с. 109–110]. Более того, судебные решения, а тем более прецедентные, довольно успешно публикуются, в том числе в справочно-правовых системах, частных сборниках. Таким образом, второй аргумент И.Л. Петрухина, что судья не сможет найти и познать всю массу прецедентов, необоснован. Третий довод критикуемого автора сводится к профессиональной незрелости российского судьи. Разве это аргумент, относящийся к формам права? Получается, что назначить пожизненное заключение, отказать в иске о назначении пенсии по инвалидности или рассмотреть дело о соответствии правительственного постановления конституционным положениям нашему судье мы доверяем, а вот творить право ему не разрешаем. Когда судья принимает любое важное для сторон судебного спора решение, его уровня квалификации достаточно, и решение справедливо, но вынесение справедливого решения судьей при молчании закона И.Л. Петрухин не приемлет. Проблему с квалификацией судей нужно решать путем оптимизации кадровой политики, а не посредством отказа судейскому корпусу поголовно в эффективном использовании доступного правового инструментария.

Ряд авторов склоняется к мнению о возможности и даже необходимости признания судебной практики источником права для России. Так, по мнению академика Б.Н. Топорнина, «прежним набором источников мы обойтись уже не можем. С этой точки зрения нужно ещё раз рассмотреть

в качестве источников права судебную практику и судебную доктрину» [21, с. 6].

Деление научных позиций относительно видения прецедента не представляет собой дихотомию, поскольку лагерь сторонников признания прецедента в качестве формы российского права далеко не однороден. В нём можно выделить следующие основные направления.

Первое из направлений – безоговорочное признание судебного прецедента одной из полнокровных форм национального права в нашей стране. Сторонники этой позиции признают за прецедентом роль первичного источника права, доминирующего над законодательством. «Именно за судом, – считает В.П. Малахов, – должно быть сохранено право устанавливать право, т. е. содержание и смысл правоотношений. Законодательная же власть устанавливает законы, т. е. формы. Судом, а ни какими иными органами творится право как порядок. Правосудие есть господство порядка, но суд не восстанавливает порядок, правосудие не является правоохраной – это как раз дело соответствующих органов» [26, с. 79]. Интересно отметить, что практическое наличие прецедента как источника права в России в ходе социологического исследования показало 88,9 % опрошенных судей [19, с. 72–73]. То есть именно те, кто на практике черпает сведения о праве из его источников, в качестве такого источника называют судебный прецедент, не обращая никакого внимания на доктринальные споры по этому вопросу. Применительно к конституционному правосудию М.В. Баглай пишет: «И хотя прецедентная, обязательная сила этих решений в стране еще не признана, и единообразная практика пока не сложилась, они должны в своей совокупности рассматриваться как источник конституционного права» [15, с. 27–28].

С критикой позиции М.В. Баглая выступал О.Е. Кутафин, который по этому поводу отмечал следующее: «Между тем, думается, что практика судов общей юрисдикции при всем её разнообразии никак не связана с прецедентами. Дело в том, что правовая система современной России была и остается системой государства, которое не знает такого источника права, как судебный прецедент. И надо полагать, что в современных условиях вряд ли можно ожидать столь радикальных перемен правовой системы, чтобы в России было «всё как в США или Великобритании», в том числе и прецедентная по своим главным источникам правовая система «общего права». Более того, правовая система «общего права» при всех её возможных достоинствах является своего рода

атавизмом по сравнению с российской со всеми присущими ей недостатками. Поэтому её внедрение было бы равносильно внедрению в нашу жизнь староанглийской системы мер и весов и иных британских традиций. Все это говорит о том, что предложение М.В. Баглая рассматривать вопреки Конституции, так сказать, авансом, судебные решения как источник конституционного права представляется ошибочным. Что же касается постановлений Пленума Верховного Суда..., то они вполне укладываются в рамки Конституции РФ, предоставившей Верховному Суду РФ право давать разъяснения по вопросам судебной практики, не носящие нормативного характера, но обладающие общеобязательной силой, как и любой правовой акт» [22, с. 144–145]. Теперь настало время разграничить судебный прецедент и судебную практику. «Водоразделом» здесь можно принять позицию О.Е. Кутафина о том, что «толкование связано с разъяснением уже имеющих норм, а не с созданием новых правовых установлений. Оно состоит в объяснении смысла толкуемой нормы, детализации её содержания строго в рамках самого предписания» [23, с. 156]. В этом различие между толкованием в рамках постановления пленума и судебным прецедентом. Первый вариант, как известно, является признанной частью российской правовой системы. Фактически О.Е. Кутафин предлагал признать влияние на национальную правовую систему судебных актов не в качестве прецедентов, а только в форме постановлений пленумов, т. е. сборников наиболее распространенных прецедентов, толковательных по своему содержанию. Суть такой позиции отчетливо прослеживается в следующем высказывании академика: «Особого разговора заслуживают постановления Конституционного Суда РФ. Что касается постановлений, в которых устанавливается соответствие Конституции РФ конституций и уставов субъектов федерации, законов и других нормативных актов, разрешаются споры о компетенции, то они не относятся к числу нормативных актов. Таким актом является Конституция РФ, а постановления Конституционного Суда – лишь акты её применения. Они не создают, да и не могут создавать с точки зрения Конституции РФ и других нормативных актов, регулирующих его деятельность, правовых норм. Они лишь применяют конституционные нормы к конституционным правовым актам или отдельным их нормам, тем самым констатируя соответствие последних нормам Конституции. Тот факт, что они обязательны для исполнения, имеет такой же характер, как и обязательность всех других правовых актов, не об-

ладающих нормативным характером» [22, с. 145]. Такая позиция основана на общетеоретических положениях о сущности процесса толкования права. Как писал В.С. Нерсисянц, «толкование нельзя смешивать ни с толкуемой нормой права, ни с нормой права вообще. Правотолковательное положение – это всегда лишь правило надлежащего понимания уже наличной толкуемой нормы права, а не новая норма права» [32, с. 500]. Выделенное теоретическое направление вполне укладывается в советскую правовую традицию, предписывавшую, что, «применяя в тех областях права, где это допускается, аналогию, применяя другие научные методы толкования, Верховный Суд СССР в издаваемых им руководящих указаниях предлагает судам обязательные для них правила, разъясняющие, конкретизирующие, детализирующие существующий закон. В этих пределах рассматриваемые указания носят нормативный характер» [27, с. 617]. Думается, что понимание под формой права судебной практики при выраженности её в постановлениях судебных пленумов тождественно отрицанию судебного прецедента как самостоятельного источника права. Вероятно, поэтому И.Ю. Богдановская считает, что «в России речь идет не о развитии судебного прецедента как источника права (что было бы шагом назад и отступлением от идеи верховенства закона), а об усилении позиции судов в толковании закона» [17, с. 10]. Но есть и иные варианты теоретического осмысления соотношения судебной практики, судебного прецедента, формы и источника права. Так, Л.А. Морозова предлагает признавать судебную практику (применительно к отечественной правовой системе) источником права, не признавая её формой права. При этом она предлагает различать понятия «источник права» и «форма права» [31, с. 19–23]. Здесь сформулировано второе направление юридической мысли, имеющее место среди сторонников признания прецедента в России. Это самое консервативное из течений, которое признаёт влияние на национальную правовую систему судебных актов не в качестве формы, а лишь источника права.

Судебный прецедент может быть признан источником права, вторичным по отношению к такой традиционной форме, как нормативный правовой акт. По мнению А.В. Мицкевича, «то понимание, которое укрепит в судебной практике, и будет обобщено и подтверждено высшим судом как бы вторичным, углубляющим и дополняющим закон и другие нормативные правовые акты источником права. Такое признание роли судебной практики сулит более обоснованные и

полезные для укрепления законности результаты, чем далеко не всегда квалифицированные акты, порождающие лишь волокиту в законодательной деятельности по частным и сложным правовым вопросам. Пусть законодатели лучше изучают и обобщают судебную практику, возводя затем в закон то, что проверено практикой, и отвергая то, что оказалось неверным на деле» [33, с. 153].

М.Н. Марченко обращает внимание на еще одно направление теоретического понимания судебного прецедента, характерное, правда, для европейской юридической мысли. Это признание практики, в процессе которой нижестоящие суды следуют решениям вышестоящих судов, актом формирования новой правовой нормы, источником которой, однако, является не судебный прецедент, а некая разновидность обычая «в дополнение к закону (*secundum legem*)» [29, с. 50]. Согласно такой позиции нижестоящие суды «обычно приспосабливаются к решениям вышестоящих судов, хотя технически они никак не связаны этими решениями» [28, с. 58].

Резюмируя изложенное по затронутому вопросу, можно осуществить следующую классификацию теоретических точек зрения на место прецедента в российском праве. Итак, варианты теоретического понимания прецедента следующие:

- полное отрицание и, как правило, замещающее признание вторично-нормативной роли судебной практики в форме постановлений пленумов судов высшего звена судебной системы и актов конституционного правосудия (В.В. Лазарев, О.Е. Кутафин, С.И. Вильнянский, И.Ю. Богдановская, И.Л. Петрухин, Г.Ф. Шершеневич);
- признание в качестве источника права, равного прочим (в первую очередь основным) источникам права (М.В. Баглай, В.П. Малахов, Б.Н. Топорнин);
- признание в качестве вторичного источника права (А.В. Мицкевич);
- признание возможности формирования судом права в форме правового обычая, дополнительного к закону (К. Kerameus, Ph. Kozyris).

Как видим, обращаясь к современной отечественной судебной практике, сложно закрывать глаза на роль правоприменительных актов судебных органов, в первую очередь, конечно же, относящихся к высшему звену судебной системы. Но и официальное признание судебного прецедента, его хотя бы минимальная легализация в процессуальном законодательстве не ожидаются. По мнению М.Н. Марченко, «выход из сложившегося положения многие авторы-компаративисты не

без оснований видят в том, чтобы рассматривать прецедент как источник права не в формальном плане, а в практическом. Формальное непризнание прецедента вовсе не означает его фактического отрицания» [28, с. 60]. С этим примиряющим мнением, надо полагать, следует согласиться.

Очевидным является тот факт, что мнения отечественных правоведов в подавляющем своем большинстве склоняются к признанию нормативности постановлений пленумов судов высшего звена судебной системы и актов конституционного правосудия. При разрешении одной проблемы, касающейся форм права, зарождается другая, затрагивающая эффективность правоприменительной деятельности. Признав судебную практику формой права, сталкиваемся с многочисленностью актов, в которых отражены правовые нормы, сформулированные судами. Пленумы отечественных судов высшего звена судебной системы издают постановления двух видов: подзаконные нормативные правовые акты и руководящие разъяснения обобщенной судебной практики. Примером первого можно считать Постановление Пленума ВАС РФ от 05.06.1996 № 7 «Об утверждении Регламента арбитражных судов» (в ред. от 22.06.2012) [3]. Доля таких постановлений не очень велика. Другое дело – разъяснения судебной практики, к важнейшим из которых относятся постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [4], от 29.04.1996 № 1 «О судебном приговоре» [5], от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [6] и проч. Это крупные судебные акты, дающие толкования по генеральным направлениям правоприменения. Кроме того, практикуют высшие суды издание постановлений по частным вопросам, вызывающим затруднения в деятельности нижестоящих судебных органов. Среди таких можно упомянуть постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [9], от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» [10], от 25.01.2013 № 11 «Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом» [11] и др. Кроме того, на территории РФ продолжают действовать (как правило, в части) постановления Пленума Верховного Суда СССР (например, Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29.09.1988 № 11 «О практике выне-

сения судами частных определений (постановлений)» [12]) и Верховного Суда РСФСР (например, Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25.06.1974 № 2 «О выполнении судами РСФСР постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР о судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [13]). Всего на текущий момент актуально более двухсот постановлений, принятых пленумами высших судов, и еще немногим более ста постановлениями в них вносились изменения и дополнения. Еще около четырехсот постановлений Конституционного Суда РФ представляют собой акты системного толкования Основного закона и раскрывающих его положение отраслевых нормативных правовых актов. Н.С. Бондарь вполне обоснованно заявляет, что главная специфика последних заключается в том, что они «обладают нормативно-доктринальной природой, которая предопределяется, прежде всего, особенностями судебно-конституционных (контрольных) полномочий Суда» [18, с. 75]. В совокупности судебная практика, являющаяся ориентиром для всех российских судей в их профессиональной деятельности, насчитывает около шестисот постановлений пленумов верховных судов РФ, СССР и РСФСР, Высшего Арбитражного Суда РФ (принятые до момента его поглощения Верховным Судом РФ) и Конституционного Суда РФ. Не вызывает ни малейшего сомнения, что будь подобное количество актов обнаружено в любой из отраслей законодательства, вряд ли научное сообщество не высказало бы единодушного мнения о необходимости упорядочения нормативного материала путем проведения систематизации. Несмотря на повсеместное научное признание пользы кодификационной деятельности, до настоящего времени вопрос о необходимости сведения разрозненной судебной практики, имеющей нормативное содержание, не поставлен. Такое положение вещей отрицательно сказывается на эффективности судопроизводства. Факторы здесь те же, что и в случаях несистематизированного законодательства, – множественность и громоздкость нормативного массива, причиняющие чрезвычайное неудобство в использовании. Кроме того, если постановления Пленума Верховного Суда РФ представляют собой нечто вроде инструкции по применению права, с технической точки зрения чрезвычайно напоминая нормативный правовой акт, состоящий из относительно самостоятельных пунктов, разделенных между собой содержательно, то постановления Конституционного Суда РФ являются отдельными актами правоприменения

каждый. При обращении к ним, порой довольно громоздким, пользователю необходимо среди всего текста, зачастую довольно многословного, выделить именно норму права (или обязательный к применению вариант толкования правовой нормы, закрепленной законом). По своему объёму такая норма (вариант толкования нормы) в десять, двадцать и тридцать раз меньше всего постановления. Считаем, что настало время свести нормативные положения руководящих постановлений судов высшего звена судебной системы в единый акт. В качестве такого акта вполне уместно принять Государственную правовую доктрину РФ, отведя специальные разделы под систематизацию судебной практики.

В ходе такой систематизации целесообразно в соответствующие разделы доктрины включать нормативные составляющие постановлений Конституционного Суда РФ и постановлений пленумов верховных судов РФ, СССР и РСФСР, а также ныне ликвидированного Высшего Арбитражного Суда РФ, принятых в период его действия. При этом необходимо учитывать, что проведение предлагаемой систематизации не лишит силы акты, которые необходимо подвергнуть упорядочению. Аргументы в пользу такого подхода следующие.

Поскольку в целях обеспечения обозримости судебной практики, имеющей ориентирующее значение для национальных судов, включению в государственную правовую доктрину подлежат только нормативные части судебных актов, из постановлений Конституционного Суда РФ необходимо брать только некоторые пункты резолютивной части. Само постановление Конституционного Суда РФ должно сохранять свою силу, поскольку в его мотивировочной части содержатся рассуждения суда и нормативное (а иногда и философское) обоснование принятого постановления.

Из руководящих постановлений высших судов системы судов общей и арбитражной юрисдикции также следует брать не весь материал, поскольку далеко не весь он является нормативным. Некоторые пункты руководящих постановлений представляют собой не что иное, как воспроизведение текстов нормативных актов не только без их толкования, но и вовсе безо всякого комментирования. Так, абз. 2 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре» [7] выглядит следующим образом: «Статьей 245 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

дела по заявлениям об установлении, о продлении, досрочном прекращении административного надзора, а также о частичной отмене или исполнении ранее установленных поднадзорному лицу административных ограничений отнесены к делам, возникающим из публичных правоотношений, в связи с чем они подлежат рассмотрению и разрешению на основании статьи 246 ГПК РФ с особенностями, предусмотренными главами 23 и 26.2 ГПК РФ». Не вполне понятно, зачем Пленуму Верховного Суда РФ понадобилось повторять судьям, каждый из которых имеет высшее юридическое образование, не менее чем пятилетний стаж работы по юридической специальности и сдал квалификационный экзамен на должность судьи, вполне несложные положения ст. 245 и 246 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 25.11.2013) [1]. В любом случае подобные факты дублирования в ориентирующих актах судебной практики статей действующего законодательства не способствуют повышению эффективности работы судей, но исключительно загромождают тексты, на которые суды ориентируются при принятии своих решений.

Другое дело п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [8], сформулированный следующим образом: «Сроки давности привлечения к уголовной ответственности оканчиваются по истечении последнего дня последнего года соответствующего периода (например, если преступление небольшой тяжести было совершено 12 августа 2010 года в 18 часов, то срок давности в данном случае начинает течь 12 августа 2010 года, последний день срока давности – 11 августа 2012 года, по истечении которого, т. е. с 00 часов 00 минут 12 августа 2012 года, привлечение к уголовной ответственности недопустимо). При этом не имеет значения, приходится ли окончание сроков давности на рабочий, выходной или праздничный день». Как видим, в этом пункте сформулировано такое правило, которого не имеется в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.11.2013) [2]. Именно такие положения, вне зависимости от того, считать ли их судебными прецедентами (их *ratio desidendi*) либо обязательными вариантами толкования правовых норм судебной практикой, подлежат систематизации посредством включения в текст государственной правовой доктрины РФ.

Поскольку предлагаемый вариант систематизации ориентирующей судебной практики предполагает оставление в силе подвергающихся обработке первоисточников, результат такой деятельности в чистом виде не подпадает ни под один из видов систематизации, признаваемых отечественной наукой. При кодификации предполагается рождение нового крупного акта с утратой кодифицированным материалом силы [20, с. 24]. В нашем случае новый акт будет (государственная правовая доктрина), но и первоисточники останутся в силе (постановления высших судов). При консолидации происходит укрупнение нормативных правовых актов, их слияние в один акт [38, с. 51], чего не должно произойти, поскольку государственная правовая доктрина способна поглотить не весь материал ориентирующей судебной практики, а только его наиболее ценную часть. При инкорпорации предполагается объединение систематизируемого материала в сборники [37, с. 10]; это уже совсем далеко от предлагаемого нами варианта. В связи с этим деятельность по формированию государственной правовой доктрины (её соответствующих разделов) должна быть понимаема как отдельная разновидность систематизации, ближе всего схожая с инкорпорацией. Тот факт, что инкорпорированию в данном случае подвергаются не законодательство, а судебные акты, не противоречит достижениям современной юридической мысли, поскольку практика знает примеры подобной деятельности: к примеру, во Франции широко применяется инкорпорация судебных решений в единые акты, традиционно для французской правовой системы именуемые кодексами.

На этом фоне следует согласиться с Д.Ю. Любименко в том, что «понятие «правовая доктрина» в отечественной юриспруденции... наполняется новым значением – особой формы систематизации или доктринального обобщения судебной практики» [24, с. 233].

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 25.11.2013) // Собрание законодательства РФ. 2002. 18 ноября. № 46. Ст. 4532.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.11.2013) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 05.06.1996 № 7 «Об утверждении Регламента арбитражных судов» (в ред. от 22.06.2012) // Вестник ВАС РФ. 1996. № 11.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взя-

точности и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 № 1 «О судебном приговоре» (в ред. от 16.04.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в ред. от 16.04.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

9. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

10. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» (в ред. от 15.02.2013) // Вестник ВАС РФ. 2010. № 2.

11. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.01.2013 № 11 «Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 3.

12. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29.09.1988 № 11 «О практике вынесения судами частных определений (постановлений)» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1988. № 6.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25.06.1974 № 2 «О выполнении судами РСФСР постановлений пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР о судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 9.

14. Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006.

15. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Инфра-М, 1999.

16. Богдановская И.Ю. Категория «правовая норма» в правовой доктрине стран «общего права» // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 65–73.

17. Богдановская И.Ю. Судебный прецедент – источник права? // Государство и право. 2002. № 12. С. 5–10.

18. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75–85.

19. Бошно С.В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социолого-юридического исследования) // Государство и право. 2007. № 4. С. 72–78.

20. Каляшин А.В. О совершенствовании системы нормативных правовых актов о государственной службе // Административное право и процесс. 2012. № 12. С. 22–26.

21. Колотова Н.В. Российское государство и право на рубеже тысячелетий (всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2000. № 7. С. 5–14.

22. Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М.: Юрист, 2002.
23. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001.
24. Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина как особая форма систематизации судебной практики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. С. 233–237.
25. Максимов А.А. Прецедент как один из источников английского права // Государство и право. 1995. № 2. С. 97–102.
26. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
27. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия / отв. ред. Г.Н. Манов. М.: Юрид. лит., 1970.
28. Марченко М.Н. Вторичные источники романо-германского права: прецедент, доктрина // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 4. С. 52–63.
29. Марченко М.Н. Обычай в системе источников романо-германского права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 5. С. 37–53.
30. Марченко М.Н. Разнообразие взглядов на судебское право в современной романо-германской правовой семье // Правоведение. 2007. № 3. С. 17–27.
31. Морозова Л.А. Ещё раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. 2004. № 1. С. 19–23.
32. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М.: НОРМА, 1999.
33. Общая теория государства и права. Академический курс / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 1998. Т. 1.
34. Осакве К. Типология современного российского права на фоне правовой картины мира // Государство и право. 2001. № 4. С. 12–22.
35. Петрухин И.Л. Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. 2000. № 7. С. 15–21.
36. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. акад. РАН В.С. Нерсисянца. М.: НОРМА, 2004.
37. Пуляева Е.В. Концепция развития законодательства об образовании // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 5–15.
38. Филатова Л.В. Систематизация законодательства в учетной деятельности органов государственной власти (на примере Минюста России) // Юридический мир. 2012. № 3. С. 48–52.
39. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. (по изд. 1912 г.). М.: Юридический колледж МГУ, 1995.
3. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 05.06.1996 № 7 «Ob utverzhdenii Reglamenta arbitrazhnyh sudov» (v red. ot 22.06.2012) // Vestnik VAS RF. 1996. № 11.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 № 24 «O sudebnoj praktike po delam o vzjatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestuplenijah» // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2013. № 9.
5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.04.1996 № 1 «O sudebnom prigovore» (v red. ot 16.04.2013) // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 1996. № 7.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 31.10.1995 № 8 «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami Konstitucii Rossijskoj Federacii pri osushhestvlenii pravosudija» (v red. ot 16.04.2013) // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 1996. № 1.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 22 «O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del ob administrativnom nadzore» // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2013. № 8.
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19 «O primenenii sudami zakonodatel'stva, reglamentirujushhego osnovaniya i porjadok osvobozhdeniya ot ugovnoj otvetstvennosti» // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2013. № 8.
9. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 30.07.2013 № 62 «O nekotoryh voprosah vozmeshheniya ubytkov licami, vhodjashhimi v sostav organov juridicheskogo lica» // Jekonomika i zhizn' (Buhgalterskoe prilozhenie). 2013. № 34.
10. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 17.12.2009 № 91 «O porjadke pogasheniya rashodov po delu o bankrotstve» (v red. ot 15.02.2013) // Vestnik VAS RF. 2010. № 2.
11. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 25.01.2013 № 11 «Ob uplate naloga na dobavlennuju stoimost' pri realizacii imushhestva dolzhnika, priznannogo bankrotom» // Vestnik VAS RF. 2013. № 3.
12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 29.09.1988 № 11 «O praktike vyneseniya sudami chastnyh opredelenij (postanovlenij)» // Bjulleten' Verhovnogo Suda SSSR. 1988. № 6.
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RSFSR ot 25.06.1974 № 2 «O vypolnenii sudami RSFSR postanovlenij plenumov Verhovnogo Suda SSSR i Verhovnogo Suda RSFSR o sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah nesovershennoletnih» // Bjulleten' Verhovnogo Suda RSFSR. 1974. № 9.
14. Alekseev S.S. Linija prava. M.: Statut, 2006.
15. Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. M.: Infra-M, 1999.
16. Bogdanovskaja I.Ju. Kategorija «pravovaja norma» v pravovoj doktrine stran «obshhego prava» // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 11. S. 65–73.
17. Bogdanovskaja I.Ju. Sudebnyj precedent – istochnik prava? // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 12. S. 5–10.
18. Bondar' N.S. Normativno-doktrinal'naja priroda reshenij Konstitucionnogo Suda RF kak istochnikov prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 4. S. 75–85.
19. Boshno S.V. Precedent, zakon i doktrina (opyt sociologo-juridicheskogo issledovaniya) // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 4. S. 72–78.
20. Kaljashin A.V. O sovershenstvovanii sistemy normativnyh pravovyh aktov o gosudarstvennoj sluzhbe // Administrativnoe pravo i process. 2012. № 12. S. 22–26.

References (transliterated)

1. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (v red. ot 25.11.2013) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. 18 nojabrja. № 46. St. 4532.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 25.11.2013) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. 17 ijunya. № 25. St. 2954.

21. Kolotova N.V. Rossijskoe gosudarstvo i pravo na rubezhe tysjacheletij (vserossijskaja nauchnaja konferencija) // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 7. S. 5–14.

22. Kutafin O.E. Istochniki konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii. M.: Jurist#, 2002.

23. Kutafin O.E. Predmet konstitucionnogo prava. M.: Jurist#, 2001.

24. Ljubitenko D.Ju. Pravovaja doktrina kak osobaja forma sistematizacii sudebnoj praktiki // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2010. № 10. S. 233–237.

25. Maksimov A.A. Precedent kak odin iz istochnikov anglijskogo prava // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 2. S. 97–102.

26. Malahov V.P. Mify sovremennoj obshhepravovoj teorii: monografija. M.: JuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2013.

27. Marksistsko-leninskaja obshhaja teorija gosudarstva i prava. Osnovnye instituty i ponjatija / otv. red. G.N. Manov. M.: Jurid. lit., 1970.

28. Marchenko M.N. Vtorichnye istochniki romano-germanskogo prava: precedent, doktrina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11. Pravo. 2000. № 4. S. 52–63.

29. Marchenko M.N. Obychaj v sisteme istochnikov romano-germanskogo prava // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11. Pravo. 2000. № 5. S. 37–53.

30. Marchenko M.N. Raznoobrazie vzgljadov na sudejskoe pravo v sovremennoj romano-germanskoj pravovoj sem'e // Pravovedenie. 2007. № 3. S. 17–27.

31. Morozova L.A. Eshhjo raz o sudebnoj praktike kak istochnike prava // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 1. S. 19–23.

32. Nersesjanc V.S. Obshhaja teorija prava i gosudarstva. M.: NORMA, 1999.

33. Obshhaja teorija gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs / otv. red. M.N. Marchenko. M.: Zercalo-M, 1998. T. 1.

34. Osakve K. Tipologija sovremennogo rossijskogo prava na fone pravovoj kartiny mira // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 4. S. 12–22.

35. Petruhin I.L. Problema sudebnoj vlasti v sovremennoj Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 7. S. 15–21.

36. Problemy obshhej teorii prava i gosudarstva / pod obshh. red. akad. RAN V.S. Nersesjanca. M.: NORMA, 2004.

37. Puljaeva E.V. koncepcija razvitiya zakonodatel'stva ob obrazovanii // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 8. S. 5–15.

38. Filatova L.V. Sistematizacija zakonodatel'stva v uchetnoj dejatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti (na primere Minjusta Rossii) // Juridicheskij mir. 2012. № 3. S. 48–52.

39. Shershenevich G.F. Obshhaja teorija prava: V 2 t. T. 2. Vyp. 2, 3, 4. (po izd. 1912 g.). M.: Juridicheskij kolledzh MGU, 1995.

**Московская городская коллегия адвокатов
«Московская гильдия адвокатов и юристов»**

**Moscow city Bar Collegium's
«Moscow Guild of lawyer and legal advisers»**

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

– правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);

– уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);

– гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО)).

Вы можете обратиться к нам по адресу:

Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402.

Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88.

Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55

Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

ПРОБЛЕМА СОБЛЮЖДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: Рассмотрение проблемы соблюдения конституционного принципа независимости судей в Российской Федерации.

Методология: Использовался формально-юридический метод.

Результаты: В статье рассматривается проблема реализации установленного в Конституции РФ принципа независимости судей, особое внимание уделяется причинам ее возникновения и способам решения.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку является современной попыткой рассмотрения актуальной проблемы.

Ключевые слова: судья, независимость, имидж судьи.

Polynovsky D.S.

PROBLEM OF OBSERVANCE OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF JUDGES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: Consideration of a problem of observance of the constitutional principle of independence of judges in the Russian Federation.

Methodology: The formal-legal method was used.

Results: In article the sales problem of the principle of independence of judges established in the Constitution of the Russian Federation is considered, the special attention is paid to the reasons of the developed problem and methods of its decision.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific and practical value as is modern attempt of consideration of an actual problem.

Keywords: judge, independence, image of the judge.

Один из основополагающих принципов судебной системы в России, безусловно, принцип независимости судей. Он является определяющим в деятельности судьи, так как только через его независимость может быть реализовано право на беспристрастное и справедливое правосудие. Статья 120 Конституции РФ прямо закрепляет, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Однако реализация принципа независимости судей вызывает множество вопросов на практике и потому является одной из основных и, пожалуй, самых актуальных для россиян проблем.

Как известно, большое значение при соблюдении принципа независимости имеют действия судей, их моральные и профессиональные качества.

Однако, к сожалению, народ оценивает деятельность наших судей, а, следовательно, и их независимость, не лучшим образом.

Считаем, что основная причина неодобрения судебной деятельности народом лежит в сложившемся имидже российских судей. К сожалению, этот имидж является скорее негативным, чем позитивным или нейтральным.

Таким образом, возникает резонный вопрос: а кто этот негативный имидж создает? Полагаем, что одним из источников, создающих негативный имидж судей среди граждан, являются средства массовой информации, которые часто рассказывают о резонансных судебных делах. Несмотря на то, что СМИ в принципе делают свою работу добросовестно и намеренно не выставляют наших судей в плохом свете, общество негодует по поводу решений, которые суд в итоге принимает.

Возьмем, к примеру, дело Васильевой. За мошенничество в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ – до 10 лет лишения свободы) по делу «Оборонсервиса» суд приговорил ее к пяти годам колонии общего режима. При этом 2,5 года из них она уже отсидела под домашним арестом в многокомнатной квартире. А после месяца колонии она официально освободилась по условно-досрочному освобождению.

Освобождение Васильевой, проведеншей в колонии всего 34 дня, вызвало волну критики общественности, правозащитных кругов и среди заключенных, отбывающих наказание в России и годами добивающихся УДО на общих основаниях. «Разделение следствия и судопроизводства

¹ Статья публикуется по результатам конкурса докладов, проведенного в рамках VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 31 мая 2016 г.).

на два уровня – «элитное» и «для всего остального народа» – бьёт по авторитету судебно-правоохранительной системы и подрывает у граждан страны веру в справедливость», – прокомментировала событие ныне бывший Уполномоченный по правам человека в России Элла Памфилова в специальном заявлении по поводу досрочного освобождения Васильевой [2].

Очень резко о независимости судей высказывается бывший судья Конституционного суда РФ, профессор, советник председателя Конституционного суда РФ Тамара Георгиевна Морщакова. Она полагает, что независимость судебной власти у нас не обеспечена, и главная причина этому – боязнь давления на суд со стороны власти [3].

К сожалению, ее мнение созвучно общественному. Так, по данным социологического опроса Фонда общественного мнения, отрицательные оценки работы судов в массовом сознании ощущимо преобладают, особенно среди тех, кто имел опыт судебных разбирательств. Около половины участников опроса считают, что при принятии решений суд их района реально руководствуется законом. Однако довольно многие усматривают постороннее влияние на правосудие [1].

Несмотря на это, в целом мы не считаем, что все суды и судьи являются зависимыми при вынесении решений. Во всяком случае, практика отмены приговоров и решений судов свидетельствует об ином. По нашему мнению, необходимо переломить сложившуюся тенденцию относительно имиджа российских судей в глазах наших граждан.

В связи с этим предлагаем два решения данной проблемы.

Внести изменения в ст. 6 Закона РФ «О статусе судей», согласно которым судьи районных судов и судов субъектов РФ должны назначаться законодательными органами власти субъектов РФ по представлению органов судейского сообще-

ства. При этом процедура рассмотрения должна быть гласной и открытой, в том числе с помощью трансляций в Интернете. Данный способ приблизит судей к населению, так как именно население избирает законодательный орган субъекта РФ на прямых выборах. Процедура назначения судьи станет быстрой, более эффективной в плане подбора и отклонения кандидатур и менее затратной.

Более открытое и подробное освещение положительного опыта деятельности судей в СМИ и Интернете. Такой метод, несомненно, поможет восстановить репутацию судебной системы и судей в глазах наших граждан.

Пристатейный библиографический список

1. О судах и судьях. Справедливы ли российские судьи, и чем они руководствуются в своей работе? // Фонд Общественного Мнения [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10551>.
2. Памфилова назвала решение об освобождении Васильевой шокирующим [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/08/25/pamfilova>.
3. Тамара Георгиевна Морщакова о судебной системе России (Голицыно, июль 2014 года) [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2014/8/25/tamara_georgievna_morshhakova_o_sudebnoj_sisteme_rossii_golicyno_iyul_2014_goda_tekst.

References (transliterated)

1. O sudah i sud'jah. Spravedlivy li rossijskie sud'i, i chem oni rukovodstvujutsja v svoej rabote? // Fond Obshhestvennogo Mnenija [Elektronnyj resurs]. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10551>.
2. Pamfilova nazvala reshenie ob osvobozhdenii Vasil'evoy shokirujushhim [Elektronnyj resurs]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/08/25/pamfilova>.
3. Tamara Georgievna Morshhakova o sudebnoj sisteme Rossii (Golicyno, ijul' 2014 goda) [Elektronnyj resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2014/8/25/tamara_georgievna_morshhakova_o_sudebnoj_sisteme_rossii_golicyno_iyul_2014_goda_tekst.

ЕВРАЗИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru

info@eurasniipp.ru

+7-917-40-61-340

Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ВНЕСЕНИЮ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЕДИНОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ВЫПЛАТЫ ДЛЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ СОТРУДНИКАМ ОВД РФ

Цель: Сформулировать научно-обоснованные предложения, направленные на совершенствование законодательства, регулирующего порядок и основания единовременных выплат для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам ОВД.

Методология: Использовались сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы.

Результаты: Выводы авторов и предложения по совершенствованию законодательства сформулированы в качестве предлагаемых редакций статей, которые могут быть внесены в Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам ОВД РФ, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 30.12.2011 № 1223.

Новизна/оригинальность/ценность: Сформулированные предложения могут быть положительно оценены в свете дальнейшего совершенствования механизма социальных выплат и унификации правового регулирования данной сферы отношений.

Ключевые слова: единовременная социальная выплата, улучшение жилищных условий, жилое помещение.

Arutyunyan M.S., Khismatullin O.Y.

SOME SUGGESTIONS FOR AMENDMENTS TO THE RULES OF PROVIDING SOCIAL SECURITY PAYMENTS TO THE PURCHASE OR CONSTRUCTION OF RESIDENTIAL PREMISES FOR THE ENFORCEMENT OFFICERS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: To formulate evidence-based proposals for improvement of legislation governing the procedure and grounds of lump sum payments for the purchase or construction of residential premises to the employees of ATS.

Methodology: Authors used comparative legal, formal legal and systemic-structural methods.

Results: The authors conclusions and suggestions on improvement of the legislation stated in the proposed revisions of articles that can be included in the Rules of providing social security payments to the purchase or construction of residential premises for the enforcement officers of the Russian Federation.

Novelty/originality/value: Suggestions can be appreciated in the light of further improvement of mechanism of social benefits and unification of legal regulation in this sphere of relations.

Keywords: One-time social payment, improvement of living conditions, living accommodation.

В данной работе предпринята попытка сформулировать предложения, направленные на совершенствование правового регулирования жилищного обеспечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в аспекте унификации законодательства, регулирующего механизм улучшения жилищных прав отдельных категорий граждан (государственные служащие, военнослужащие и сотрудники некоторых органов исполнительной власти). Полагаем, за исключением отдельных особенностей, обусловленных спецификой осуществления функций соответствующих органов, условия, порядок и механизм реализации права на жилище в отношении указанных лиц должны быть сходны. Несмотря на неоднократное принятие изменений в Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам ОВД РФ, утвержденные Постановлением Правительства РФ от

30.12.2011 № 1223 (далее – Правила), действующая их редакция сохраняет ряд недостаточно урегулированных положений.

Пункт 3 Правил устанавливает, что предоставление единовременной выплаты осуществляется в порядке и на условиях, которые установлены для сотрудников:

- гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию и принятым в период прохождения службы на учет в качестве имеющих право на получение единовременной выплаты;

- гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в органах внутренних дел и принятым до 1 марта 2005 г. на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях;

- членам семьи, а также родителям погибших (умерших) сотрудников.

Данным пунктом Правил установлены единые порядок и условия предоставления ЕСВ ука-

занным в нем категориям лиц. В соответствии с частью 1 статьи 4 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях» сотрудник, имеющий стаж службы в органах внутренних дел не менее 10 лет в календарном исчислении, имеет право на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения один раз за весь период службы в органах внутренних дел.

Право сотрудника органов внутренних дел на единовременную социальную выплату признается при установлении его нуждаемости в жилом помещении, которая определяется, исходя из оснований, перечисленных в части 2 статьи 4 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях».

Частью 7 статьи 4 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях» предусмотрено, что сотрудник, который с намерением приобретения права состоять на учете в качестве имеющего право на получение единовременной социальной выплаты совершил действия, повлекшие ухудшение жилищных условий, и (или) члены семьи которого с намерением приобретения права сотрудником состоять на учете в качестве имеющего право на получение единовременной социальной выплаты совершили действия, повлекшие ухудшение жилищных условий сотрудника, принимается на учет в качестве имеющего право на получение единовременной социальной выплаты не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных намеренных действий.

Таким образом, сотрудник имеет право на единовременную выплату при одновременном наличии совокупности условий, в числе которых: 1) стаж службы в органах внутренних дел не менее 10 лет в календарном исчислении; 2) установление нуждаемости в жилом помещении; 3) несовершение им и членами его семьи действий, повлекших ухудшение жилищных условий.

Часть 3 статьи 4 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях» предусматривает, что единовременная социальная выплата предоставляется не позднее одного года со дня гибели (смерти) сотрудника органов внутренних дел в равных частях членам семьи, а также родителям сотрудника, погибшего (умершего) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел, при наличии у погибшего (умершего) сотрудника условий, предусмотренных частью 2 статьи 4 данного закона. Необходимость установления обстоятельств, предусмотренных частями 1 и 7 статьи 4, для данной категории лиц не предусмотрена.

Часть 10 статьи 20 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях» предусматривает, что положения части 3 статьи 4 и статьи 5 настоящего Федерального закона распространяются на членов семьи сотрудников, погибших (умерших) в период с 1 марта 2005 года по 31 декабря 2011 года вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей.

Проведенный анализ правовых актов [1, 2] позволяет говорить о том, что для граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел и принятых до 1 марта 2005 г. на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, а также членов семей и родителей погибших (умерших) сотрудников установлены различные условия получения единовременной выплаты. В частности, для них не требуется наличия стажа службы в ОВД не менее 10 лет, а также не предусмотрены негативные последствия совершения действий, ухудшающих жилищные условия.

В связи с этим предлагаем пункт 3 Правил изложить в следующей редакции:

«3. Предоставление единовременной выплаты осуществляется в порядке и на условиях, которые установлены для сотрудников, гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию и принятым в период прохождения службы на учет в качестве имеющих право на получение единовременной выплаты».

В связи с тем, что члены семьи, а также родители сотрудника, погибшего (умершего) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел, а также члены семьи сотрудников, погибших (умерших) в период с 1 марта 2005 года по 31 декабря 2011 года вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, обладают правом на ЕСВ, предлагаем дополнить Правила следующими пунктами:

3(1). Предоставление единовременной выплаты членам семьи, а также родителям погибших (умерших) сотрудников осуществляется при наличии условий, предусмотренных частью 2 статьи 4 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях», а также несовершении погибшим (умершим) сотрудником и (или) членами его семьи действий, указанных в части 7 статьи 4 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях» в течение 5-ти лет на дату гибели (смерти) сотрудника.

3(2). Предоставление единовременной выплаты членам семьи сотрудников, погибших (умерших) в период с 1 марта 2005 года по 31 декабря 2011 года вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, осуществляется при наличии условий, предусмотренных частью 2 статьи 4 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях», на дату смерти (гибели) сотрудников, сохранении данных условий на момент подачи заявления о принятии на учет в порядке, установленном пунктом 2 настоящих Правил, а также несовершении ими действий, указанных в части 7 статьи 4 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях».

Далее, Правила содержат пункт 4(1), которым установлено, что в целях учета особенностей профессиональной и служебной деятельности сотрудников и повышения мотивации эффективного исполнения ими своих должностных обязанностей допускается по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, руководителя иного федерального органа исполнительной власти, в котором проходят службу сотрудники, предоставление единовременной выплаты без учета условий, указанных в частях 2 и 7 статьи 4 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», сотрудникам, замещающим в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти должности высшего начальствующего состава.

Предоставление единовременной выплаты таким сотрудникам осуществляется в соответствии с настоящими Правилами, за исключением пунктов 8 и 9, подпункта «б» пункта 19, пунктов 29 и 31.

Полагаем, что содержание пункта 4(1) не позволяет отнести выплату, предоставляемую со-

трудникам, замещающим в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти должности высшего начальствующего состава, к единовременной социальной выплате на приобретение или строительство жилого помещения ввиду нераспространения на указанных лиц установленного порядка и условий ее осуществления. Отметим, что статья 4 ФЗ № 247-ФЗ «О соц. гарантиях» не предусматривает выплаты указанным лицам. Обоснованность данного пункта оценивается неоднозначно. В этой связи считаем, что пункт 4(1) подлежит исключению из Правил.

В рамках данной работы нашли отражение лишь некоторые предложения, сформулированные авторами в целях совершенствования правового регулирования исследуемых отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Арутюнян М.С. Актуальные вопросы совершенствования законодательства в сфере реализации жилищных прав сотрудников полиции // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 150–154.
2. Хисматуллин О.Ю. К вопросу об унификации законодательства, регулирующего выплаты для приобретения или строительства жилого помещения отдельным категориям должностных лиц // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20). С. 104–106.

References (transliterated)

1. Arutjunjan M.S. Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v sfere realizacii zhilishhnyh prav sotrudnikov policii // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2015. № 6. S. 150–154.
2. Hismatullin O.Ju. K voprosu ob unifikacii zakonodatel'stva, regulirujushhego vyplaty dlja priobretenija ili stroitel'stva zhilogo pomeshhenija ot del'nym kategorijam dolzhnostnyh lic // Evrazijskaja advokatura. 2016. № 1 (20). S. 104–106.

ЕВРАЗИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru

info@eurasniipp.ru

+7-917-40-61-340

Чернышова Л.В.

ВОПРОСЫ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Цель: Статья направлена на рассмотрение проблем жилищного обеспечения сотрудников органов внутренних дел.

Методология: Автором применялся формально-юридический метод.

Результаты: В статье формулируются авторские предложения по совершенствованию системы обеспечения жильем сотрудников органов внутренних дел.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку содержит ценные для науки и практики выводы и предложения.

Ключевые слова: органы внутренних дел, жилищное обеспечение, социальные гарантии, накопительно-ипотечная система, единовременная социальная выплата.

Chernyshova L.V.

QUESTIONS OF HOUSING PROVIDING STAFF OF LAW-ENFORCEMENT BODIES

Purpose: Article is sent for consideration of problems of housing providing staff of law-enforcement bodies.

Methodology: Were applied by the author a legalistic method.

Results: In article author's suggestions for improvement of system of provision of housing for staff of law-enforcement bodies are formulated.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific value as contains conclusions and offers, valuable to science and practice.

Keywords: law-enforcement bodies, housing providing, social guarantees, nakopitelno-mortgage system, lump social sum.

Эффективность правоохранительной деятельности органов внутренних дел (ОВД) по основным оперативно-служебным направлениям, обозначенным ФЗ РФ «О полиции», во многом определяется уровнем профессиональной компетенции сотрудников полиции, их личностными качествами.

В условиях рыночных отношений и значительного демографического спада трудоспособной части населения в организации деятельности ОВД все рельефнее ощущается проблема качественного дефицита молодых кадров, способных на высоком профессиональном уровне в современных непростых условиях реализовать правоохранительные задачи. Необходимость качественного обеспечения правоохранительной функции государства требует коренного переосмысления роли и значения института мотивации сотрудника полиции, создания таких условий, при которых сотрудники ориентировались бы на длительную, инициативную и активную работу в ОВД.

В 2011 году был сформирован пакет нормативных правовых документов для обновления системы МВД России: приняты федеральные законы «О полиции», «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», содержащие прин-

ципально другую схему решения жилищной проблемы.

Существующий правовой механизм социальной защиты сотрудников полиции и членов их семьи, закрепленный в базовых законах, создает определенные правовые предпосылки для решения жилищной проблемы всех категорий сотрудников ОВД и членов их семьи, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Однако ряд положений указанного законодательного акта не в полной мере учитывает реалии сегодняшней практики деятельности ОВД и не способствует повышению позитивной мотивации сотрудника.

В настоящее время законодательством о социальных гарантиях в органах внутренних дел предусмотрены три варианта обеспечения сотрудника полиции жильем: путем предоставления ему служебного жилого помещения; путем предоставления жилого помещения в собственность; посредством единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилья.

Предоставление единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилья явилось нововведением нормативно правовой базы о социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел и отчасти способствовало решению жилищных вопросов ряда сотрудников.

За период действия нового законодательства о социальных гарантиях количество сотрудников, вставших в очередь на предоставление еди-

новременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилья, уже во много раз превысило возможности государства по обеспечению их этой социальной гарантией. В этой связи важными становятся вопросы контроля за использованием бюджетных средств, направляемых государством на эти нужды. При этом особое значение приобретает финансовый контроль при решении вопросов о недопущении противоправных и коррупционных проявлений при выделении сотрудникам ОВД единовременной социальной выплаты [1].

Необходимо отметить, что отдельные положения нового законодательства, регламентирующие вопросы обеспечения жильем сотрудников органов внутренних дел, практически аналогичны ст. 30 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции».

Также некоторые положения в ряде случаев ухудшили существовавшую ранее ситуацию. Так, в соответствии со ст. 30 Закона «О милиции» сотрудникам милиции предоставлялась жилая площадь в виде отдельной квартиры или дома. Статья 44 Федерального закона «О полиции» предусматривает обеспечение сотрудника полиции жилым помещением. Согласно ч. 2 ст. 12 Жилищного кодекса РФ в качестве жилого помещения сотруднику полиции может быть предоставлена как отдельная квартира, дом, так и комната. Также не включены в ст. 44 Федерального закона «О полиции» положения ч. 4 и 5 ст. 30 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (в ред. Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ), которые предусматривали следующее:

- сотрудники милиции на железнодорожном и воздушном транспорте в первоочередном порядке обеспечиваются жилой площадью соответствующими транспортными организациями;

- сотрудники милиции имеют право на получение беспроцентных ссуд на индивидуальное и кооперативное строительство с рассрочкой на 20 лет и погашением 50 % предоставленной ссуды за счет средств соответствующих бюджетов [1].

Анализ действующей нормативной базы, регулирующей вопросы жилищных прав сотрудников полиции, показывает, что ряд нормативно-правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации действуют на протяжении последних 15 лет.

Так, в настоящее время продолжает действовать Указ Президента РФ от 21 июля 1992 г. № 796 «О дополнительных мерах по финансированию строительства и приобретения жилья для воен-

нослужащих» и Указ Президента РФ от 2 октября 1992 года № 1153 «О мерах по усилению социальной защиты военнослужащих внутренних войск, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и членов их семей». Исходя из этих документов, следует, что МВД России оказывает безвозмездную финансовую помощь по месту службы в размере 75 % стоимости кооперативного жилья или кредита банка, полученного на строительство индивидуального жилищного дома, с процентами за пользование кредитом сотрудникам, имеющим выслугу безупречной и непрерывной службы десять и более лет в календарном исчислении, вступившим в жилищно-строительные (жилищные) кооперативы или осуществляющим строительство индивидуальных жилых домов.

Также проблемой при обеспечении сотрудников органов внутренних дел социальной выплатой можно считать то, что данная норма предоставляется в порядке очередности принятия на учет (согласно положениями Постановления Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1223). Исходя из этого, право на получение единовременной социальной выплаты в порядке общей очереди имеют как сотрудники, прослужившие в органах внутренних дел двадцать лет и более, имеющие почетные звания и награды, так и сотрудники, общий стаж службы которых десять лет, из которых пять – обучение в ведомственных образовательных учреждениях МВД России.

Наряду со сказанным, в целях совершенствования механизма реализации данной гарантии обоснованным является внесение изменений в действующее законодательство о предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в части введения дифференцированного подхода при формировании очереди на предоставление данной выплаты.

В основу данного подхода может быть включено следующее:

- выслуга лет (не менее 15 лет в календарном исчислении с учетом отношения к службе, наличия наград);

- наличие почетных званий СССР, почетных званий Российской Федерации, орденов, медалей, нагрудных знаков МВД России, таких как «Почетный сотрудник»;

- наличие трех и более несовершеннолетних детей, а также детей-инвалидов;

- участие в боевых действиях (при наличии ранения);

– период времени, при котором условия проживания, соответствующие требованиям предоставления данной выплаты, не изменялись.

Также заслуживает внимания еще одна проблема обеспечения сотрудников полиции жильем. Пытаясь самостоятельно решать жилищные вопросы, многие сотрудники приобрели жилье на условиях ипотечного кредитования. Однако принимая во внимание сложившиеся социально-экономические условия в стране, многие сотрудники полиции оказываются в ограниченном финансовом положении, уровень их доходов не соответствует реалиям нынешнего дня. Поэтому было бы целесообразно и обоснованно оказать помощь со стороны государства тем сотрудникам, которые смогли реализовать свое право на жилье путем системы ипотечного кредитования.

Наиболее рациональным способом решения жилищных проблем сотрудников органов внутренних дел на современном этапе может стать использование в системе МВД России механизма ипотечного кредитования по аналогии с ипотечным кредитованием, разработанным для военнослужащих.

В отдельных случаях представляется полезным учет положительного решения данного вопроса в МО РФ. На сегодняшний день в отношении военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации реализуется механизм накопительной ипотечной системы жилищного обеспечения. Накопительная ипотечная система, или так называемая «военная ипотека», – это совокупность правовых, экономических и организационных отношений, направленных на реализацию прав военнослужащих на жилищное обеспечение. Она предоставляет военнослужащим возможность приобретения жилья в собственность с использованием инструментов ипотечного кредитования в любое время по истечении трех лет участия в накопительной ипотечной системе (НИС), не дожидаясь окончания срока службы. На именном накопительном счете, открытом участником накопительной ипотечной системы кредитования, происходит накопление денежных средств за счет ежемесячных взносов государства из средств федерального бюджета. Такие поступления осуществляются регулярно, до тех пор, пока участник программы не уволен со службы. Но законом ограничивается максимальный срок взносов, который не может превышать 20 лет. Через три года участия в программе военной ипотеки участник программы может получить документ, определяемый в законодательстве как сертификат, на сумму, равную накоплениям, созданным за все время

действия договора участия в НИС, который может использовать при заключении договора об ипотеке при приобретении жилья. При этом возвращать указанные средства не нужно. Государство предоставляет безвозмездные субсидии, которые лишь увеличиваются в зависимости от срока службы военнослужащего. Однако в случае досрочного увольнения военнослужащего – участника НИС с военной службы по целевому жилищному займу, который равен общей сумме накоплений на именном накопительном счете, начисляются проценты по ставке, установленной договором о предоставлении целевого жилищного займа. Уволившийся обязан возратить выплаченные уполномоченным федеральным органом суммы в погашение целевого жилищного займа, а также уплатить проценты по этому займу ежемесячными платежами в срок, не превышающий десяти лет [2].

Учитывая вышеизложенное, нужно отметить, что обеспечение сотрудников ОВД доступным и комфортным жильем может в полной мере способствовать привлечению в ряды органов внутренних дел молодых специалистов, а также сохранению в рядах МВД России профессионального ядра.

Реформирование системы социальных гарантий не должно ограничиваться только преобразованиями и изменениями, вносимыми в нормативную базу с целью повышения уровня и качества жизни сотрудников. Важными являются методы и механизмы управления ходом реформы, эффективность ее дальнейшей практической реализации.

Пристатейный библиографический список

1. Барсуков С.И., Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О Полиции» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы СПС «Гарант».
2. Быковская Ю.В. Жилищное обеспечение сотрудников органов внутренних дел и членов их семей: современное состояние и направления развития // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 204.

References (transliterated)

1. Barsukov S.I., Borisov A.N. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 7 fevralja 2011 g. № 3-FZ «O Policii» [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy SPS «Garant».
2. Bykovskaja Ju.V. Zhilishhnoe obespechenie sotrudnikov organov vnutrennih del i chlenov ih semej: sovremennoe sostojanie i napravlenija razvitija // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 2. S. 204.

Рахимов Э.Х.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ДОГОВОРНЫХ СВЯЗЕЙ В СИСТЕМЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МВД РОССИИ

Цель: Построение правовой модели структуры договорных связей между контрагентами при реализации механизма материально-технического обеспечения в МВД России.

Методология: Использовались формально-юридический и сравнительный методы, анализ, синтез.

Результаты: Построена правовая модель структуры договорных связей в системе материально-технического снабжения МВД России. Выделены «простая» и «сложная» структура договорных связей, находящаяся в зависимости от видов заключаемых договоров.

Новизна/оригинальность/ценность: Структура договорных связей оказывает существенное организационное влияние на макроэкономическую ситуацию в стране, что подчеркивает значимость структуры этих отношений и опосредующих ее юридических форм. Построение правовой модели облегчает изучение и дальнейший анализ этого феномена.

Ключевые слова: договорные связи, контрактная система, материально-техническое обеспечение, государственный заказ.

Rakhimov E.Kh.

ON THE STRUCTURE OF CONTRACTUAL RELATION IN THE SYSTEM OF LOGISTICS OF RUSSIA MIA

Purpose: To build a model legal framework of contractual relations between the parties in the implementation of the mechanism of logistics in the Russian Interior Ministry.

Methodology: We used the formal legal and comparative methods, analysis, synthesis.

Results: built structure of legal model of contractual relations in the system of logistics Ministry of Interior Affairs of Russia. Obtained «simple» and «complex» structure of the contractual relationships that are dependent on the types of contracts concluded.

Novelty/Originality/Value: The structure of contractual relations has a significant organizational impact on the macroeconomic situation in the country, underscoring the significance of the structure of these relations and mediating its legal form. Building a legal model facilitates the study and further analysis of this phenomenon.

Keywords: contractual arrangements, contract system, logistics, public order.

Вопрос о структуре договорных связей в различных отраслях экономики всегда находился под пристальным вниманием ученых и практиков. Несмотря на это, в настоящее время единые общетеоретические подходы к понятию структуры договорных связей остаются в полной мере не выработанными.

В юридической литературе наиболее распространенным является деление структуры договорных связей на простую и сложную. Простая структура договорных связей опосредует прямые связи между производителями и потребителями. При сложной структуре договорных связей процесс движения товаров (работ, услуг) опосредуется цепочкой договоров [1].

Также понятие «структура договорных связей» может пониматься в узком и широком смысле. В первом случае имеется в виду характеристика субъектов таких связей вкупе с опосредующей их юридической формой (договором). Во втором случае принимается во внимание также организационный аспект, заключающийся в особенностях построения данных связей и влиянии их параметров на регулируемые отношения [4].

Представляется, что использование понятия структуры договорных связей в широком смысле целесообразно в первую очередь для коммерческих (промышленных и торговых) организаций, где от грамотно выверенной организационной составляющей структуры зависит стабильность производственного или торгового процесса. Однако оно применимо и в нашем случае при рассмотрении структуры договорных связей в системе органов внутренних дел, так как нельзя не отметить, что, несмотря на некоммерческий и непроизводственный характер деятельности органов внутренних дел, их договорные связи оказывают существенное организационное влияние на макроэкономическую ситуацию в стране, что подчеркивает значимость структуры этих отношений и опосредующих ее юридических форм.

Вопросы определения структуры договорных связей в узком смысле в отношениях по государственному заказу с участием органов внутренних дел характеризуются некоторыми особенностями, связанными с действующей в органах внутренних дел системой материально-технического обеспечения [5].

Говоря об участии органов внутренних дел в отношениях по государственному заказу, необходимо заметить, что структура договорных связей строится с учетом упомянутой системы материально-технического обеспечения в МВД России, так как последняя во многих аспектах корреспондирует с государственным заказом.

Необходимый уровень материально-технического обеспечения органов внутренних дел боевым оружием, боеприпасами, отдельными видами техники, комплектующими изделиями и материалами, а также импортными поставками соответствующих видов техники поддерживается за счет государственного оборонного заказа. В качестве государственного заказчика здесь выступает Министерство внутренних дел Российской Федерации. Порядок формирования, финансирования и исполнения государственного оборонного заказа регламентируется Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2013 г. № 1255 «О правилах разработки государственного оборонного заказа и его основных показателей».

Определенная часть необходимых органам внутренних дел материальных средств производится на предприятиях системы МВД России по внутриведомственному заказу. Это отдельные виды оперативной и специальной техники, комплектов оперативной связи, устройств защиты каналов связи и другая специфическая продукция.

Потребности органов внутренних дел в материальных ресурсах, которые не входят в номенклатуру государственного оборонного заказа или внутриведомственного заказа, удовлетворяются по прямым хозяйственным связям, в том числе за счет квот, устанавливаемых Правительством Российской Федерации для федеральных государственных нужд в соответствии с Федеральным законом от 13 декабря 1994 г. «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» [2].

5 марта 2014 года издан Приказ МВД России № 135 «Об организации материально-технического обеспечения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее – Приказ № 135), отменяющий действующий более десяти лет приказ № 720, целью которого является совершенствование и реализация единой политики материально-технического обеспечения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Этим же Приказом утверждена Инструкция по организации снабжения материальными средствами в системе МВД России (далее – Инструкция).

Учитывая вышеуказанные изменения, необходимо провести анализ построения и функционирования договорных связей в системе материально-технического обеспечения органов внутренних дел, учитывая нормы вступившего в силу с 1 января 2014 года Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере поставок товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд».

В соответствии с Приказом № 135 материально-техническое обеспечение (МТО) органов внутренних дел Российской Федерации, внутренних войск МВД России, организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России, производится в соответствии с Единым планом снабжения подразделений МВД России, штатными расписаниями (штатами), табелями и нормами довольствия (положенности) и Инструкцией, а при решении внезапно возникающих задач или резких осложнениях оперативной обстановки – на основании заявок подразделений МВД России. МТО осуществляется в целях всестороннего обеспечения оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности подразделений МВД России, а также обеспечения их боевой и мобилизационной готовности.

В единую систему органов и организаций, ответственных за централизованное обеспечение материально-техническими средствами подразделений МВД России, входят: Департамент по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства внутренних дел Российской Федерации (ДТ МВД России), окружные управления материально-технического снабжения системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (ОУМТС МВД России) и федеральное казенное учреждение «Центральная объединенная база хранения ресурсов Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ФКУ «ЦОБХР МВД России»).

Обеспечение подразделений МВД России материально-техническими средствами (МТС) по согласованной номенклатуре в пределах выделенных бюджетных ассигнований производится на основе Единого плана снабжения в соответствии с действующими штатными расписаниями (штатами), табелями и нормами довольствия (положенности) [3].

В соответствии с Инструкцией предусмотрена следующая основная схема обеспечения МВД России материальными средствами (рис. 1).

Рис 1. Основная схема обеспечения МВД России материальными средствами

В то же время п. 17 Инструкции устанавливает, что МТС, не поставляемые централизованно, закупаются подразделениями МВД России в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также нормативных правовых актов МВД России в пределах доведенных лимитов бюджетных обязательств, т. е. самостоятельно.

Следует отметить, что схема обеспечения МВД России материальными средствами не тождественна структуре договорных связей. Наглядно это различие представлено на рис. 2.

Рис 2. Альтернативная схема обеспечения МВД России материальными средствами

Таким образом, мы видим, что в соответствии с Инструкцией выстроена иерархия снабженческого механизма, по которому ряд подразделений снабжается материальными средствами непосредственно из ДТ МВД России, основное количество – посредством ОУМТС МВД России.

Из этого следует, что структуру договорных связей в системе материально-технического обеспечения МВД России следует дифференцировать применительно к видам заключаемых договоров. Если речь идет о поставке материальных ценностей, структура договорных связей сложная: поставки через ДТ МВД России и ОУМТС МВД России. Что касается удовлетворения потребностей органов внутренних дел в работах и услугах, ситуация другая: органами внутренних дел заключаются прямые договоры с соответству-

ющими контрагентами, однако в обоих случаях применяются законодательство о контрактной системе и особые условия, предшествующие заключению государственных контрактов [6].

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Л.В. Коммерческое (торговое) право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2012. С. 88.
2. Арутюнян М.С., Улимаев Р.Ю. Совершенствование процедуры размещения заказов на поставку товаров, работ и услуг для нужд органов внутренних дел // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 11.
3. Ишмеева А.С. Федеральная контрактная система как элемент экономической безопасности сферы государственных закупок // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 27. С. 75–77.
4. Овчинников Н.И. Структура договорных отношений между социалистическими организациями. М.: Юрид. лит., 1964. С. 35.
5. Рахимов Э.Х. Гражданско-правовое регулирование государственного заказа в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 67.
6. Рахимов Э.Х. Краткий анализ нормативно-определенных условий контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд // Евразийская адвокатура. 2015. № 6 (19). С. 62–64.

Пристатейный библиографический список

1. Andreeva L.V. Kommercheskoe (torgovoe) pravo: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M.: KNORUS, 2012. S. 88.
2. Arutjunjan M.S., Ulimaev R.Ju. Sovershenstvovanie procedury razmeshhenija zakazov na postavku tovarov, rabot i uslug dlja nuzhd organov vnutrennih del // Vestnik Akademii jekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2009. № 11.
3. Ishmееva A.S. Federal'naja kontraktная sistema kak jelement jekonomicheskoy bezopasnosti sfery gosudarstvennyh zakupok // Sborniki konferencij NIC Sociosfera. 2015. № 27. S. 75–77.
4. Ovchinnikov N.I. Struktura dogovornyh otnoshenij mezhdru socialisticheskimi organizacijami. M.: Jurid. lit., 1964. C. 35.
5. Rahimov Je.H. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo zakaza v dejatel'nosti organov vnutrennih del: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2010. S. 67.
6. Rahimov Je.H. Kratkij analiz normativno-opredelennyh uslovij kontraktnoj sistemy v sfere zakupok tovarov, rabot i uslug dlja gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 6 (19). S. 62–64.

Бакытова М.Е.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Цель: Исследование некоторых аспектов существующего в Кыргызской Республике порядка рассмотрения дел о приобретательной давности с целью формулирования предложений по его изменению и улучшению.

Методология: Использовались метод анализа и формально-юридический метод.

Результаты: В статье предложен стоимостный критерий, в соответствии с которым судебный порядок рассмотрения дел о приобретательной давности необходим, если стоимость движимой вещи превышает порог, выраженный в расчетных показателях.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку в работе впервые предлагается изменение процессуального порядка рассмотрения дел о приобретательной давности для таких объектов, как бесхозные вещи.

Ключевые слова: приобретательная давность, движимые вещи, бесхозные вещи, особое производство.

Bakytova M.E.

ON THE ISSUE OF THE PROCEDURAL ORDER OF CONSIDERATION OF CASES OF ACQUISITIVE PRESCRIPTION IN KYRGYZ REPUBLIC

Purpose: To study some aspects of existing in the Kyrgyz Republic procedural rules for considering cases of acquisitive prescription to formulate suggestions for change and improvement.

Methodology: Author used a method of analysis and formal legal method.

Results: Defining the judicial act on the case of acquisitive prescription as a necessary legal fact for the acquisition of ownership of an immovable, the article points to the need to introduce also a judicial order of consideration of cases of acquisition of ownership of a movable thing in certain cases.

Novelty/originality/value: The article has a high scientific value, as in the first proposed change in the procedural order of consideration of cases of acquisitive prescription for such objects as ownerless things.

Keywords: acquisitive prescription, movable property, ownerless things, special proceedings.

В настоящее время в соответствии со ст. 265 Гражданского кодекса Кыргызской Республики от 8 мая 1996 г. (далее – ГК КР) давностный владелец может получить правовой титул и стать собственником вещи.

Судебный акт, которым признается право собственности давностного владельца или устанавливается факт владения для давности, является необходимым юридическим фактом в юридическом составе приобретения права собственности в силу приобретательной давности в отношении недвижимых вещей. В данном контексте правовая природа судебного акта, по мнению автора, однозначна, и последний должен относиться к категории юридических фактов. Такое же мнение высказывает и С.Н. Хорунжий, разделяя точку зрения М.А. Рожковой о том, что включение судебного решения в перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей закрыло дискуссию о том, может ли судебное решение рассматриваться как юридический факт [4]. Судебный же порядок для приобретения права собственности давностным владельцем на движимые вещи не предусмотрен в действующем

законодательстве. Формулировка п. 1 ст. 265 ГК КР указывает на то, что для приобретения права собственности в силу приобретательной давности достаточно осуществления владения, подчиненного всем перечисленным законом условиям. Таким образом, можно сделать вывод, что право собственности на движимое имущество возникает при соблюдении всех перечисленных в ст. 265 ГК КР условий давностного владения сразу по истечении предусмотренного ГК КР срока, с учетом положения п. 4 ст. 265 ГК КР. В то же время следует понимать, что движимая вещь может обладать значительной стоимостью и выраженной ценностью для гражданского оборота, а потому автор предлагает ввести в законодательство положение о необходимости судебного рассмотрения дел о приобретательной давности в отношении движимых вещей. Критерием, по которому следует определять необходимость судебного порядка для приобретения права собственности на движимую вещь, могла бы служить рыночная стоимость, которая для этого должна превысить определенный порог (например, 1000 расчетных показателей).

В соответствии с п. 141 Правил государственной регистрации прав и обременений (ограничений) прав на недвижимое имущество и сделок с ним от 15 февраля 2011 г. № 49 для того, чтобы зарегистрировать право собственности за давностным (фактическим) владельцем, необходимо предоставить «решение суда о признании за фактическим владельцем права собственности». Действительно, в случае наличия спора о праве или в том случае, если вещь нельзя отнести к категории бесхозяйных, следует применять уже известный и используемый в настоящее время исковой порядок разрешения дел о приобретении права собственности в силу приобретательной давности. Но кроме того, приобретение права собственности в силу приобретательной давности возможно путем установления факта, попадающего в группу «других имеющих юридическое значение фактов» (ст. 272 Гражданского Процессуального кодекса Кыргызской Республики от 29 декабря 1999 г. № 146 (ГПК КР)), подлежащих установлению в порядке особого производства. Для такой цели порядок установления судом факта «владения, пользования и распоряжения недвижимым имуществом на праве собственности» не может быть использован давностным владельцем в силу беститульности последнего, на что указывает Постановление Пленума Верховного Суда Кыргызской Республики «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» от 29 января 2010 года № 1.

Как указывается в литературных источниках, «суды при рассмотрении... заявлений в порядке установления фактов, имеющих юридическое значение, не привлекают в процесс заинтересованных лиц, что выгодно заявителю» [1]. По нашему мнению, отсутствие на судебном заседании заинтересованного лица – государственного органа может отрицательно сказаться на объективности и справедливости вынесенного решения даже при осведомленности заинтересованного лица о сути требований давностного владельца. Например, в тексте Решения Первомайского районного суда г. Бишкек от 30 сентября 2005 года (дело № ГД-1282/05 БЗ) указывается, что при рассмотрении гражданского дела по заявлению Центрального Совета Союза водителей транспортных средств Кыргызской Республики о признании права собственности по приобретательной давности представитель заинтересованного лица – мэрии города Бишкек Н. Орозбеков в суд не явился, просил рассмотреть дело без его участия. Для того чтобы исключить подобную ситуацию из числа возможных, автор предлагает ввести в ГПК КР норму,

обязывающую заинтересованное лицо – государственный орган или орган МСУ – присутствовать на судебном заседании по делам, касающимся приобретательной давности.

В отношении российского законодательства отметим, что при достаточно ясной и однозначной определенности правового механизма и процессуального порядка приобретения права собственности в силу приобретательной давности в правовой доктрине неоднократно высказывались мнения о необходимости их изменения. Так, до революции был предложен новый порядок признания права собственности за давностным владельцем [3], а в советское время – «специальный вид особого производства» [2].

Отвечая на вопрос о наиболее подходящем для правоприменительной практики КР процессуальном порядке рассмотрения дел о приобретении права собственности в силу приобретательной давности, заметим, что если вещь в соответствии со ст. 257 ГК КР является бесхозяйной, то очевидно, что ввиду отсутствия спора о праве возможно рассмотрение дела в рамках особого производства. Только следует, по мнению автора, воспользоваться не применяемым в данное время процессуальным порядком рассмотрения дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, а разработать иной процессуальный порядок. Этот порядок должен быть применен для разрешения вопроса о приобретении права собственности на бесхозяйные вещи как на основании ст. 257 ГК КР, так и на основании ст. 265 ГК КР, посвященной приобретению права собственности в силу приобретательной давности.

В настоящее время п. 5 ст. 270 ГПК КР уже предусматривает рассмотрение дел о признании движимой вещи бесхозяйной и признании права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь в рамках особого производства. Глава 34 ГПК КР содержит процессуальные нормы, которые призваны регламентировать порядок рассмотрения данной категории дел, материально-правовой основой которых являются ст. 257 и 258 ГК КР, причем п. 2 и абз. 3 п. 3 ст. 257 ГК КР, в свою очередь, предоставляют возможность приобретения права собственности на бесхозяйные вещи (как движимые, так и недвижимые) на основании ст. 265 (приобретательная давность). По мнению автора, ситуация, когда на бесхозяйное недвижимое имущество претендует и давностный владелец, и орган МСУ, не имеет однозначной регламентации действующим законодательством: с одной стороны, п. 3. ст. 265 ГК КР предоставляет возможность давностному вла-

дельцу воспользоваться защитой своего владения, а с другой – именно орган МСУ в соответствии со ст. 257 ГК КР должен стать собственником бесхозяйной недвижимости. Автор для решения описанной проблемы предлагает следующие меры: во-первых, следует в ГПК КР указать основания, по которым суд может отказать в признании вещи поступившей в государственную или муниципальную собственность. В качестве одного из таких оснований автор предлагает указать факт осуществления давностного владения каким-либо лицом, причем оно должно осуществляться с соблюдением условий добросовестности и открытости более трех лет; во-вторых, ст. 265 ГК КР в таком случае следует дополнить указанием о том, что давностный владелец в отношении бесхозяйной вещи может воспользоваться правом на защиту своего владения против органов МСУ по истечении трех лет с момента начала течения срока давностного владения.

С точки зрения автора, будет вполне логично, если процессуальные нормы гл. 34 ГПК КР будут также регламентировать и приобретение права собственности на бесхозяйную вещь давностным владельцем. Для этого следует внести ряд систематизированных, связанных между собой изменений.

Так, по мнению автора, в главе 34 ГПК КР необходимо появление (по аналогии с уже имеющимися в указанной главе положениями) следующих статей: 1) статьи, содержащей норму, регулиющую подачу заявления о признании права собственности в силу приобретательной давности. В этой статье должно быть указано, что заявителем может быть давностный владелец или лицо, указанное в п. 3 ст. 265 ГК КР. Заявление о признании права собственности в силу приобретательной давности подается по месту нахождения вещи; 2) статьи, регулирующей содержание заявления. В данной статье необходимо указать, что в заявлении должны содержаться сведения о том, в отношении какой вещи заявитель требует признания права собственности, описаны ее основные отличительные признаки (в случае с движимой вещью), приведены доказательства, свидетельствующие о соответствии вещи объекту приобретательной давности и ее бесхозяйности, а также доказательства, свидетельствующие о вступлении заявителя в давностное владение вещью, соответствующее критериям, приведенным в законе; 3) статьи, регулирующей отказ в принятии заявления. В данной статье необходимо указать,

что суд отказывает в принятии заявления лицу и прекращает производство по делу в случае предъявления заявления о признании права собственности на бесхозяйную вещь в силу приобретательной давности до истечения необходимого срока для давностного владения, определяемого законодательством; 4) статьи, регулирующей рассмотрение заявления. Заявление о признании права собственности на бесхозяйную недвижимость в силу приобретательной давности рассматривается судом с обязательным участием всех заинтересованных по делу лиц.

По аналогии со ст. 296 ГПК КР следует указать, что суд, признав, что вещь является бесхозяйной, а давностный владелец соблюдал все критерии при осуществлении давностного владения, выносит решение о приобретении права собственности в силу приобретательной давности лицом, вступившим во владение ею.

Такие нововведения, по мнению автора, позволят создать единый механизм, с помощью которого орган МСУ или давностный владелец сможет стать титульным владельцем, собственником бесхозяйной вещи. Процессуальные нормы, регулирующие порядок приобретения бесхозяйных вещей, будут объединены в одну главу, что позволит логически упорядочить законодательство, касающееся приобретения права собственности на бесхозяйные вещи в рамках особого производства.

Пристатейный библиографический список

1. Аргунов В.В. Вызывное производство в гражданском процессе. М.: Городец, 2006.
2. Вильнянский С.И. Нужна ли нам приобретательная давность? // Правоведение. 1960. № 3.
3. Исаченко В.Л. Давность владения по решениям Сената // Юридический вестник. 1888. Год двадцатый (второго десятилетия). Т. XXVII. Книга первая. № 1.
4. Хорунжий С.Н. Преобразовательные иски и конститутивные решения суда // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5.

References (transliterated)

1. Argunov V.V. Vyzyvnoe proizvodstvo v grazhdanskom processe. M.: Gorodec, 2006.
2. Vil'njanskij S.I. Nuzhna li nam priobretatel'naja davnost'? // Pravovedenie. 1960. № 3.
3. Isachenko V.L. Davnost' vladenija po reshenijam Senata // Juridicheskij vestnik. 1888. God dvadcatyj (vtorogo desjatiletija). T. XXVII. Kniga pervaja. № 1.
4. Horunzhij S.N. Preobrazovatel'nye iski i konstitutivnye reshenija suda // Rossijskij ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo processa. 2006. № 5.

Юсупов Т.Р.

ФОРМЫ НЕЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ДОБРОВОЛЬНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Цель: Определить основные формы незаконной деятельности в сфере добровольного и обязательного страхования транспортных средств.

Методология: Использовались частно-научные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, системного анализа и другие.

Результаты: Определены наиболее распространенные формы незаконной деятельности в сфере добровольного и обязательного страхования транспортных средств.

Новизна/оригинальность/ценность: В статье анализируются возможные причины незаконной деятельности в сфере добровольного и обязательного страхования транспортных средств, определяются необходимые меры по ее предотвращению.

Ключевые слова: страховое мошенничество, добровольное страхование, обязательное страхование.

Yusupov T.R.

THE FORMS OF ILLEGAL ACTIVITIES IN THE FIELD OF VOLUNTARY AND OBLIGATORY VEHICLES INSURANCE

Purpose: To identify the main types of illegal activities in the field of voluntary and obligatory insurance of vehicles.

Methodology: Use of private-scientific methods of science: formal-legal, comparative legal, system analysis and others.

Results: The most common forms of illegal activity in voluntary and obligatory insurance of vehicles have been determined.

Novelty/originality/value: In article there are analyzed the possible causes of these actions are determined by the necessary measures to prevent them.

Keywords: insurance fraud, voluntary insurance, obligatory insurance.

Зарождение и развитие в российской экономике страховых отношений как сферы коммерческой деятельности послужило импульсом к появлению новой формы незаконной деятельности – преступности в сфере страхования. Противоправные уловки в сфере страхования затрудняют формирование полноценного целевого страхового фонда, предназначенного для возмещения возможного ущерба, вызванного крупными страховыми случаями. В результате становятся малоэффективными такие важные функции страхования, как повышение стабильности, ограничение экономических рисков, стимулирование предпринимательской инициативы, повышение кредитоспособности. По статистике за 2016 год, которая была оценена совместными усилиями страховых компаний, примерно 15–20 % выплат по страховкам КАСКО или ОСАГО идут в карманы мошенников [1].

Ущерб от мошенничества в страховой отрасли несут не только страховые компании, но также их клиенты (потребители), на которых ложится бремя повышения тарифов, более пристального и длительного рассмотрения страховыми компаниями страховых случаев и т. д.

В 2014 году пресечено около 200 попыток незаконного получения компенсационных выплат на

сумму более 15 млн рублей. Продолжалось взаимодействие Российского союза автостраховщиков с правоохранительными органами в целях предотвращения правонарушений на рынке ОСАГО, в том числе: направлено 15 заявлений в правоохранительные органы по фактам покушения на незаконное завладение либо завладение денежными средствами РСА мошенническим путем на общую сумму 15,4 млн рублей. В Москве, Воронеже, Краснодаре, Казани, других городах Российской Федерации возбуждено 55 уголовных дел, из которых: по 16-ти вынесены обвинительные приговоры; 34 находятся на рассмотрении в судах; 5 – на стадии предварительного расследования.

Проблема страхового мошенничества является не только российской. Понятие «страховое мошенничество» заимствовано из других правовых систем. По данным Федерального объединения немецких страховых компаний, только на так называемые «автомобильные подставы» приходится до 10 % всех платежей. Аналогичный уровень в США, во Франции, в Нидерландах – около 5 %.

Страховое мошенничество может совершаться со стороны как страховщика, так и экспертных организаций, представителей исполнительной власти, а также частных лиц и организаций (потребителей страховых услуг).

Согласно ФЗ «Об ОСАГО» размер ущерба должен определяться по «Единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства», утвержденной Положением Центрального Банка Российской Федерации от 19 сентября 2014 года № 43.

В частности, п. 3.5 указанной Единой методики устанавливает следующее: «Расхождение в результатах расчетов размера расходов на восстановительный ремонт, выполненных различными специалистами, следует признавать находящимся в пределах статистической достоверности за счет использования различных технологических решений и погрешностей расчета, если оно не превышает 10 процентов. Указанный предел погрешности не может применяться в случае проведения расчета размера расходов с использованием замены деталей на бывшие в употреблении».

Руководствуясь данной нормой в случаях, когда разница между оценкой страховика и независимой экспертизой потерпевшего не превышает 10 %, потерпевший лишается возможности взыскать разницу в судебном порядке, а суд обязан отказать в таком иске. Все это привело к тому, что страховщики получили законный способ не платить. Теперь, получив претензию от потерпевшего и признав его требования обоснованными, страховщик на законных основаниях производит потерпевшему доплату по заявленным в претензии требованиям, но за вычетом «разрешенных» законодателем 10 %. Таким образом, потерпевший лишается не только права предъявить иск к страховщику и взыскать те самые недоплаченные 10 %, но и компенсировать понесенные им расходы на экспертизу и составление претензии.

Возникает вопрос: 10 % от чего? От расчета страховщика или от расчета независимого эксперта? И простите, 10 % от 100 тыс. рублей – это 10 тыс. рублей, а от 400 тыс. – уже 40 тыс., что, согласитесь, сумма немаленькая, а для большинства граждан даже значительная. В моей практике был случай, когда потерпевший даже не имел возможности оплатить 800 рублей госпошлины для подачи иска в суд, а тут ему предлагают забыть про 10 тыс. рублей и говорят, что «это в пределах статистической достоверности». А если учесть, что стоимость запасных частей по справочникам РСА в 2–3 раза ниже рыночных цен, экономия страховщика составляет уже далеко не 10 %.

Как понимать данную ситуацию? Просчет законодателя или пролоббированные страховщиками поправки?

Как бы то ни было, Единая методика действует, и суды ее активно применяют, страховщики продолжают утверждать, что с них много взыскивают денег, а потерпевшие – платить из своего кармана.

Для обозначения неумышленного мошенничества в западной юриспруденции используются термины «потенциальный мошенник», «мошенник по неволе», «мошенник по неумению». Как правило, это лица, выступающие на стороне страхователя, которые не получили своевременную компетентную консультацию, или у них отсутствуют минимально необходимые знания о действиях после наступления страхового случая.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда на месте ДТП инспектор по-своему «советует» неопытному автовладельцу, задевшему клумбу, оформить происшествие не как «наезд на препятствие», а как «наезд на стоящее транспортное средство». Сотрудник страховой компании «случайно» оказался свидетелем подлинных обстоятельств ДТП. Де юре событие признано страховым случаем, оформлено надлежащим образом, что обязывает страховщика осуществить выплату. Де факто имеется обман со стороны страхователя, пусть и по незнанию.

Еще один интересный пример. При заключении договора страхования грузоперевозок страховой агент советует потенциальному клиенту не указывать в заявлении на страхование тот факт, что грузы огнеопасны. Происходит страховой случай, но в выплате отказывается на основании статьи 944 ГК «Сведения, предоставляемые страхователем при заключении договора страхования». Несчастный страхователь правдами и неправдами собирает целый портфель документов, угрожает судом, где не выдерживает обвинений в подлоге. Агент заинтересован в получении комиссии, а клиент – в минимальном тарифе. При этом забывается, что страхование – это деловое решение, которое должно быть выгодно обеим сторонам, и правильно договориться – значит договориться не только о цене, но и об условиях.

Мошенничество по ОСАГО стало активно развиваться. Участились случаи страхования задним числом, когда заключение договора страхования происходило после самого ДТП с целью переложить ответственность водителя на страховую компанию. Кроме того, нередки инсценировки ДТП, мошенничество с деталями и подмена водителей с целью сокрытия водителя, находящегося в момент ДТП в алкогольном или наркотическом опьянении. Например, на место ДТП еще до вызова сотрудников ГИБДД срочно приезжает во-

датель, который вписан в страховой полис. Такой способ мошенничества очень быстро приобрел большую популярность в крупных городах.

С развитием обязательного страхования сферы действий мошенников изменилась. Если раньше массово была распространена провокация ДТП, то сейчас в основном манипулируют с документами и бланками полисов, мошенничество стало приобретать профессиональные формы. Заявленный ущерб по таким случаям, как правило, составляет значительные суммы, при этом далеко не всегда техническая экспертиза может определить наличие заявленных повреждений [3].

Так, страхователь инсценировал хищение автомобиля и полуприцепа, застрахованных в компании, чтобы получить выплату в размере 3,7 млн руб. Как удалось установить страховой компании, клиент перегнал транспортные средства в другой регион, где продал их на запчасти. Затем он обратился в филиал страховщика в Липецке с заявлением на выплату.

Мошенничеством в сфере ОСАГО стали заниматься не в одиночку, а группами. В преступный сговор, помимо страхователя или потенциального выгодоприобретателя, могут также входить сотрудники страховых компаний, эксперты технических экспертиз, служащие компетентных органов. Чтобы представить в страховую компанию полный набор документов, лжепотерпевший должен «проплатить» целую цепочку аффилированных лиц.

Страховщики уверяют, что факты преднамеренного мошенничества раскрыть очень трудно. С этим можно только согласиться, так как за время существования в стране ОСАГО появились такие «специалисты», которые зарабатывают организацией подставных аварий и приходят за выплатами в страховые компании как за ежемесячной зарплатой. Страховое мошенничество все чаще становится профессиональным.

К числу мошеннических уловок относится сговор работника страховой компании и клиента, в результате чего производится заведомо искаженный расчет ОСАГО – в сторону уменьшения суммы взноса. Разница, естественно, оказывается также преступным доходом. Страховщики теряют на этой уловке наиболее значительную часть средств.

Также в практике часто встречается способ мошенничества, в котором не участвуют представители страховщиков. Это фальсификация обстоятельств ДТП, завышение стоимости убытков, инсценировка самого дорожно-транспортного происшествия. Здесь наиболее распространен-

ным вариантом является сговор с другими участниками ДТП в случае, если авария произошла по вине водителя, находящегося в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или лишенного водительских прав. В данном случае происходит подмена лиц, допущенных к управлению транспортным средством. К сожалению, в таком варианте мошенничества зачастую оказываются замешанными работники ГИБДД и эксперты-оценщики.

Распространенным способом мошенничества в сфере ОСАГО является хищение бланков, полисов и их дальнейшая продажа. Разумеется, в таком случае полисы списываются, а деньги, вырученные за них недобросовестными работниками страховых компаний, являются преступным доходом и оседают в карманах мошенников [4]. По расчетам РСА, в России порядка четырех миллионов водителей ездят с поддельным документом об ОСАГО. А по оценкам независимых экспертов, – более семи миллионов. В конце февраля 2016 года в РСА заговорили о необходимости произвести единовременную массовую замену полисов ОСАГО, однако позднее от такой идеи отказались – замена будет обязательной, но постепенной: автовладелец получит полис нового образца после истечения срока действия предыдущего. Но вот нужно ли теперь это делать, в связи с введением электронных полисов? Все чаще россияне попадают в ДТП с обладателями поддельных полисов ОСАГО. Виною тому – массовая продажа «липы» ОСАГО через Интернет и в «передвижных офисах» в «Газелях». Проблема поддельных полисов ОСАГО по-настоящему серьезна, об этом свидетельствуют многочисленные жалобы автомобилистов.

Учитывая, что страховое мошенничество является серьезной угрозой, страховые компании, забыв о конкурентной борьбе, тесно взаимодействуют в обмене информацией об «особых» клиентах. Площадкой для объединения стала система «Поиск», которая позволяет страховщикам обмениваться информацией о страховых случаях по «моторным» рискам (КАСКО, ОСАГО) [4].

Мошенничество является общественно опасным деянием и уголовно наказуемым преступлением, которое наносит ущерб не только страховщику. Деньги незаконно изымаются непосредственно у страховой компании, но вместе с тем снижается общая сумма резервов страховщика, созданных для выплат клиентам. Таким образом, мошенник залезает и в карман добросовестного страхователя, а значит ущемляет интересы общества в целом. Решение проблемы страхового

мошенничества важно не только для страховых компаний, но и для защиты интересов общества в целом, требует теоретической проработки, выработки общих принципов [5].

References (transliterated)

Пристатейный библиографический список

1. <http://provodim24.ru/moshennichestvo-v-sfere-avtostrahovaniya.html>.
2. <http://www.insur-info.ru/press/113924/>.
3. Игбаева Г.Р. Мошенничество в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12 (91). С. 187–189.
4. Игбаева Г.Р. Страховое законодательство в России: понятие, источники // История государства и права. 2007. № 18. С. 3–5.
5. Игбаева Г.Р. Принципы гражданско-правового регулирования обязательного страхования // Закон и право. 2008. № 12. С. 9–10.

1. <http://provodim24.ru/moshennichestvo-v-sfere-avtostrahovaniya.html>.
2. <http://www.insur-info.ru/press/113924/>.
3. Igbaeva G.R. Moshennichestvo v sfere objazatel'nogo strahovaniya grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'cev transportnyh sredstv // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2015. № 12 (91). S. 187–189.
4. Igbaeva G.R. Strahovoe zakonodatel'stvo v Rossii: ponjatie, istochniki // Istorija gosudarstva i prava. 2007. № 18. S. 3–5.
5. Igbaeva G.R. Principy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya objazatel'nogo strahovaniya // Zakon i pravo. 2008. № 12. S. 9–10.

«Новая адвокатская газета» – корпоративное издание нового типа, появление которого обусловлено коренными переменами, произошедшими в адвокатском сообществе России после принятия Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Являясь органом Федеральной палаты адвокатов РФ, издание не преследует цель выступать в роли указующего или направляющего перста, представляя интересы той или иной части корпорации или группы лиц, а позиционирует себя как выразитель интересов всей российской адвокатуры. Принципиальное значение при этом имеет закрепленная Законом организация адвокатского сообщества, основанная на обязательном членстве каждого адвоката в адвокатской палате субъекта федерации, являющейся в свою очередь членом ФПА РФ. Рассматривая в качестве высших ценностей адвокатского сообщества заложенные в Законе принципы независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов, газета оценивает события государственной и общественной жизни и действия тех или иных лиц с точки зрения соответствия данным принципам. Выступая органом корпорации юристов-профессионалов, газета рассматривает профессионализм как главное качество адвоката и уделяет первостепенное внимание проблемам учебы и практического опыта коллег в различных отраслях права.

Основными направлениями издания являются:

- оперативное информирование о деятельности и решениях ФПА;
- освещение взаимоотношений адвокатуры с государственными и общественными институтами;
- освещение корпоративной жизни адвокатских палат;
- рассказ о созданных адвокатами прецедентах в национальной и международной судебной практике, публикация наиболее интересных решений судов;
- ответы на вопросы, волнующие адвокатов и адвокатские образования;
- взаимодействие с информационными изданиями адвокатских палат;
- поддержка общественно значимых инициатив адвокатов и адвокатских образований;
- информирование о наиболее важных событиях из жизни иностранной адвокатуры, о сотрудничестве российских и зарубежных адвокатских образований и адвокатов.

Адрес редакции: 119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43

Тел.: (495) 787-28-35 Тел./факс: (495) 787-28-36

E-mail: advgazeta@mail.ru, press@advpalata.com

Конюхова А.С.

ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ И ЮРИСДИКЦИЯ ГОСУДАРСТВ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ

Цель: Анализ международных договоров и законодательства государств, представляющих основные регионы мира, для выявления действующих правил касательно соотношения юрисдикций государств в области правонарушений на воздушном транспорте, а также степени признания указанных правил на национальном уровне и наличия пробелов правового регулирования.

Методология: Использовались формально-юридический, сравнительно-правовой методы.

Результаты: В статье выявлено, что положения международных договоров не устраняют полностью проблему отсутствия юрисдикции, возникающую в ряде случаев совершения правонарушения на международной территории, а также не касаются проблемы конкуренции юрисдикций, которая может привести к злоупотреблениям со стороны государств, чья юрисдикция обладает фактическим преимуществом в конкретной ситуации. Сделан вывод о необходимости совершенствования национального законодательства России.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья, подготовленная на основании материалов выступления автора на Шестой конференции по воздушному праву (Санкт-Петербург, 2016 г.), обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток проанализировать проблемы соотношения юрисдикций различных государств в отношении правонарушений на воздушном транспорте.

Ключевые слова: юрисдикция государств, воздушный транспорт, правонарушение, конкуренция юрисдикций, отсутствие юрисдикции, правовая неопределенность, экстрадиция.

Konyukhova A.S.

JURISDICTION OVER AIR TRANSPORT OFFENCES: COMPARATIVE STUDY

Purpose: Analysis of international treaties and national laws of States representing major regions of the world to identify existing rules regarding the ratio of the jurisdictions over air transport offences and the extent of recognition of these rules at the national level, as well as the gaps in the legal regulation.

Methodology: Formally-legal and comparative study methods were used.

Results: In article it is revealed that provisions of international treaties do not fix completely the problem of lack of jurisdiction arising in some cases commission of an offense in the international territory and also do not concern a problem of the competition of jurisdictions which can lead to abuses of the states whose jurisdiction has the actual advantage in a concrete situation. The conclusion is drawn on need of improvement of the national legal system of Russia.

Novelty/originality/value: Article prepared on the basis of materials of a speech of the author at the Sixth Conference on air law (St. Petersburg, 2016) has the high scientific value as is one of the first attempts to analyze problems of a ratio of jurisdictions of various states concerning offenses on air transport.

Keywords: jurisdiction of states, air transport, offence, competition of jurisdictions, lack of jurisdiction, legal uncertainty, extradition.

Правонарушения, влияющие на безопасность воздушного транспорта, к сожалению, являются неотъемлемой составляющей развития гражданской авиации. Начиная с 1950-х гг., когда самолеты стали широко использоваться для перевозки пассажиров, необходимость борьбы с такими правонарушениями обусловила принятие соответствующих мер, в том числе правовых. Как известно, воздушные суда способны достаточно быстро преодолевать значительные расстояния и пересекать границы нескольких государств, а также находиться на территориях, не относящихся к юрисдикции какого-либо государства (например, воздушное пространство над открытым морем), что на практике обуславливает затруднения при

организации привлечения нарушителей к ответственности. Так, не исключено возникновение конкуренции юрисдикций, которая может привести к злоупотреблениям со стороны государств, имеющих фактическое преимущество на установление юрисдикции. Кроме того, в ряде случаев возможны ситуации отсутствия государств, обязанных установить свою юрисдикцию, что приводит к безнаказанности нарушителей.

В качестве примера злоупотреблений при конкуренции юрисдикций можно привести известное дело П. и А. Бразинсков, которые открыли стрельбу на борту воздушного судна, находившегося в полете, убили бортпроводницу, тяжело ранили командира воздушного судна и

штурмана, нанесли телесные повреждения бортмеханику и вынудили экипаж изменить маршрут и приземлиться на территории Турции. СССР направлял Турции запросы о выдаче преступников, однако в условиях отсутствия между СССР и Турцией двустороннего соглашения о правовой помощи в подобных ситуациях в выдаче было отказано. В Турции преступники были привлечены к уголовной ответственности за незаконное пересечение государственной границы, но не за сам факт захвата воздушного судна и убийства на его борту, которые остались безнаказанными. Позже Бразинскасы переехали в США, где проживали до своей смерти.

Одно из самых известных дел, иллюстрирующих проблему отсутствия юрисдикции, – *United States v. Cordova and Santano*. В 1948 г. на рейсе Сан-Хуан (Пуэрто-Рико) – Нью-Йорк (США) произошел инцидент, в центре которого оказались пассажиры по фамилии Кордова и Сантано. Они употребили на борту воздушного судна, находившегося в полете, значительное количество спиртных напитков, и когда самолет находился над открытым морем, между ними завязался конфликт. Экипаж предпринял попытку усмирить пассажиров, однако безрезультатно: Кордова и Сантано переместились в хвостовую часть воздушного судна и продолжили выяснение отношений. Многие пассажиры направились туда же, чтобы понаблюдать за происходящим. Перемещение большого количества людей в хвостовую часть воздушного судна привело к изменению центра его тяжести, что вызвало задираание носа и набор высоты. Пилотам удалось предпринять необходимые меры для выравнивания самолета, после чего члены экипажа рассадили буйных пассажиров, при этом Кордова успел нанести побои командиру воздушного судна и бортпроводнику. Дело по обвинению пассажиров Кордова и Сантано рассматривалось Окружным судом США по Восточному округу штата Нью-Йорк. Суд, исследовав представленные доказательства, установил, что имел место факт применения насилия со стороны указанных пассажиров на борту воздушного судна в полете, однако при этом отметил, что данные лица не подпадают под юрисдикцию США, поскольку она имеет экстратерриториальное действие только в отношении правонарушений, совершенных на борту зарегистрированных в США морских судов в открытом море. Суд указал, что данные правила не распространяются на воздушные суда. Фактически суд, признав, что в действиях лиц имелись признаки состава преступления, был вынужден отпустить их.

В связи с указанными обстоятельствами особую значимость приобрела задача единообразного урегулирования вопросов соотношения юрисдикций различных государств, имеющих какое-либо отношение к правонарушению, нарушителю или воздушному судну.

В рамках Международной организации гражданской авиации (ИКАО) были разработаны некоторые правила. Они закреплены в трех действующих в настоящее время международных договорах: Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токио, 14 сентября 1963 г.) [16] (далее – Токийская конвенция 1963 г.), Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16 декабря 1970 г.) [18] (далее – Гаагская конвенция 1970 г.) и Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23 сентября 1971 г.) [17] (далее – Монреальская конвенция 1971 г.) (в редакции Протокола о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (Монреаль, 24 февраля 1988 г.)) [6] (далее – Монреальский протокол 1988 г.).

Основные положения указанных конвенций о соотношении юрисдикций государств выглядят следующим образом.

Токийская конвенция 1963 г., согласно ее пп. 1–2 ст. 1, применяется в отношении преступлений, а также любых «актов, которые независимо от того, являются ли они преступлениями или нет, могут угрожать или угрожают безопасности воздушного судна либо находящихся на его борту лиц или имущества, либо актов, которые создают угрозу поддержанию должного порядка и дисциплины на борту». Указанные деяния должны быть совершены «лицом на борту любого воздушного судна, зарегистрированного в каком-либо договаривающемся государстве, во время нахождения воздушного судна в полете либо на поверхности в открытом море или на поверхности в любом другом районе вне пределов территории любого государства».

Режим, установленный Токийской конвенцией 1963 г. в отношении предусмотренных в ней правонарушений, в литературе [3, 7, 12, 14] характеризуют как «систему параллельной юрисдикции»: юрисдикция государства регистрации воздушного судна (п. 1 ст. 3) в качестве основной, при этом не исключается и «любая уголовная юрисдикция, осуществляемая в соответствии с национальным законодательством» (п. 3 ст. 3). При определенных обстоятельствах (ст. 4) госу-

дарство – участник Токийской конвенции 1963 г., которое не является государством регистрации, также может осуществлять свою юрисдикцию.

Установленные Токийской конвенцией 1963 г. правила направлены, в первую очередь, на решение проблемы возможного отсутствия государства, имеющего право установить юрисдикцию в отношении того или иного правонарушения, совершенного на борту самолета. При этом проблемы конкуренции юрисдикций Конвенция не касается.

Гагская конвенция 1970 г. (ст. 1) применяется в отношении актов незаконного захвата воздушного судна. Согласно п. 1 ст. 4 Гагской конвенции 1970 г. установить свою юрисдикцию в отношении таких деяний может государство регистрации (пп. «а»), а также государство посадки воздушного судна (пп. «b») и государство, в котором находится основное место деятельности или постоянное местопребывание эксплуатанта, арендующего воздушное судно без экипажа (пп. «с»). Кроме этого, аналогично Токийской конвенции 1963 г., не исключается любая уголовная юрисдикция в соответствии с национальным законодательством государств (п. 3 ст. 4).

Как видим, положения Гагской конвенции 1970 г., как и в случае с Токийской конвенцией 1963 г., направлены на решение проблемы возможного отсутствия юрисдикции, не касаясь вопроса конкуренции юрисдикций. Стоит отметить, что при рассмотрении проекта Конвенции делегация от СССР предлагала включить в Конвенцию правило о предоставлении преимущественных прав по осуществлению юрисдикции государству регистрации воздушного судна как наиболее заинтересованному, кроме случаев, когда преступник является гражданином государства, к которому обращена просьба о выдаче или на территории которого он оказался, а также когда государство регистрации воздушного судна заявило об отказе от установления юрисдикции. Данное предложение принято не было [1, 2, 9, 10].

Термин «Акты, направленные против безопасности гражданской авиации», введенный Монреальской конвенцией 1971 г. (в редакции Монреальского протокола 1988 г.), является собирательным. Конвенция и Протокол не содержат его определения, но в них приведен исчерпывающий перечень входящих в него составов правонарушений, совершаемых как непосредственно на борту воздушного судна, так и на земле, в том числе: акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете; разрушение воздушного судна, находящегося в эксплуатации,

или причинение этому воздушному судну повреждения, которое выводит его из строя или может угрожать его безопасности в полете; помещение или совершение действия, приводящего к помещению на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, каким бы то ни было способом устройства или вещества, которое может разрушить такое воздушное судно или причинить ему повреждение, которое выводит его из строя, или причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; и некоторые другие.

Положения Монреальской конвенции 1971 г. о юрисдикции государств практически полностью дублируют формулировки Гагской конвенции 1970 г. Можно отметить единственное отличие: дополнительное основание установления юрисдикции – «когда преступление совершено на территории данного государства» (пп. «а» п. 1 ст. 5). Это добавление сделано в связи с тем, что Монреальская конвенция 1971 г. расширила сферу действия Гагской конвенции 1970 г. до актов, совершаемых не только на борту воздушного судна во время его нахождения в полете, то есть на земле.

Перечисленные конвенции – Токийская, Гагская и Монреальская (в редакции Монреальского протокола 1988 г.) – ратифицированы большинством государств мира. В литературе [13] их называют «базовыми международно-правовыми актами универсального характера» в сфере борьбы с правонарушениями против безопасности на воздушном транспорте.

Как известно, для того, чтобы положения международных договоров применялись на практике, государства-участники должны имплементировать их в национальное законодательство. В этой связи представляется интересным проанализировать положения законодательства различных государств с целью уяснения, насколько полно и точно были восприняты рассмотренные правила, и насколько, в конечном итоге, решены возникающие на практике проблемы. В рамках настоящей статьи проанализировано законодательство десяти государств, представляющих основные регионы мира: Российской Федерации (РФ), Австралийского союза (Австралия), Канады, Соединенных Штатов Америки (США), Федеративной Республики Германия (ФРГ), Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Южно-Африканской Республики (ЮАР), Китайской Народной Республики (КНР), Республики Корея (Корея), Федеративной Республики Бразилия (Бразилия).

Следует отметить, что, несмотря на существование трех действующих и широко признанных

международных конвенций, имеющих целью установление унифицированных правил, законодательство государств-участников данных конвенций далеко от единообразия.

Можно отметить только одно правило, которое воспринято государствами повсеместно: возможность установления юрисдикции на основании принципа флага. В частности, такое правило закреплено в п. 3 ст. 11 российского Уголовного кодекса (УК РФ), п. 3 раздела 2 ч. 1 Закона Австралии о преступлениях (на авиационном транспорте) 1991 г. («Закон Австралии о преступлениях»), п. 1 ст. 7 ч. 1 Уголовного кодекса Канады 1985 г. (УК Канады), пп. «а» п. 2 параграфа 4650 Раздела 49 «Транспорт» («Transportation») Кодекса США («Раздел 49»), ст. 4 Уголовного кодекса ФРГ 1998 г. (УК ФРГ), ст. 17 Уголовного кодекса ОАЭ 1987 г. (УК ОАЭ), п. 1 ст. 150 Закона ЮАР о гражданской авиации 2009 г. («Закон ЮАР о гражданской авиации»), ст. 7 Уголовного закона КНР 1979 г. (УЗ КНР), ст. 4 Уголовного кодекса Республики Корея 1998 г. (УК Кореи), ч. 1 ст. 5 Уголовного кодекса Федеративной Республики Бразилия 1940 г. (УК Бразилии).

Таким образом, положения национального законодательства государств во многих случаях позволяют решить проблему возможного отсутствия юрисдикции, о которой говорилось выше. Однако данная проблема не решена полностью ни на уровне международных конвенций, ни на уровне национального законодательства.

Речь идет, в частности, о проблеме так называемого «юрисдикционного пробела» Токийской конвенции 1963 г., которая заключается в отсутствии у государств-участников обязанности устанавливать свою юрисдикцию в отношении воздушного судна, совершившего посадку на территории данного государства, если между правонарушением и государством отсутствует какая-либо правовая связь. В Гагской и Монреальской конвенциях на этот случай предусмотрено правило о юрисдикции государства посадки воздушного судна, однако соответствующее положение не было включено в текст Токийской конвенции 1963 г., но, как указано выше, предмет регулирования Токийской, Гагской и Монреальской конвенций не идентичен, что на практике приводит к безнаказанности нарушителей.

На национальном уровне государства в основном никак не отреагировали на возникновение юрисдикционного пробела. Это вполне объяснимо, поскольку государства обычно весьма неохотно закрепляют в законодательстве правила, позволяющие распространять их юрисдикцию

экстратерриториально, если для этого нет достаточных оснований, при отсутствии соответствующего международно-правового обязательства. Государства в основном так или иначе закрепили в своем законодательстве правило о юрисдикции государства посадки в отношении предусмотренных в Гагской и Монреальской конвенциях преступлений (ст. 11 УК РФ, разделы 1–5 ч. 2 Закона Австралии о преступлениях, п. 2 ст. 150 Закона ЮАР о гражданской авиации, п. 2 ст. 7 ч. I, ст. 76, 77 ч. II УК Канады, ст. 3–6 УК Кореи и др.), однако далеко не все государства распространили данное правило на остальные правонарушения, совершаемые на борту воздушных судов и влияющие на безопасность полета или поддержание дисциплины и должного порядка на борту (в качестве примера государства, предусмотревшего данное правило в национальном законодательстве, можно привести США: пп. «d» п. 2 параграфа 4650 Раздела 49). На данное обстоятельство в ходе 35-й сессии Юридического комитета ИКАО обращали внимание, в частности, представители ОАЭ, которые указывали, что законодательство ОАЭ не предусматривает возможность установления юрисдикции данного государства в отношении иностранных граждан, совершивших правонарушение на борту иностранного воздушного судна в момент его нахождения за пределами территории (воздушного пространства) государства, если это судно совершило посадку на его территории [4, 11].

При таких обстоятельствах нередко стали ситуации, когда правоохранительные органы отпускают без производства каких-либо процессуальных действий лиц, совершивших правонарушения на борту воздушных судов, которые приземляются на территории этих государств, в случае, если отсутствует достаточная связь между правонарушением и государством. В качестве примера можно привести дело авиадебошира К. [5, 15], в результате неправомерных действий которого на борту воздушного судна, следовавшего из Москвы в Хургаду, был причинен вред здоровью бортпроводника, а также нарушена дисциплина на борту, и который был отпущен полицией Египта без совершения процессуальных действий.

Какие-либо правила, позволяющие решить проблему конкуренции юрисдикций, возникновение которой, как отмечено выше, весьма вероятно на практике, национальное законодательство государств не предусматривает. Напротив, законодательство некоторых государств как раз подразумевает возникновение конкуренции юрисдикций.

Так, в п. 12 раздела 3 части 1 Закона Австралии о преступлениях указано, что его действие (а значит, и действие юрисдикции Австралии) распространяется на «акты, упущения, вопросы и вещи за пределами Австралии, в том числе на территории или над территорией иностранного государства», а также «на любых лиц вне зависимости от их национальности или гражданства». Аналогично и США при принятии в 1970 г. законодательства, имплементирующего положения Токийской конвенции 1963 г., намеренно исходили из того, что предусмотренные данной Конвенцией правила о юрисдикции государства регистрации воздушного судна «не являются исключительными, и государства могут осуществлять конкурирующую юрисдикцию в отношении одного и того же преступления в зависимости от интересов каждого государства и традиционных правил, предусмотренных в международном праве касательно установления юрисдикции».

Анализ положений национального законодательства различных государств позволяет также сделать вывод о том, что они имеют зачастую существенные отличия, как от правил международных договоров, так и друг от друга, что дополнительно создает проблему правовой неопределенности.

Так, в законодательство ряда государств положения рассмотренных международных конвенций перенесены достаточно точно и полно, как посредством инкорпорации (Закон Австралии о преступлениях, законодательство ЮАР), так и посредством отсылки (УЗ КНР, УК Бразилии). При этом некоторые государства устанавливают более широкие полномочия по сравнению с международными конвенциями, предусматривая, в частности, большее число оснований для установления юрисдикции (например, на основании пассивного персонального или реального принципов – п. 3 ст. 12 УК РФ, ст. 15 Закона ЮАР о защите конституционной демократии от террористической и связанной с ней деятельности 2004 г. («Закон ЮАР о защите конституционной демократии»), ст. 6 УК Кореи) или даже по сути универсальную юрисдикцию в отношении некоторых преступлений на воздушном транспорте (в п. 3 ст. 6 УК ФРГ содержится правило о том, что право ФРГ применяется также вне зависимости от права места совершения акта в отношении преступлений против международных интересов, к которым относятся, в частности, преступления против воздушного транспорта, предусмотренные в ст. 316с УК ФРГ, а именно: нападение на воздушный транспорт, под которым понимается применение насилия или

воздействие на принимаемые решения, или осуществление других действий для получения контроля или воздействия на управление воздушным судном, используемым в гражданской авиации и находящимся в полете, а также использование огнестрельного оружия или взрывчатых веществ для повреждения или разрушения такого воздушного судна или имущества, находящегося на его борту).

Весьма различно государства формулируют составы правонарушений, в отношении которых применяются закрепленные в их законодательстве правила о юрисдикции.

Для примера, состав незаконного захвата воздушного судна согласно ст. 1 Гаагской конвенции 1970 г. подразумевает захват, совершенный лицом, находящимся на борту воздушного судна в полете, путем применения насилия и других форм запугивания. При этом в законодательстве ряда государств (ст. 211 УК РФ, ст. 76, 77 ч. II УК Канады, ст. 9 Закона ЮАР о защите конституционной демократии) обязательным элементом данного деяния является также его цель (угон либо насильственные действия в отношении какого-либо лица на борту воздушного судна); в законодательстве ряда государств исключен такой обязательный элемент, как нахождение воздушного судна в полете в момент совершения деяния (ст. 9 Закона ЮАР о защите конституционной демократии) или применение при совершении преступления насилия или других форм запугивания (например, ст. 19 Закона Бразилии о национальной безопасности 1983 г.).

Очевидно, что указанные обстоятельства приводят к отсутствию единых критериев наказуемости одного и того же деяния, а также установления в их отношении экстратерриториальной юрисдикции государств.

Кроме этого, в законодательстве ряда государств не закреплены составы некоторых правонарушений, совершаемых на борту воздушного судна, что также является препятствием для установления в их отношении государственной юрисдикции. На это обстоятельство обращали внимание, в частности, в Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА), представители которой отмечали, что «компетентные органы государства посадки в некоторых случаях отказывались принимать меры против переданных им пассажиров на том основании, что акты, в отношении которых подавалась жалоба, не являлись каким-либо преступлением в пределах их юрисдикции» [7, 12].

В качестве примера можно привести законодательство России. Так, в ст. 11.3 Кодекса РФ об

административных правонарушений (КоАП РФ) «Действия, угрожающие безопасности полетов» не предусмотрен какой-либо состав, устанавливающий противоправность недисциплинированного поведения на борту воздушного судна. УК РФ предусматривает ответственность за нарушение пассажиром правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств (ст. 268), однако для применения данной статьи необходимо наступление последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека. Акты недисциплинированного поведения, которые создают угрозу безопасности воздушного судна, но не приводят к тяжким последствиям, в УК РФ не криминализованы.

Необходимо отметить, что данная ситуация, помимо отказа государства в установлении юрисдикции в отношении нарушителя, может повлечь и ошибки при квалификации деяния, что создает риск применения к нарушителю слишком мягких или, наоборот, слишком суровых мер ответственности.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что на практике сотрудничество государств в вопросах наказания лиц, виновных в совершении различных правонарушений на международном воздушном транспорте, затруднено, во-первых, в связи с отсутствием на универсальном уровне оптимальных правил о соотношении юрисдикций государств, во-вторых, с отсутствием единообразия в национальном законодательстве, в-третьих, наличием пробелов в международных документах, которые в основном не устранены на национальном уровне. В настоящее время в рамках ИКАО предприняты определенные меры для устранения существующих пробелов правового регулирования на универсальном уровне. В частности, в 2014 г. был принят Протокол, изменяющий Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Монреаль, 4 апреля 2014 г.) [8]. Однако по состоянию на 1 ноября 2015 г. указанный Протокол в силу не вступил, и небольшое количество ратификаций, которое Протокол набрал более чем за год с момента принятия, не позволяет сделать вывод о скором вступлении этого документа в силу.

Необходимо отметить, что сотрудничество государств в вопросах установления и осуществления юрисдикции в отношении правонарушений на воздушном транспорте может быть ограничено также по политическим соображениям.

Токийская, Гагская и Монреальская конвенции не содержат запрет на отказ в выдаче право-

нарушителя по политическим мотивам. В то же время национальные законы об экстрадиции государств обычно запрещают выдачу лиц, обвиняемых в совершении политических преступлений, и законодательство большинства государств не содержит каких-либо положений об исключении правонарушений на воздушном транспорте, предусмотренных конвенциями, из числа политических для целей выдачи. Следует отметить, что данную ситуацию не могут в полной мере исправить и двусторонние соглашения о выдаче, которые государства заключают между собой.

Для примера, законодательство США не предусматривает обязательную экстрадицию лиц, совершивших правонарушение на воздушном транспорте, на основании конвенций. Следовательно, в случае, если у США отсутствует с каким-либо государством соглашение о выдаче, а совершенное правонарушение предусмотрено конвенциями, США на основании ст. 8 Гагской и Монреальской конвенций смогут использовать их в качестве основания для выдачи, но не обязаны это делать. Здесь следует отметить, что США заключили соглашения об экстрадиции с большинством государств мира (см. параграф 3181 Раздела 18 Кодекса США), однако в настоящее время у них отсутствуют соответствующие соглашения с Россией и КНР, то есть три крупнейших государства исключены из двустороннего сотрудничества в вопросах экстрадиции.

Кроме этого, некоторые государства (ст. 9 Закона КНР об экстрадиции 2000 г., ст. 7 Закона ОАЭ о международном судебном сотрудничестве по уголовным делам 2006 г., ст. 9 Закона ФРГ о международном сотрудничестве по уголовным делам 1982 г. и др.) на законодательном уровне дополнительно ограничивают выдачу лиц, например возможностью отказа в экстрадиции, если государства имеют право на установление своей юрисдикции в отношении этих лиц и успели предпринять некоторые действия по ее осуществлению.

Законы многих государств также содержат дополнительные основания для отказа в выдаче, в частности, так называемые «положения о гарантиях», запрещающие выдавать лиц, которые в результате выдачи могут подвергнуться преследованиям по признаку расы, пола, национальности, религиозных или политических убеждений и т. п., что, с одной стороны, позволяет избежать несправедливого приговора, но с другой – дополнительно ослабляет обязательство государства выдать преступника. Таким образом, анализ положений рассмотренных международных кон-

венций и национального законодательства государств позволяет сделать вывод о наличии ряда пробелов правового регулирования вопросов соотношения юрисдикций государств в связи с противоправными актами на воздушном транспорте. Среди прочих на практике особенно остро стоит проблема отсутствия юрисдикции в связи с наличием так называемого «юрисдикционного пробела», а также правовой неопределенности, заключающейся в отсутствии единых критериев наказуемости одного и того же деяния, а также установления государствами в его отношении экстерриториальной юрисдикции.

В связи с указанным обстоятельством можно предложить некоторые идеи по совершенствованию российского законодательства.

Так, желательно проанализировать и при необходимости скорректировать формулировки составов правонарушений на воздушном транспорте, содержащиеся в УК и КоАП РФ, особенно в части актов, связанных с недисциплинированным поведением пассажиров на борту. Можно отметить, что в настоящий момент наиболее близкие по смыслу составы, не учитывающие однако всех особенностей данных актов, – ч. 6 ст. 11.17 КоАП РФ («Невыполнение лицами, находящимися на борту воздушного судна, законных распоряжений командира воздушного судна») и ст. 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство»). При этом в связи с тем, что согласно п. 3 ч. 1 ст. 1.3 КоАП административная ответственность устанавливается по вопросам, имеющим федеральное значение, в том числе за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, представляется, что необходимо разработать и закрепить на уровне федерального закона (Воздушного кодекса РФ) основные правила поведения пассажиров на борту воздушного судна, после чего включить в КоАП РФ составы правонарушений, представляющих собой нарушение указанных правил.

Представляется также, что желательно на уровне федерального закона (например, Воздушного кодекса РФ) предусмотреть правила обращения членов экипажа с правонарушителем, если воздушное судно совершает посадку на территории иностранного государства. В частности, это может быть задержание нарушителя, а также принудительная отправка ближайшим рейсом в пункт вылета для передачи правоохранительным органам РФ.

Пристатейный библиографический список

1. ICAO Legal Committee. 20th Session (Special). Montreal, January 09–30, 1973. Minutes and Documents. Vol. II. Documents.
2. International Conference on Air Law. The Hague, December 01–16, 1970. Minutes and Documents. Vol. I Minutes.
3. Joyner N.D. Aerial Hijacking as an International Crime. Leiden: Sijthoff, 1974. P. 137.
4. Views of the United Arab Emirates on the Draft Protocol to Amend the Tokyo Convention. 35th Session of the Legal Committee. Montreal, May 06–15, 2013. Working Paper.
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 15.04.2014 по делу № 4-АП/14-21СП [Электронный ресурс]. URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=588992.
6. Действующее международное право: в 2 т. / сост: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2007. Т. 2. С. 431–435.
7. Доклад Специального подкомитета Юридического комитета ИКАО по модернизации Токийской конвенции, включая проблему недисциплинированных пассажиров. Монреаль, 22–25 мая 2012 г.
8. Документ ИКАО DCTC Doc No. 34 4/4/14.
9. Документ ИКАО Doc. 8979-LC/165-1. P. 70, 74.
10. Документ ИКАО Doc. 9050-LC/169-2. P. 119, 313–315.
11. Документ ИКАО LC/35-WP/2-5. P. 1.
12. Документ ИКАО LC/SC-MOT. C. 2–5.
13. Матчанова З.Ш. Вопросы уголовной юрисдикции государств в международных конвенциях, направленных против актов воздушного терроризма // Современные проблемы публичного права: международные и внутригосударственные аспекты. СПб., 2010. С. 82.
14. Международное воздушное право: в 2 т. /отв. ред. А.П. Мовчан. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 179.
15. Приговор Московского областного суда от 04.02.2014 по делу № 2-14/2014 [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4332740&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=3322275.
16. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 44. М., 1990. С. 218–225.
17. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 27. М.: Междунар. отношения, 1974. С. 292–296.
18. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 29. М.: Междунар. отношения, 1975. С. 90–95.

References (transliterated)

1. ICAO Legal Committee. 20th Session (Special). Montreal, January 09–30, 1973. Minutes and Documents. Vol. II. Documents.
2. International Conference on Air Law. The Hague, December 01–16, 1970. Minutes and Documents. Vol. I Minutes.

3. Joyner N.D. Aerial Hijacking as an International Crime. Leiden: Sijthoff, 1974. P. 137.

4. Views of the United Arab Emirates on the Draft Protocol to Amend the Tokyo Convention. 35th Session of the Legal Committee. Montreal, May 06–15, 2013. Working Paper.

5. Apelljacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo suda RF ot 15.04.2014 po delu № 4-APU14-21SP [Jelektronnyj resurs]. URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=588992.

6. Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo: v 2 t. / sost: Ju.M. Kolosov, Je.S. Krivchikova. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2007. T. 2. S. 431–435.

7. Doklad Special'nogo podkomiteta Juridicheskogo komiteta IKAO po modernizacii Tokijskoj konvencii, vključaja problemu nedisciplinirovannyh passazhirov. Monreal', 22–25 maja 2012 g.

8. Dokument IKAO DCTC Doc No. 34 4/4/14.

9. Dokument IKAO Doc. 8979-LC/165-1. P. 70, 74.

10. Dokument IKAO Doc. 9050-LC/169-2. P. 119, 313–315.

11. Dokument IKAO LC/35-WP/2-5. P. 1.

12. Dokument IKAO LC/SC-MOT. S. 2–5.

13. Matchanova Z.Sh. Voprosy ugolovnoj jurisdikcii gosudarstv v mezhdunarodnyh konvencijah, napravlenykh protiv aktov vozdušnogo terrorizma // Sovremennye problemy publicnogo prava: mezhdunarodnye i vnutrigosudarstvennye aspekty. SPb., 2010. S. 82.

14. Mezhdunarodnoe vozdušnoe pravo: v 2 t. /otv. red. A.P. Movchan. M.: Nauka, 1980. T. 1. S. 179.

15. Prigovor Moskovskogo oblastnogo suda ot 04.02.2014 po delu № 2-14/2014 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://oblsud.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srnum=1&name_op=doc&number=4332740&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=3322275.

16. Sbornik dejstvujushhih dogovorov, soglasenij i konvencij, zaključennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. 44. M., 1990. S. 218–225.

17. Sbornik dejstvujushhih dogovorov, soglasenij i konvencij, zaključennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. 27. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1974. S. 292–296.

18. Sbornik dejstvujushhih dogovorov, soglasenij i konvencij, zaključennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. 29. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1975. S. 90–95.

НАЙДЕМ АДВОКАТА

«Найдем Адвоката» – это не юридическая фирма

Мы бесплатный сервис по подбору юристов и адвокатов необходимой Вам специализации во всех регионах России и мира.

Подбор юристов и адвокатов осуществляется бесплатно и в течение одного часа.

С нами работает более 1700 тщательно отобранных узкоспециализированных юристов и адвокатов в более чем 50 странах мира.

За два года работы Проекта мы помогли более чем 3000 клиентов, которым были подобраны юристы и адвокаты, решившие их проблемы.

Вам или Вашим близким нужен юрист или адвокат? Тогда отправьте заявку на сайте paidemadvokata.ru или позвоните нам по номеру: 8 (800) 775-07-20 (звонок по России бесплатный).

Васильева М.Р.¹

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Цель: Исследование становления и развития института отсрочки отбывания наказания в Российской Федерации в сравнительном анализе с законодательством государств ближнего зарубежья.

Методология: Использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: Автор предлагает дополнить нормы УК РФ об отсрочке отбывания наказания дополнительными обязанностями, возлагаемыми на лиц, отбывание наказания которым отсрочено, аналогично нормам, содержащимся в уголовных законах некоторых зарубежных государств.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку является современной попыткой рассмотрения актуальной юридической проблемы.

Ключевые слова: депенализация, отсрочка отбывания наказания, условия предоставления отсрочки отбывания наказания.

Vasilyeva M.R.

REGULATION OF INSTITUTE OF DELAY OF SERVING SENTENCE IN PENAL LEGISLATION OF RUSSIA AND STATES OF THE NEIGHBORING COUNTRIES

Purpose: Research of formation and development of institute of delay of serving sentence in the Russian Federation in the comparative analysis with the legislation of the states of the neighboring countries.

Methodology: It was used formal-legal and comparative and legal methods.

Results: The author suggests to add regulations of the criminal code of Russian Federation about serving sentence delay with the subsidiary duties assigned on persons, delay of serving sentence by which it is delayed similar to the regulations containing in penal statutes of some foreign states.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific and practical value as is modern attempt of consideration of an actual legal problem.

Keywords: depenalisation, delay of serving sentence, serving sentence delay provision condition.

Под депенализацией в теории уголовного права понимается предусмотренная законом возможность освобождения от наказания при установлении компетентным государственным органом соответствующих обстоятельств, характеризующих деяние и личностные особенности виновного, целью которой является нивелирование негативных последствий, возникающих в связи с применением наказания [2]. Таким образом, отсрочка отбывания наказания, направленная на предоставление осужденному возможности исправления без реального исполнения наказания с учетом его личностных и гендерных особенностей, при соблюдении ряда условий является одной из форм депенализации.

В советском уголовном праве институт отсрочки отбывания наказания впервые получил регламентацию в ст. 46 УК РСФСР, которая распространялась на военнослужащих, совершивших преступление в военное время. В 1977 году в УК РСФСР была введена норма, позволяющая предоставить отсрочку исполнения наказания несовершеннолетнему, впервые осужденному к лишению свободы на срок до трех лет, на срок от

шести месяцев до двух лет. При этом с 1982 года указанная норма утратила возрастные ограничения в отношении осужденных.

Институт отсрочки отбывания наказания для беременных женщин или женщин, имеющих малолетних детей, до достижения младшим ребенком трехлетнего возраста был введен уже после распада СССР – в 1992 году. В настоящее время в Российской Федерации отсрочка отбывания наказания может быть предоставлена только беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчине, являющемуся единственным родителем ребенка в возрасте до 14 лет, если они не осуждены к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, а также больному наркоманией, изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании и медико-социальную реабилитацию, – на срок не более пяти лет. Учитывая предшествующие историко-политические явления, необходимо отметить, что уголовное законодательство стран СНГ и ближнего зарубежья во многом сформировалось под влиянием норм УК РСФСР, Основ уголовного

1 Статья публикуется по результатам конкурса докладов, проведенного в рамках VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 31 мая 2016 г.).

законодательства СССР и Уголовного кодекса РФ 1996 года, а институты отсрочки отбывания наказания по уголовным законам Украины, Республики Таджикистан, Азербайджанской Республики, Кыргызской Республики, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения практически тождественны и применимы лишь в отношении беременных женщин, женщин, имеющих детей. Единственное государство СНГ, где полностью отсутствует институт отсрочки отбывания наказания в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, – Республика Узбекистан.

Примечательно, что возможность предоставления отсрочки отбывания наказания для мужчин, являющихся единственным родителем ребенка до 14 лет, помимо УК РФ предусмотрена лишь в УК Кыргызской Республики, а также в УК Республики Казахстан, что представляется не вполне справедливым, поскольку равенство прав и обязанностей родителей установлено на международном законодательном уровне – Конвенцией о правах ребенка, одобренной Генеральной ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., к которой присоединились и впоследствии ратифицировали все государства СНГ [1].

Анализ уголовных законов стран СНГ позволяет сделать вывод о том, что их основное различие в правовом регулировании отсрочки отбывания наказания составляет предельный возраст ребенка осужденной женщины, которой может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания. К примеру, минимальный возрастной порог ребенка, матери которого может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания, составляет 3 года (УК Республики Беларусь, УК Республики Армения), максимальный – 14 лет (УК Республики Кыргызия). Между тем законодательства большинства стран СНГ ограничивают предельный возраст ребенка, матери которого может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания, восемью годами (УК Республики Таджикистан, УК Республики Азербайджан).

Уголовное законодательство некоторых государств СНГ предусматривает ряд условий для применения отсрочки отбывания наказания: так, УК Республики Беларусь предусматривает применение отсрочки отбывания наказания к осужденной, которая имеет семью или родственников, давших согласие на совместное с нею проживание,

или которая имеет возможность самостоятельно обеспечить надлежащие условия для воспитания ребенка, что не закреплено на законодательном уровне в Российской Федерации.

Более того, УК Украины, вводя понятие «отсрочка отбывания наказания с испытанием», предусматривает возложение на женщину, которой предоставлена отсрочка отбывания наказания, ряд обязанностей: не выезжать за пределы Украины на постоянное проживание без разрешения органа уголовно-исполнительной системы; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании или иного заболевания. Указанная норма аналогична условиям предоставления отсрочки отбывания наказания в Польше (ст. 72 УК Польши).

Уголовно-исполнительный кодекс РФ, регулирующий особенности контроля за поведением осужденного, исполнение наказания в отношении которого отсрочено, содержит более формальные и менее эффективные способы контроля. Возможность возложения на осужденного обязанности пройти соответствующее лечение в УК РФ предусмотрена лишь в отношении лица, больного наркоманией (ст. 82.1 УК РФ). В данной связи представляется целесообразным дополнить ст. 82 УК РФ положениями, позволяющими возлагать на осужденное лицо, отбывание наказания которому отсрочено, обязанность по прохождению принудительного медицинского лечения от заболеваний, оказывающих гнетущее влияние на личность и препятствующих нормальному исполнению родительских обязанностей.

Пристатейный библиографический список

1. United Nations Treaty Collection [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11&chapter=4&lang=en.
2. Шмындрук О.Ф. Прекращение уголовного производства с освобождением лица от уголовной ответственности в подготовительном судебном заседании в Украине // Евразийская адвокатура. 2015. № 3 (16). С. 31–37.

References (transliterated)

1. United Nations Treaty Collection [Elektronnyy resurs]. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11&chapter=4&lang=en.
2. Shmyndruk O.F. Prekrashhenie ugolovnoho proizvodstva s osvobozhdeniem lica ot ugolovnoy otvetstvennosti v podgotovitel'nom sudebnom zasedanii v Ukraine // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 3 (16). S. 31–37.

Юрьев С.С.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ КОМПАНИЯ И ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УНИТАРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В АСПЕКТЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Цель: Статья направлена на рассмотрение сравнительно-правовой характеристики публично-правовой компании и федерального государственного унитарного предприятия.

Методология: Автором применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: В статье делается вывод о том, что публично-правовые компании, в отличие от федеральных государственных унитарных предприятий, характеризуются более эффективным управлением и большей транспарентностью при одновременном ужесточении требований к работникам и постоянном внутреннем и внешнем контроле, что соответствует общей тенденции государственной политики, направленной на улучшение качества государственного управления и предоставления государственных услуг.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку содержит ценные для науки и практики выводы и предложения.

Ключевые слова: юридические лица, публично-правовая компания, федеральное государственное унитарное предприятие.

Yuryev S.S.

PUBLIC COMPANY AND FEDERAL STATE UNITARY ENTERPRISE: THE COMPARATIVE AND LEGAL CHARACTERISTIC IN ASPECT OF PROVIDING THE STATE SERVICES

Purpose: Article is sent for consideration of the comparative and legal characteristic of the public company and federal state unitary enterprise.

Methodology: The author applied legalistic and comparative and legal methods.

Results: In article the conclusion that the public companies, unlike the federal state unitary enterprises, are characterized by more effective management and bigger transparency at simultaneous toughening of requirements to workers both constant internal and external control that corresponds to the general tendency of the public policy directed to improvement of quality of public administration and providing the state services is drawn.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific value as contains conclusions and offers, valuable to science and practice.

Keywords: legal entities, public company, federal state unitary enterprise.

В соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Управление федеральным имуществом», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 327, одним из показателей достижения результатов реализации подпрограммы 1 («Повышение эффективности управления федеральным имуществом и приватизации») является «отсутствие федеральных государственных унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, к 2018 году» [1].

В этой связи следует отметить, что, как правильно пишет отечественный исследователь О.О. Чёрная, «тезис о неэффективности государственных предприятий по сравнению с частными организациями никогда не был научно доказан, так как не проводилось их сравнений в сопоставимых условиях хозяйствования, не было комплексных криминологических и экономических показателей. Скорее речь шла о недостатках их функционирования, связанных с отсутствием должного правового

регулирования, либо все сводилось к оценочным суждениям, далеким от реальных общественных интересов», тогда как «экономики развитых стран, прежде всего США, базируются на мощной государственной собственности» [2].

Появление в системе российских юридических лиц новой организационно-правовой формы – публично-правовой компании – позволяет, на наш взгляд, демпфировать риски, обусловленные категоричностью упомянутой государственной программы в отношении судьбы федеральных государственных унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, при одновременном достижении её формальных результатов.

Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ППК) вступил в силу 2 октября 2016 г.

Представляет интерес сравнительно-правовая характеристика основных элементов статуса федеральных государственных унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, и публично-правовой компании в аспекте предоставления государственных услуг.

Понятие. Публично-правовой компанией (ППК) является унитарная некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией в порядке, установленном названным федеральным законом, наделенная функциями и полномочиями публично-правового характера и осуществляющая свою деятельность в интересах государства и общества.

Государственные услуги предоставляются уполномоченными на то федеральными органами исполнительной власти, а также подведомственными им организациями, в том числе федеральными государственными унитарными предприятиями (ФГУП).

Согласно ГК РФ и в силу специального закона (ФЗ от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях») федеральные государственные унитарные предприятия относятся к коммерческим организациям. Независимо от факта их участия в предоставлении государственных услуг закон не наделяет их функциями и полномочиями публично-правового характера и не обязывает их осуществлять свою деятельность в интересах государства и общества.

Таким образом, можно констатировать противоречие между сущностью государственной услуги, имеющей публично-правовой характер, и организационно-правовой формой её предоставления через коммерческие организации, правовая природа которых не предполагает реализации публично-правовых интересов.

Цели создания. Как указано в пункте 5 ст. 2 Закона о ППК, публично-правовая компания может быть создана, в частности, в целях проведения государственной политики, предоставления государственных услуг, управления государственным имуществом, осуществления контрольных, управленческих и иных общественно-полезных функций и полномочий в отдельных сферах, реализации особо важных проектов и государственных программ, а также в целях выполнения иных функций и полномочий публично-правового характера.

В отличие от ППК федеральные государственные унитарные предприятия, будучи коммерческими организациями, в силу ГК РФ основной целью своей деятельности имеют извлечение прибыли. Таким образом, в случае участия в

предоставлении государственных услуг организационно-правовая форма ФГУП не соответствует фактической деятельности, носящей не частно-правовой (коммерческий), а публично-правовой (т. е. некоммерческий) характер.

Функции и полномочия, порядок их осуществления. Если исходить из возможности преобразования ФГУП в ППК, то такая компания должна быть наделена функциями и полномочиями по оказанию государственных услуг, ранее выполнявшихся ФГУП.

В этой связи допустимо оптимизировать функции федеральных органов исполнительной власти, исключив из их полномочий функции по предоставлению данной государственной услуги, что приведёт к экономии средств федерального бюджета.

Для преобразования ФГУП в ППК необходимо дополнить статью 34 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» указанием на возможность преобразования ФГУП не только в учреждение или автономную некоммерческую организацию, но и в публично-правовую компанию.

Источники, порядок, способы формирования имущества. Основным источником имущества ППК является взнос Российской Федерации. Так, согласно п. 1 ст. 6 Закона о ППК имущество публично-правовой компании формируется за счет имущественного вноса Российской Федерации, имущества, полученного в порядке правопреемства в результате преобразования юридических лиц в публично-правовую компанию, добровольных имущественных взносов, доходов, полученных публично-правовой компанией от осуществления своей деятельности, и иных не запрещенных законодательством Российской Федерации поступлений.

В силу пункта 3 ст. 6 Закона о ППК имущество публично-правовой компании принадлежит ей на праве собственности и используется для достижения целей деятельности публично-правовой компании и осуществления возложенных на нее функций и полномочий.

В отличие от ППК имущество ФГУП находится у предприятия не на праве собственности, а на праве хозяйственного ведения.

Распоряжение имуществом. Порядок распоряжения имуществом публично-правовой компании должен быть отражен в решении о создании публично-правовой компании, в том числе в части, не урегулированной названным федеральным законом.

Во ФГУП распоряжение имуществом осуществляется генеральным директором единолично, исходя из программы деятельности предприятия и при условии согласования крупных сделок с соответствующим федеральным органом исполнительной власти.

Управление. В федеральных государственных унитарных предприятиях действует единоличный исполнительный орган – генеральный директор. Вместе с тем, он не является, пользуясь терминологией менеджмента, единственным лицом, принимающим решения (ЛПР).

В настоящее время в отношении ФГУП действует иерархическая система управления, в которой на принятие юридически значимых решений оказывают влияние как формальные (правовые), так и неформальные (психологические и организационные) факторы.

Отличием ППК от ФГУП является то, что в ППК более четко разделены уровни ответственности и компетенция органов управления, значительно повышена оперативность принятия решений.

Если в процедуре принятия решений по стратегическим предприятиям имеется цепочка «предприятие – агентство – министерство – правительство», то в ППК высшим органом управления и основным коллегиальным «лицом», принимающим решения, является наблюдательный совет. При этом статус наблюдательного совета и его членов столь высок, что позволяет решать любые вопросы деятельности ППК. Так, согласно п. 3 ст. 8 Закона о ППК председатель и члены наблюдательного совета публично-правовой компании назначаются Правительством Российской Федерации или в случае, предусмотренном решением о создании публично-правовой компании, Президентом Российской Федерации.

Наблюдательный совет обладает широким и основополагающим кругом полномочий: утверждает стратегию развития, годовой финансовый план (бюджет), годовой отчет, положение о закупке товаров, работ, услуги и систему оплаты труда работников; принимает решения о создании и ликвидации филиалов, об открытии и о закрытии представительств, об учреждении юридических лиц, об одобрении ряда сделок; определяет условия трудового договора, заключаемого с генеральным директором, и заслушивает его отчеты по вопросам деятельности публично-правовой компании. Наблюдательный совет осуществляет и другие важные полномочия, указанные в ст. 9 Закона о ППК.

Существенно, что годовой отчет ППК направляется Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Счетную палату Российской Федерации, Общественную палату Российской Федерации.

Правление ППК (в случае, если его создание предусмотрено решением о создании ППК) является коллегиальным исполнительным органом управления, а генеральный директор – единоличным исполнительным органом публично-правовой компании. К компетенции генерального директора относятся вопросы осуществления руководства текущей деятельностью, за исключением вопросов, отнесенных к компетенции иных органов управления ППК.

Контроль. В отличие от законодательства о ФГУП в ППК законом предусмотрен внутренний контроль. Как указано в ст. 16 Закона о ППК, в целях обеспечения надлежащего уровня надежности внутреннего контроля, оценки его эффективности и проверки соответствия деятельности ППК законодательству Российской Федерации, решению о создании, стратегии развития и положениям иных внутренних организационно-распорядительных документов ППК организует внутренний аудит, для чего создает соответствующее структурное подразделение (службу внутреннего аудита).

Наряду с этим сохраняется обязанность проведения внешнего аудита, проводимого аудиторской организацией, отобранной по результатам конкурса.

Согласно Закону о ППК Счетная палата Российской Федерации и уполномоченные государственные органы осуществляют внешний государственный контроль за деятельностью ППК.

Кроме того, важные положения статуса ППК связаны с вопросами банкротства, закупок, противодействия коррупции.

Вопросы банкротства. В силу абзаца первого пункта 1 ст. 65 ГК РФ (в редакции, введенной Законом о ППК) публично-правовая компания не может быть признана несостоятельной (банкротом).

Закупки. По Закону о ППК закупки товаров, работ и услуг осуществляются ППК в порядке, установленном Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Противодействие коррупции. На работников ППК распространяется действие Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

В силу внесенных Законом о ППК изменений в ст. 349.1 Трудового кодекса Российской Федерации работник публично-правовой компании в случаях и в порядке, которые установлены Правительством Российской Федерации, обязан: представлять сведения о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера его супруга (супруги) и несовершеннолетних детей; сообщать работодателю о личной заинтересованности при исполнении трудовых обязанностей, которая может привести к конфликту интересов, принимать меры по предотвращению такого конфликта.

Работнику ППК в случаях, установленных Правительством Российской Федерации, запрещается:

1) участвовать в деятельности органов управления и контроля коммерческой организации, за исключением участия с согласия высшего органа управления (т. е. наблюдательного совета) ППК;

2) осуществлять предпринимательскую деятельность;

3) быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в публично-правовой компании, за исключением осуществления такой деятельности с согласия высшего органа управления ППК;

4) получать в связи с исполнением трудовых обязанностей вознаграждения от иных юридических лиц, физических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха и иные вознаграждения), за исключением вознаграждений (в случае согласия наблюдательного совета) за исполнение функций членов органов управления и контроля коммерческой организации и компенсаций командировочных расходов, связанных с исполнением таких функций;

5) использовать в целях, не связанных с исполнением трудовых обязанностей, имущество публично-правовой компании, а также передавать его иным лицам;

6) разглашать или использовать сведения, отнесенные законодательством Российской Федерации к сведениям конфиденциального характера, или служебную информацию, а также сведения, ставшие ему известными в связи с исполнением трудовых обязанностей;

7) принимать от иностранных государств, международных организаций награды, почетные и специальные звания (за исключением научных званий) без письменного разрешения представителя работодателя;

8) использовать должностные полномочия в интересах политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений и иных не являющихся объектом деятельности ППК организаций;

9) создавать в публично-правовой компании структуры политических партий, других общественных объединений (за исключением профессиональных союзов, ветеранских и иных органов общественной самодеятельности) и религиозных объединений или способствовать созданию указанных структур;

10) входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений;

11) заниматься без письменного разрешения работодателя оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации.

Работнику публично-правовой компании, его супругу (супруге) и несовершеннолетним детям в случаях, предусмотренных федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Таким образом, для публично-правовых компаний, в отличие от федеральных государственных унитарных предприятий, характерны более эффективное управление и большая прозрачность при одновременном ужесточении требований к работникам и постоянном внутреннем и внешнем контроле, что соответствует общей тенденции государственной политики, направленной на улучшение качества государственного управления и предоставления государственных услуг.

Пристатейный библиографический список

References (transliterated)

1. Государственная программа Российской Федерации «Управление федеральным имуществом». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 327 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18. Ст. 2172.

2. Чёрная О.О. Авиаметеообеспечение и право: проблемы формирования и функционирования организационно-правового механизма защиты субъектов авиаметеообеспечения в условиях глобализации, рисков и неопределенности общественного развития: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.С. Юрьева; Национальная ассоциация воздушного права. М.: Дашков и К, 2016.

1. Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii «Upravlenie federal'nym imushhestvom». Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 aprelja 2014 g. № 327 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 18. St. 2172.

2. Chjornaja O.O. Aviameteoobespechenie i pravo: problemy formirovanija i funkcionirovanija organizacionno-pravovogo mehanizma zashhity sub#ektov aviameteoobespechenija v uslovijah globalizacii, riskov i neopredelennosti obshhestvennogo razvitija: monografija / pod red. d-ra jurid. nauk S.S. Jur'eva; Nacional'naja asociacija vozdušnogo prava. M.: Dashkov i K, 2016.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
**ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА**

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Теплова Д.О.

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ: ДОЛЖЕН ЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ ОСНОВНОЙ ЗАКОН СТРАНЫ ИЛИ ЖЕ ЕГО НАДО ПРОСТО СОБЛЮДАТЬ?

Цель: На основе теоретического осмысления тенденций объективной правовой действительности и конституционно-правовой практики обосновать необходимость дальнейшего совершенствования действующей Конституции, выработки новых методологических подходов в совершенствовании основного закона страны.

Методология: Использовались формально-догматический, герменевтический и мировоззренческий методы научного познания.

Результаты: Вопреки существующему в юридической науке и практике представлению о необходимости дальнейшего планомерного приведения общественных отношений к требованиям действующей Конституции автор публикации пытается доказать, что как раз несоблюдение её требований во многом обусловлено несовершенством и неадекватностью ряда положений данного акта. Это относится не только к такой её части, как преамбула или основы конституционного строя, но и к последующим положениям конституции, относящимся к главам, определяющим механизм государства, правовой статус всех ветвей государственной власти и т. д. В статье обосновано положение о том, что и нынешнее законодательство, и действующая конституция должны совершенствоваться относительно генеральной цели эволюции нашего общества и объективных законов бытия. При этом важным обстоятельством является учет разнообразных факторов, влияющих на формирование истинной правовой доктрины, и соответствующих нормативных правовых факторов, в том числе Конституции.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает достаточной научной ценностью, поскольку является одной из немногих попыток рассмотреть проблему реализации и совершенствования Конституции в контексте объективных условий и факторов действительности.

Ключевые слова: правовое пространство, правовая система, правовое государство, верховенство права, виртуальное право.

Теплова Д.О.

RUSSIAN CONSTITUTION: WHETHER TO IMPROVE THE BASIC LAW OF THE COUNTRY OR WHETHER IT SHOULD JUST OBSERVE?

Purpose: On the basis of theoretical understanding of the objective tendencies of the legal reality and the constitutional and legal practices justify the need for further improvement of the current Constitution, the development of new methodological approaches in improving the country's fundamental law.

Methodology: We used the formal-dogmatic, ideological and hermeneutical methods of scientific knowledge.

Results: Despite existing in legal science and practice, the notion of the need for further systematic reduction of social relations to the requirements of the current Constitution, the author of the article tries to show that its failure to comply with a time requirement is largely due to the imperfection and inadequacy of certain provisions of the act. This applies not only to such part of it as the preamble or the foundations of the constitutional system, but also to the subsequent provisions of the Constitution relating to the chapters defining the mechanism of the state, the legal status of all branches of government, etc. Accordingly, the article substantiates the proposition that the current legislation and the current constitution should be improved with respect to the general goal of the evolution of our society and the objective laws of existence. An important factor is that the diverse factors influencing the formation of a true legal doctrine and the corresponding regulatory and legal factors, including the Constitution.

Novelty/originality/value: This article has sufficient scientific value because it is one of the few attempts to address the problem of implementation and improvement of the Constitution in the context of the objective conditions and the factors of reality.

Keywords: legal environment, the legal system, rule of law, the rule of law, a virtual right.

По мнению многих правоведов, важным достижением на пути становления нашего общества считается принятие новой Конституции 1993 г., закрепившей доктрину правового государства, приоритет прав и свобод человека и гражданина (в том числе признание естественных прав выс-

шей ценностью), разделение властей, демократические выборы, свободу предпринимательства, частную собственность, самостоятельность местного самоуправления и т. д. Эти начала отчасти определили трансформацию общественно-государственного устройства постсоветской России

и способствовали некоторому положительному развитию общества.

Между тем прокатившиеся в конце XX и начале XXI века в странах Европы (Великобритания, Франция, Италия, Германия, Чехия, Польша, Болгария и др.) конституционные реформы, а также возникшие политико-экономические проблемы, затронувшие экономики этих стран, подталкивают нас к серьезному совершенствованию действующего права и самой Конституции [2]. Суть этих реформ заключалась в расширении гражданских прав и свобод, направленных не только на всё большую демократизацию процессов управления государством со стороны общества, но и на совершенствование основ конституционного строя этих государств. Одним из аспектов этих реформ стал вопрос о пределах толкования конституций европейских государств и конституционного контроля со стороны высших судебных инстанций за действующим правом в деятельности государства.

Но и этого оказалось мало для решения существовавших на тот период проблем, о чем свидетельствует нынешний социально-экономический, а по сути политико-правовой и духовный кризис. Большинство европейских государств так и не смогут решить свои проблемы на базе существующих сегодня представлений о праве и мире.

К тому же в политико-правовой практике западных обществ стали появляться весьма странные и не типичные для них явления, явно не вписывающиеся в традиционные религиозные и научно-доктринальные представления: судебные иски «Против Бога» (США), «О конце Света» (Германия), «О любви» (США), «О праве на смерть» (Италия), «О супружеской неверности» (Франция) и др.

Причины всего этого многие усматривают в несбалансированности свободы государства и общества, а также в отсутствии необходимых механизмов контроля деятельности государства и некоторых финансово-экономических институтов (бирж, банков, венчурных фондов и др.) со стороны гражданского общества. Хотя фундаментальные причины такого положения, конечно же, заключаются не в экономических недостатках, а в несовершенстве действующего права, основанного на прошлых мировоззренческих представлениях, ну и, конечно, правовом нигилизме финансово-административной элиты.

Как отмечает правовед В.Н. Синюков, «к концу XX – началу XXI века при несомненных достижениях правовой цивилизации и культуры – значительном законодательстве, защищающем

права личности, разветвленном механизме поддержания правопорядка, апробированных послевоенным временем институтах демократии – отмечаются беспрецедентный рост преступности, социальных патологий (наркомания, проституция, суициды и т. д.), массовые нарушения прав человека и народов, глубочайшее отчуждение личности от государства. Идея силового навязывания как доктрины правового государства, так и действующего законодательства, свидетельствует о кризисе господствующей правовой идеологии, неспособности современных государств (законодателя) обходиться без механизмов «продавливания» закона в жизнь. Потому существующая идеология в области права показывает недопонимание политической элитой не только действительной ситуации в правовом строе России, но и мировых тенденций в этой сфере» [4].

Поэтому совершенствование действующего законодательства, как, собственно говоря, самой конституции – это не прихоть отдельных ультра-радикальных политиков и ученых-правоведов, а объективная потребность сегодняшней жизни.

Многим становится очевидным, что Россия в силу своего исторического пути, менталитета и духовно-нравственного предназначения по своей внутренней сути давно уже переросла рамки западного правового (прагматического) государства, её задача – освоение новой, более совершенной системы социальных отношений на основе нового современного миропонимания. Поэтому нынешнее упорное и болезненное подлаживание под чужие нормы и стандарты, уже давно не отвечающие духу времени, лишь усугубляет положение нашего общества и государства. Капитализм современного образца (постиндустриализм) уже устарел и скоро станет пройденным этапом в эволюции цивилизованной части человечества.

Думается, что предвестниками этих процессов являются масштабные тенденции дестабилизационного (геополитического, идеологического, религиозного, этнического, природно-климатического и иного) характера. К этому можно добавить факт роста динамики различных изменений, появляющихся массовых патологий и снижения иммунитетов всех объектов, что в целом характерно для периода эволюционных (качественных) изменений. В этих признаках косвенно проявляется разрушение системных связей на всех уровнях организации материи – от неорганической до органической. Все эти процессы проявляются в следующих обстоятельствах:

– снижение иммунитета человечества: кризис духовности; нарушение идеологического баланса;

дестабилизация баланса сил в международных отношениях; рост экстремизма и преступности; рост числа техногенных катастроф;

– снижение иммунитета государств: распад государств; снижение политической легитимности властей; рост политической напряженности; возрастающая ангажированность, спекулятивность и популизм власти; возрастание числа смен политических режимов; массовые нарушения политических прав и свобод граждан – от силовых до информационных (интернет-цензура), рост числа политических инноваций; ускоряющаяся ротация политической элиты;

– снижение иммунитета социумов: рост социальных конфликтов и социальной напряженности; увеличение распада браков как правовой формы организации семьи; рост форс-мажорных обстоятельств вследствие человеческого фактора;

– нарушение социального равновесия: рост числа межнациональных, религиозных и правовых конфликтов; неблагоприятные тенденции в экономике, политике и праве;

– снижение иммунитета правовых систем: деконструкция правовой организованности; снижение правовой управляемости поведением физических и юридических лиц; разрушение традиционных правовых институтов; снижение устойчивости правовых связей; скороспелое изменение законодательства, пробуксовывание старого законодательства, противоречивое правотворчество; возрастание коллизионности в праве; увеличение количества форс-мажорных обстоятельств. Кроме того, возрастает количество девиантных правовых проявлений; ускоряется ход правовых процессов и тенденций; увеличивается насыщенность правовой жизни событиями, в основном конфликтного характера, и, как следствие, растет неуправляемость правовой системы, объем правовой информации и дезинформации;

– снижение иммунитета правовых институтов: возрастание правовой энтропии; общий рост правовых отклонений; рост правовых патологий и аномалий; появление новых видов правовых отклонений (уголовных и гражданско-правовых); рост числа правонарушений; возрастание частно-правовых и публично-правовых конфликтов; рост правового нигилизма; снижение правовой культуры; рост «хронических» правовых проблем (коррупция, формализм, двойные стандарты, коллизионность); обострение существовавших правовых проблем; снижение эффективности законодательства и правового регулирования; рост правового интуитивизма (интуитивное право) [3] и «теневого права», уход в неправовое пространство

(результат ослабления доверия к официальному праву); распространение синдрома правовой беспомощности и апатии; увеличение числа случаев злоупотребления правом; увеличение числа аварий и катастроф, влекущих масштабные правовые проблемы на основе человеческого фактора; повышение правовой внушаемости и интеллектуально-правового инфантилизма; повышение подверженности правовому обману и неоправданных правовых ожиданий (в том числе у юристов и политиков);

– снижение иммунитета человека (личности): рост девиантности поступков; изменение типичного поведения; увеличение числа аморальных и антиправовых проступков (в результате ослабления функции центра сдерживания); рост числа самоубийств;

– снижение иммунитета правовых культур и традиций: массовое снижение правовой адекватности и культуры; увеличение количества правовых идей, в том числе правовых заблуждений; увеличение количества правовых теорий.

Все вышеперечисленное подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования не только отраслевого законодательства, но и самой Конституции, что ознаменует наступление новой эпохи в развитии России. Как отмечал один из отцов-основателей нашей Конституции проф. С. Шахрай, «Основной закон страны актуален только благодаря тому, что создавался как процедурный документ, в котором нет ответов на вопросы, объективно возникающие в ходе нового государственно-политического строительства. Конституция выполнила роль организующего начала: ограничила стихию общественного творчества довольно жестким коридором реальных политических и правовых возможностей и задавала вектор последующих перемен» [7].

Из этого вполне очевидного факта вытекает то обстоятельство, что Конституция, по сути, представляет собой не «учреждение» или «установление» общественного и государственного устройства, а процедурно-политическое волеизъявление общества. Это положение не вписывается в устоявшееся представление о Конституции как незыблемом акте государства, устанавливающего основы общественно-политического уклада в стране. Отсюда становится понятным, почему в ней не прописаны объективные реалии социального и политического устройства в той степени, в которой это необходимо для правильного развития в стратегической перспективе. Хотя, по мнению некоторых правоведов, незыблемость конституции – это важнейшая характеристика правопо-

го демократического общественного устройства. Так, по мнению Ю. Кудрявцева, соавтора и главного редактора одного из первых комментариев Конституции (1996), «опасной иллюзией является убеждение, что постоянные перекройки Конституции, пусть из желания «улучшить» её, идут обществу на пользу»: «Пора наконец обществу учиться жить по действующей Конституции, уважать законы государства, обогащая их содержание правоприменительной практикой, прежде всего, судебной, практикой. Эта задача, как и во все века в России, к сожалению, по-прежнему актуальна» [1].

Между тем действующая Конституция не только не дает ответы на многие вопросы, но и тормозит необходимость дальнейшего совершенствования общества, действующего права и государства. По-прежнему юристы констатируют, что в конституции нет: процедур разрешения споров между органами власти; детального регулирования деятельности парламента; четкого распределения прав и обязанностей между ветвями власти; упоминания и самой структуры гражданского общества (впрочем, как и самого понятия «гражданское общество»); согласованности отдельных норм основ конституционного устройства и других частей акта; четких гарантий органов местного самоуправления; акта о Президенте страны как высшем должностном лице в государстве; норм о самоопределении народов; положений об исторической миссии и правовом статусе государствообразующего (титulyного) народа; баланса полномочий Президента, исполнительной и законодательной власти; реальных механизмов реального управления гражданами бюджетом страны и государством; положений об источниках права; сбалансированности федеративного устройства государства и т. д.

К этому можно добавить, что сами органы государства, в том числе судебные и контрольно-надзорные органы страны, в своих многочисленных правоприменительных актах не ссылаются на положения Конституции, что, по сути своей, нейтрализует принцип верховенства Конституции как акта высшей юридической силы и прямого действия в правовой системе страны (ст. 4, ст. 15 ч. 4). Речь тем более не идет о такой сфере жизнедеятельности общества, как Интернет, хотя многие специалисты склонны считать данный социальный институт важнейшим элементом гражданского общества и чуть ли не источником права и власти [5]. В силу этого, как отмечают правоведы, внутренний потенциал Конституции использован всего лишь на 20-30 %, что говорит

о спорности самого акта не только в плане совершенства юридической технологии исполнения, но и с точки зрения её легитимности, т. е. социальной обусловленности и поддержки.

В морально-психологическом плане на Конституцию чаще всего не «молятся», т. е. не используют как акт прямого действия, ни общество, ни государство. Если она мешает власти или не удовлетворяет, то её игнорируют или обходят стороной. И наоборот, когда надо, ею прикрываются как фетишем или ширмой для оправдания произвола. И получается, что нет пресловутой конституционной законности, а есть голый прагматизм, а иногда и лукавый цинизм, хотя она была выстрадана всем предшествующим ходом истории России. Видимо, общество, государство, да и сами юристы попросту разочаровались в Основном законе страны, в действующем праве в целом, предпочитая больше говорить о некоей законности и правопорядке, они просто плывут по течению правовой прагматичности и утилитарности.

Данное обстоятельство в значительной мере не только снижает морально-нравственное и идеологическое значение Конституции, но и ослабляет её политико-правовую силу. Жить по Конституции обязаны все, но у значительной части общества, а также у корпуса юристов возникает когнитивный диссонанс, вызванный несогласием между тем, что происходит, и тем, что написано в Конституции, её букве и духе. А это ещё обуславливает внутренний психологический конфликт в сознании юристов и выработку так называемых двойных стандартов, правовых штампов (стереотипов) профессионального ремесла. Приходится констатировать, что мы продолжаем играть в принципы «верховенства права и конституции», «конституционное правосудие» в общем действии спектакля под названием «построение правового государства с российским лицом». Никто в обществе уже не верит в эту замечательную идею, однако все упорно, а иногда и безвольно выполняют роли послушных или правопослушных актеров. И это ещё один дополнительный источник правового и нравственного нигилизма, формирующего так называемую правовую шизофрению, т. е. психологическую раздвоенность общественного и личного сознания, что затрудняет формирование того самого правового государства. Многие уже устали от этого правового лицемерия и хотят жить честно и справедливо, не по-западному, а по-настоящему, по-человечески!

Между тем сама Конституция и такая её часть, как Преамбула, должны иметь решающее

значение исключительно как мировоззренческий ориентир для государства, что предопределяет последующее понимание данного акта, так как наряду с известными правовыми свойствами Конституция обладает более существенным политико-правовым качеством – доктринально-мировоззренческой ориентацией государства, личности и общества.

Представляется, что Преамбула нашей Конституции, строго говоря, не является научно и методологически выверенной, как в категориально-понятийном, так и в философско-мировоззренческом плане. Например, использование выражений «многонациональный народ», «соединённые общей судьбой на своей земле», «вера в добро и справедливость», «исходя из ответственности за Родину перед нынешним и будущими поколениями» является скорее психолого-идеологическим приёмом воздействия на общественное сознание, чем точными целевыми установками. Понятно, что 200 с лишним лет назад, когда была принята первая «писанная» Конституция в мире, представления о правовых актах, в том числе о конституциях, юридической технике разработки и принятии таких актов были в зачаточном состоянии. Однако сегодня требуются дальнейшее совершенствование представлений о действующем законодательстве и его последовательная модернизация по всем направлениям развития общества. Это обстоятельство предполагает установление точных и непротиворечивых целей государственного и общественного развития, что подразумевает обновление самой Конституции.

Думается, что по своей природе Преамбула представляет доктринально-мировоззренческую квинтэссенцию всей Конституции, с которой должны соотноситься не только все её положения, вся система права и отраслевое законодательство, а также основные программные установки (парадигма) научного понимания реальности. Это подтверждается тем, что функционально Преамбула является первоначальным или главным правилом (лат. *Preambulus* – «впереди идущий», «предшествующий»), т. е. «первым правилом», обязательным для всего последующего, лежащим в основе остальных правовых положений.

На наш взгляд, таким правилом является высший уровень абстрактного обобщения знаний о жизнедеятельности личности, общества и государства. Другими словами, в Преамбуле Конституции должны найти своё отражение не только общественное устройство и государственная система органов власти, но самое главное, объективная картина миропонимания. Потому этими зна-

ниями могут выступать только фундаментальные закономерности бытия, отражающие объективные процессы в обществе и природе.

Всесторонний системный анализ всего комплекса присущих социуму процессов и цивилизационных тенденций позволил достаточно четко выявить свод принципов, адекватно отражающих реальность, соблюдение которых действительно способствует оптимизации жизни. Научно обоснованная доказательная база в пользу этого свода принципов охватывает не только социологию, экономику и науку об эволюции, но и простирается до самых базовых основ бытия – фундаментальных свойств физической материи. В данном случае мы имеем дело не с абстрактными и устаревшими философскими взглядами, а с научной концепцией, выверенной в плане строгого объективного обоснования и системно согласующей научные данные, накопленные по всем направлениям познания реальности. Этим сводом принципов оптимизации бытия являются так называемые закономерности бытия [6].

Данные закономерности являются необходимыми ориентирами для совершенствования действующего права и Конституции России. Поэтому для более эффективного воздействия на общественное сознание было бы логично в качестве таких фундаментальных идей закрепить в Преамбуле Конституции объективные закономерности бытия в их концентрированно-выраженном виде.

Эти нормы также могут найти своё место не только в Преамбуле, но и в основах конституционного строя, т. е. ст. 1, 2, 13 Конституции, относящихся к выражению мировоззренческих основ бытия, а также в ст. 17 главы второй. По существу, такое дополнение и изменение Преамбулы и основ конституционного строя закономерно повлечёт существенную переработку всей Конституции и действующего законодательства, что является естественным процессом совершенствования права в соответствии с изменяющейся реальностью и мировоззрением. Как результат, это вызовет необходимую и принципиальную коррекцию логики общественного подсознания, а впоследствии и логики общественного сознания, что даст желаемый толчок к изменениям в общественных отношениях и во всём укладе социальной жизни. Реализация нового мировоззрения и новых принципов совершенствования права и Конституции означает конец господства либерально-прагматических представлений об обществе и мире, породивших нынешние проблемы.

Таким образом, конституционная реформа обусловлена следующими причинами:

- несовершенство методологии и теории конституционно-правового строительства;
- необъективность мировоззренческих и идеологических доктрин настоящего периода;
- несовершенство юридической техники исполнения данного акта;
- несоответствие основных положений Конституции факторам и условиям действительности;
- невосприимчивость Конституции к национальному опыту, истории, культуре и менталитету общества;
- слабая легитимность данного акта;
- неоправданное заимствование опыта и идей западной правовой культуры прошлого;
- отставание от подлинных потребностей общества;
- неясность и противоречивость отдельных положений Конституции.

Пристатейный библиографический список

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации: вестник / общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М.: Фонд «Правовая культура», 1996. С. 10.
2. Конституционное право: Новейшие зарубежные исследования: сб. науч. тр. / РАН ИНИОН; отв. ред. Г.Н. Андреева. М., 2005.
3. Ралько В.В. Концепция интуитивного права Л.И. Петражицкого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 3–5.
4. Синюков В.Н. Россия в XXI веке: пути правового развития // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 14.
5. Социальные сети и виртуальные сетевые общества: сб. науч. трудов / РАН ИНИОН; отв. ред. Л.Н. Верченков, Д.В. Ефременко, В.И. Тищенко. М., 2013.

6. Федорченко А.А. Нормы Разумного Бытия и право: грядёт революция? // 35 лет Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации и её роль в развитии юридического образования: сборник: в 2 т. / отв. ред. И.Э. Звечаровский. Т. 1. М.: РПА МЮ РФ, 2005. С. 105–112.

7. Федорченко А.А., Савченко В.В. 20-летие Конституции Российской Федерации: догматичность или же оправданный прагматизм? // Ученые труды РАН. 2013. № 4. С. 17.

References (transliterated)

1. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii: vestnik / obshh. red. Ju.V. Kudrjavceva. M.: Fond «Pravovaja kul'tura», 1996. S. 10.
2. Konstitucionnoe pravo: Novejšie zarubezhnye issledovanija: sb. nauch. tr. / RAN INION; otv. red. G.N. Andreeva. M., 2005.
3. Raľko V.V. Konceptija intuitivnogo prava L.I. Petrazhickogo: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2011. S. 3–5.
4. Sinjukov V.N. Rossija v XXI veke: puti pravovogo razvitija // Zhurnal rossijskogo prava. 2000. № 11. S. 14.
5. Social'nye seti i virtual'nye setevye obshhestva: sb. nauch. trudov / RAN INION; otv. red. L.N. Verchenov, D.V. Efremenko, V.I. Tishhenko. M., 2013.
6. Fedorchenko A.A. Normy Razumnogo Bytija i pravo: grjadot revoljucija? // 35 let Rossijskoj pravovoj akademii Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii i ejo rol' v razvitii juridicheskogo obrazovanija: sbornik: v 2 t. / otv. red. I.E. Zvecharovskij. T. 1. M.: RPA MJu RF, 2005. S. 105–112.
7. Fedorchenko A.A., Savchenko V.V. 20-letie Konstitucii Rossijskoj Federacii: dogmaticnost' ili zhe opravdannyj pragmatizm? // Uchenye trudy RAN. 2013. № 4. S. 17.

Уфимский центр судебных экспертиз

г. Уфа, ул. Адмирала Макарова, 26/1
Тел. (347) 233-38-69

Наш центр обладает уникальным оборудованием и современными методиками производства различных судебных экспертиз, что подтверждается Сертификатом соответствия требованиям системы добровольной сертификации негосударственных судебно-экспертных лабораторий. Все это позволяет в кратчайшие сроки проводить следующие виды экспертиз и исследований любой сложности: судебно-почерковедческая экспертиза, технико-криминалистическая экспертиза документов, экспертиза определения давности изготовления документов, судебно-трасологическая экспертиза, судебно-автотехническая экспертиза, исследование холодного оружия, экспертиза материалов, веществ, изделий, строительно-техническая экспертиза, исследование объектов с составлением отчета об оценке их стоимости, психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа, другие виды экспертиз и исследований.

Кроме того, проводятся устные и письменные консультации, экспертное сопровождение юридических и физических лиц по гражданским, уголовным и арбитражным делам.

Ващенко Ю.С.

ЭТИМОЛОГИЯ ПРАВОМОЧИЙ СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ТЕРМИНОВ ВЕЩНОГО ПРАВА

Цель: Исследование истории развития и становления правомочий собственности в системе вещного права в России и других правовых системах на материале базовых отраслевых значений и сопутствующих им терминов, с проведением семантико-правового анализа названных определений.

Методология: Использовались историко-политический, специально-юридический, этимологический и формально-логический методы исследования.

Результаты: Был проведён этимологический анализ отраслевых значений и сопутствующих им терминов в цивилистике, образующих основание конструкции собственности, где они служили (служат) правовыми ориентирами сложившихся правоотношений в системе вещного права. В результате исследования было установлено, что институт собственности далеко не всегда равнозначен как самому юридическому восприятию, так и лингвистическому прочтению правомочий.

Новизна/оригинальность/ценность: В ходе исследования основные термины института собственности рассматривались через призму их языковой и юридической составляющей, что позволило увидеть институт собственности в несколько ином прочтении.

Ключевые слова: ограниченные вещные права, собственность, право владения, право пользования, право распоряжения.

Vashchenko Y.S.

ETYMOLOGY OF THE POWERS OF THE PROPERTY IN THE TERMINOLOGY OF PROPERTY LAW

Purpose: To study the history of development and establishment of property rights in a system of property rights in Russia and other law and order in the material base of branch values and associated terms to conduct semantic and legal analysis of these definitions.

Methodology: The author used historical-political-legal specifically, etymological and formal-logical methods.

Results: We investigated the semantic framework concepts and the changes that have happened to them. The study found that the institution of property is not always straightforward as the very perception of the legal and linguistic reading powers.

Novelty/originality/value: In the course of the study, where basic terms the institution of property were considered through the prism of their linguistic and legal component, allowing to see the institution of property in a slightly different interpretation.

Keywords: limited property rights, property ownership of the right to use, the right of disposal.

Несмотря на достаточную проработанность института вещного права в трудах цивилистов, следует отметить, что законодательно он до сих пор не определён, хотя в разделе II Гражданского кодекса РФ произошло изменение, регулирующее вещные права. Сейчас его полное название – «Право собственности и другие вещные права». Более того, входящие в него гл. 17 и 18 детализированы уже в самом оглавлении, их содержание наполнено конкретикой, помимо устоявшегося названия «права собственности» содержатся наименования «и другие вещные права на землю» (в ред. ФЗ от 16 апреля 2001 г. № 45-ФЗ), «и другие вещные права на жилые помещения». Это, безусловно, способствует развитию системы вещных прав, содержание правомочий которых закреплено в статье 216 ГК РФ (в ред. от 31.01.14 по состоянию на 15.10.15), где и установлен перечень вещных прав владеющего не собственника. Их список включает только общие правила относительно самих вещных прав. Эти вещные права владею-

щего пользователя конкретного имущества, которые порождают для данного субъекта целый комплекс правомочий. Помимо традиционных правомочий они должны также включать в себя физический контроль и прямое воздействие на объекты материальных благ, их использование с сопутствующим правом управления имуществом и получения дохода. Названные правомочия, хотя и входят в систему правоотношений, складывающихся у собственника с пользователями, тем не менее, требуют уточнения и законодательного определения. Скажем, правообладание материальными благами, например природными ресурсами, совершается в соответствии с Законом РФ от 21.02.1992 № 2395 «О недрах» (ред. от 13.07.15), согласно ст. 7 которого собственник в лице государства, субъектов федерации или соответствующих муниципальных образований после проведения объявленного им конкурса предоставляет выигравшему его при наличии имеющейся лицензии участок недр на праве пользования. Пользовате-

ли-арендаторы, как временные собственники, нацелены на разработку и добычу полезных ископаемых. Пользуясь природной рентой, временные собственники получают доход. Добыча природных ресурсов в соответствии с нормами названного закона также требует соблюдения экологических правил, которые должны включать в себя и природное восполнение отработанных горнорудных пластов и карстовых образований. И это не просто консервация отработанных горнорудных пластов и газонефтяных скважин с их последующей рекультивацией и восстановлением природного ландшафта, а возмещение за использование потреблённых ресурсов, с заполнением образовавшихся пустот горной породой, шлаком или другим сыпучим веществом (всегда следует помнить о том, что природа не терпит пустоты).

Конечно, это затратный механизм, но надо думать и о будущих поколениях. Ничего подобного в самом законе «О недрах» нет, как и в Лесном кодексе, хотя использование леса тоже представляет собой предпринимательскую деятельность, которая осуществляется на землях лесного фонда в соответствии с ФЗ от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (в ред. от 13.07.2015). Но у нас, как правило, процесс восстановления лесов проходит как плановые мероприятия, обычно после лесных пожаров. А чтобы пользователь-арендатор после вырубki леса стал восстанавливать на лесных участках деревья, высаживая саженцы, такого в нормах Лесного кодекса не содержится, хотя действия пользователей по восстановлению природного экобаланса как раз и должны входить в сопутствующее субъективное право временного владельца, который не спешит им воспользоваться в полной мере, так как законодательно это нигде не отражено. Поэтому в правомочии пользования всегда должна присутствовать дополняемая правом обязанность в виде бремени содержания и необходимых мер по восстановлению. Так, согласно Толковому словарю В. Даля слово «бремя» обозначает «тяжесть, ноша, груз», нечто отягчающее и даже удручающее человека. В английском языке у этого слова есть языковой аналог, отвечающий его юридическому смыслу, *burden of contract* (бремя договора как обязанность его исполнения). В развитие этого понятия существует термин *tax barden* (налоговое бремя) [7]. Поэтому восстановление использованных природных недр можно рассматривать именно в качестве соответствующей обязанности. Отсюда несение необходимых расходов, связанных с обладанием арендуемыми участками,

их использованием и предоставленной собственником возможностью ими распорядиться. Конечно, срочность обладания природными объектами требует долгосрочных инвестиций от самого пользователя, которые могут быть определены сроком аренды и налоговыми преференциями со стороны законодателя.

Было бы вполне разумно и справедливо дополнить список вещных прав, закреплённых в ст. 216 ГК, сопутствующим правом (временного) пользования недрами и лесными участками.

Для того чтобы более полно раскрыть правовую природу правомочий собственности в структуре основных понятий, рассмотрим сопутствующие этой триаде иные термины и терминологизации. Обратимся к истокам вещного права, которое пришло к нам из республиканского Рима, где названный институт осуществлял юридическую связь лица с вещью *iura in re* (право на вещь) и закреплял её за конкретным правообладателем. Принадлежность вещи презюмировалась самим законом, а характер защиты был подкреплён постулатом *erga omnes* в том смысле, что она адресована ко всем и будет действовать в случае его нарушения «против всех». В гражданском праве России, воспринявшем римскую традицию через пандектную систему гражданского права германской группы, вещные права именовались «неполными правами собственности» (ст. 432 т. X ч. 1 Свода законов Российской империи), содержались они и в ГК РСФСР 1922 г., используются и в действующем сейчас гражданском кодексе.

Поэтому далеко не случайно в Концепции развития гражданского законодательства одним из направлений вещного права стало возрождение в отечественном законодательстве института владения и владельческой защиты.

По традиции цивилисты проводят разграничение между самой собственностью и ограниченными вещными правами по факту не только нахождения вещи (имущества), но и правомочий, отличных по объёму содержания, так и правомочий, имеющих и у самого собственника, и у обладателя вещного права. Это, конечно, не могло не отразиться на содержании самих правовых норм. Несмотря на то, что собственность предполагает наличие только управомоченного субъекта, наличие общей собственности является исключением из этого правила. Здесь сособственники связаны либо волеизъявлениями других собственников, либо, при отсутствии согласия хотя бы одного, судебным решением. Примером может служить ст. 247 ГК, где отчуждение доли участником по его распоряжению невозможно, так как не опре-

делены границы правомочий каждого из них, поэтому такие отношения не имеют своего юридического завершения. В случае общей (совместной) собственности (ст. 253 ГК) распорядиться вещью «по своей воле и в своём интересе» [12, 14] не представляется возможным, потому что нет собственника-господина, исключаяющего всех остальных и самолично распоряжающегося вещью.

Если исходить из содержания названных статей, одно условие множит другие, которые либо дополняют предыдущие, либо исключают их, либо отсылают к другим нормам или к соглашению самих участников, а при недостижении согласия идёт обращение в суд. Поэтому говорить о полноте правомочий собственника в праве распоряжения можно с большой натяжкой, что, несомненно, сужает круг их действия.

Следует обратить внимание на то, что собственность в экономическом понимании (отношение лица к вещи) наиболее полно удалось проработать экономистам, которые выделили два ключевых термина – присвоение и отчуждение (у К. Маркса в «К критике Готской программы» эти термины упоминаются едва ли не впервые) [9]. Присвоение – это завладение чужой вещью, самовольный перевод в свою собственность [11, с. 530]; глагол «присвоить» означает доведение действия до конечной цели, которая содержит всю полноту исчерпанности самого действия [13]; приблизиться к вещи (имуществу) настолько близко, что этот объект становится твоим. Антиподом присвоению является отчуждение, которое, в понимании того же С.И. Ожегова, означает «отбирать у кого-нибудь имущество в пользу государства, в частности, земельные участки, прилегающие к железной дороге» [11, с. 427], когда происходит прекращение и окончательное выполнение действия, связанное с переходом материальных объектов к новому собственнику.

Если приведённые примеры перевести на язык права, то отчуждение может происходить путём реквизиции на возмездных началах (ст. 242 ГК) или сопровождаться безвозмездной конфискацией имущества (ст. 243 ГК). Что касается смежных земельных участков, расположенных у железной дороги, то они в гражданском законодательстве легализованы в ст. 133¹ ГК как линейные объекты, входящие в единый недвижимый комплекс и объединённые одним назначением. Естественно, что они составляют с железнодорожной линией одно целое.

Интересы экономических школ перекрещивались с правовыми оценками восприятия и понимания института собственности. Поэтому в

самом римском праве для обозначения права собственности в экономическом смысле использовался термин «dominium», а в юридическом значении он воспринимался как «общее правовое господство лица над материальной вещью», которое обычно сопровождалось латинским постулатом «ex iure Quiritium» (буквально «по праву квиритов», т. е. римских граждан).

В более поздний период в XX веке экономистами разных школ был разработан «пакет» прав, куда свою лепту внёс британский юрист А. Оноре («пучок прав Оноре»). Он разработал перечень прав, включающий в себя 11 элементов, значительно отличающийся от привычной триады правомочий собственника. Собственность в представлении А. Оноре – это набор правомочий, которые в неодинаковых соотношениях и пропорциях распределяются между различными лицами. При этом не сами материальные блага с прочими ресурсами являются собственностью, а «обмен пучками прав собственности», где, по мысли того же А. Оноре, при ограниченности ресурсов на земле и доступа к ним бессмысленно вести разговор о собственности как таковой. Собственником может стать каждый, но если исходить из экономической теории прав собственности, то не сам ресурс является собственностью, а «пучок прав». Особенно если они к тебе переходят во временное владение и пользование (скажем, на праве аренды), то здесь следует говорить уже о некой конструкции, как временная собственность, которая полной и постоянной, тем более своей, никогда не станет, если аренду, конечно, не оформить с правом последующего выкупа арендуемого объекта. Отсюда, с точки зрения экономистов, триада правомочий – это далеко не полная собственность. К примеру, никакое государство никогда не передаст в собственность тот же шельф или свои недра другому государству, за исключением тех ресурсов, которые ничьи, и на них не существует никаких ограничений в плане доступа к использованию. Правда, назвать это собственностью нельзя, потому что собственность только тогда имеет свою реальную стоимость, если она включена в гражданский оборот (путём купли-продажи, поставки, аренды и пр.) [1].

В качестве примера, который подтверждает вышесказанное, можно привести следующий: в последнее время Россия заявила о своём желании освоить шельф арктического Севера, проводит там точечное бурение с целью разработки и последующей добычи углеводородов. Но не успели начать освоение, как тут же о своих территориальных притязаниях на земли Арктики заявили

США и ряд скандинавских стран. Действия государств напоминают нам героев-старателей из рассказов Джека Лондона, которые столбили земельные участки с золотоносными жилами на Аляске, обозначая их границы, и этими метками заявляли на них своё право собственности.

Продолжая разговор о собственности, перейдём к триаде правомочий собственности с характерным содержанием каждого из этих прав и его особенностями.

Традиционно на первом месте из имеющихся правомочий всегда стоит владение (*ius possidendi*), очень ёмкое понятие с большой семантической глубиной, которое при известных условиях могло рассматриваться как обеспеченное законом фактическое обладание вещью. Основанием владения может быть не только «право самого собственника, но и право другого собственника, включая отсутствие всякого права владеющего несобственника». Само право, имеющее римские корни, возникало по иным основаниям, например если человек приобрёл вещь у того лица, которое не могло продавать эту вещь, или она была краденой [6]. Это объясняется тем, что в древнеримском праве различали просто владение (*possession*) и фактическое обладание, т. е. «телесное» владение (*corpus possidendi*). Отсюда владение в Риме это не только фактическое обладание, но и желание воспользоваться вещью как своей. В известных случаях владение могло перерасти в собственность. Скажем, человек, получивший на временное хранение вещь, по факту обладающий ею (спрятал или закрыл на замок), не являлся её владельцем, а только был фактическим обладателем, держателем вещи (*detentor*). Но если фактический обладатель вещи решался её как-то использовать для себя (вещь при мне, она у меня «прижилась»), он превращался во владельца, причём незаконного, поэтому и считалось, что он совершил кражу.

Хотя у юристов есть и другие точки зрения. Так, Р. Иеринг считал, что в римском праве владение приравнивалось к фактическому обладанию. Однако римский юрист Ульпиан противопоставлял владение и собственность, говоря, что собственность не имеет ничего общего с владением (Дигесты, 41.2.12). У римского юриста были свои основания, которые и привели его к этому выводу.

Право собственности определялось как право пользования с правом приобретения и потребления тех же плодов, включая и право распоряжения. С принадлежностью вещи конкретному лицу (владеть можно только вещью, исходя из специфики объекта вещных прав) в нём также на-

ходило своё выражение состояние «присвоенности», физического обладания и власти над вещью. Это служит лишним доказательством сказанного Р. Иерингом: «Где нет собственности, там нет владения» [5].

Ошибочным было бы считать, что владение порождает для субъекта фактическое господство над вещью, так как, невзирая на то, что данное право исключает притязания на саму вещь всех третьих лиц, тем не менее, наш законодатель сознательно сам допускает притязания, исключить влияние которых полностью нельзя. Например, присутствующие в юридических текстах при сделках с юридическими лицами дефиниции «слияние» и «поглощение» (дружественное или недружественное) рассматриваются с применением института корпоративного договора, конструкции заверений об обстоятельствах, других устанавливающих право документов, на основании которых и создаётся правовая основа, порой оправдывающая отъём собственности у её законных владельцев.

Примером подобных действий может служить проблема процедуры принудительного выкупа акций у собственника-акционера, если размер пакета главного собственника достигает 95 %. Этот акционер имеет полное право принудительно затребовать выкуп бумаг (*squeeze-out*), которые остались на руках у акционеров, без их предварительного согласия. (см. ст. 84.4 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). Направив требование о выкупе всем остальным владельцам, он извещает их об условиях самой сделки. Сами держатели оставшихся у них бумаг имеют право предъявить требование о выкупе имеющихся в наличии акций. Вроде всё делается с соблюдением закона, но если мелкие владельцы не предъявят заявления о продаже своих акций (или не захотят), то их акции будут списаны и перейдут на счёт главного владельца. Конечно, они смогут получить свои деньги, которые будут храниться на депозите нотариуса, в месте нахождения самого акционерного общества [10].

Судебная арбитражная практика по делам, связанным с переходом акций, тоже не всегда однородная, она отражена в многочисленных судебных актах федеральных арбитражных судов. Но критерием решения по этим спорам является Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П, в котором он признал миноритарных акционеров слабой и зависимой стороной (интересно, кто их такими сделал?). Опираясь на постановление, одни арбитражные суды исходят

из интересов самого акционерного общества, где 100 % капитал даёт большие возможности для более эффективного управления. Другие, изучив законность требований истцов (в большинстве своём иски к главному акционеру подавались из-за заниженной стоимости самих акций), обязывали ответчика определять рыночную стоимость акций в его 100 % пакете. Точку в затянувшихся арбитражных спорах поставил ВАС РФ (Постановление Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 443/11), объяснив, что миноритарии нуждаются в особой судебной защите своих прав, так как принудительно лишились их.

Одно из самых распространённых в литературе определений данного правомочия владения всегда идёт в согласовании со словосочетанием «господство над вещью». Здесь следует привести точку зрения проф. Д.М. Генкина, что «понятие господства лица над вещью является нежелательным для правовой теории, рассматривающей отношения между людьми, а не отношения между людьми и вещами», так как в некоторых случаях «бывает трудно определить, существует ли в конкретном случае владение или нет» [16].

Тем не менее, Концепция развития гражданского законодательства предлагает в ГК РФ определить владение как «господство над вещью» (см. п. 1.2 подразд. 1 «Владения» разд. IV «Законодательство о вещных правах»).

Попробуем в этом разобраться, обратившись к этимологии слова «господство», которое известно нашему языку с XV века и встречается уже в Новгородских и Псковских грамотах. В них речь идёт о том, чем можно обладать: «взятых для владенья людей, земельных участков, где владение должно проходить по старым межам» и пр. Естественно, что владение должно подкрепляться не только объёмом имеющегося имущества, но и каким-нибудь правом на него, которое отсутствовало не только по причине его законодательного оформления, но и принадлежности к владельцу самого вещного права. В источниках древнего русского права вещи назывались «имением», оно составляло имущество богатых родовитых людей, состоявшее из «скота, челяди, вооружения, украшений одежды». Всё это во время непрерывных завоеваний быстро приходило и, особо не задерживаясь, выбывало из владения. Земля (земельные участки) особой ценности не представляла из-за огромных неосвоенных пространств, а деревянные дома легко можно было разобрать и продать по частям. Поэтому отсутствовало деление вещей на движимое и недвижимое имущество.

Правление Петра I запомнилось проведением многочисленных реформ, как в военной, так и мирной жизни, оставило свой правовой след в формировании будущего законодательства. При этом сам царь ничего частного не признавал, а на собственность своих подданных смотрел с позиции государственника: не хватает денег в казне – плати налог за ношение бороды, нет пушек в армии – так можно церковные колокола переплавить. Как правило, реформирование у царя Петра начиналось, когда возникали помехи для развития страны. Сохранились записи, когда государь даёт уничижительную характеристику правлению царевны Софии Алексеевны, которая «государством нашим стала владеть по своей воле, и в том владение стала противна знатым особам, а народу стала в тягость» [15, с. 209]. Отсюда «владение» и «владеть» постепенно переходит на территорию, на которую распространяется чья-либо власть. Появилось такое понятие, как «владенная грамота», издававшаяся по указу государя, которая с закрепощением дворовых людей переходила во власть, где «властвовать» означало «господствовать и править» [15, с. 210–211], т. е. владеть землями (территорией) и править людьми, их населяющими. Произошли перенос и соединение разновекторных, близких (и таких далёких) бинарных композиций (понятий), где одушевлённость лица и неодушевлённость вещи соединились в праве как два исходных момента всей цивилистики, – «фикция лица и фикция вещи», как активное и пассивное его начало [3].

Владимир Даль на корневую основу термина «владения» вышел через глагол «владеть», который понимал как «управлять полновластно, иметь в своей собственности, и называть по праву своим» [4, т. I, с. 212]. Для более полного этимологического анализа отглагольного существительного «владение», «владетель» (сюда же «власть», на укр. яз. «влада») следует обратиться к источникам И.И. Срезневского, который считал, что древнерусский язык (с дописменной эпохи) слова «володѣти», «володѣю», «волость» понимал как «власть», «право», позже (с XI в.) – «государство» и «страна», а ещё позже – «округ» [17, с. 156]. То есть государственное устройство страны подкреплялось властными полномочиями по управлению государством, опирающимися на право и закон. Даже в современных прибалтийских языках (литовском, латышском), а также в немецком, норвежском и исландском названные выше слова с небольшими фонетическими изменениями, включающие одну и ту же корневую основу слова – *vald*, имеют то же прочтение, которое дополня-

ется новыми смыслами, такими как «управлять», «причинять», «иметь силу» [17, с. 156–157].

Так что с языковой стороны доминирующий термин «господствовать» вполне себя оправдывает. Что же касается юридической составляющей владения, то данное правомочие порой ограничено по содержанию. Например, сложно себе представить владение одной и той же вещью одновременно у двух лиц – собственника, с одной стороны, и арендатора, нанимателя или иного пользователя – с другой. У первого – титульные права на вещь, а у других – право владения, достигнутое соглашением, сужено до «договорного владельца». Один владеет непосредственно, извлекая для себя полезные свойства вещи, другой владеет опосредованно через пользователя, не осуществляя свои правомочия фактически, он тем не менее не утрачивает свои правомочия как собственник [8].

Следует сказать, что «юридический владелец без освоения владения «пустой господин» *Ieerer Herr*, а настоящий собственник по праву свободы собственности тот, кто делает из неё употребление» [2, с. 160].

Здесь мы переходим ко второй составляющей правомочия собственности – «пользование», которое в литературе рассматривается как фактическое использование имущества путём извлечения из него полезных свойств (*ius utendi et ius fruendi*). Его связь с владением более чем наглядна, так как пользоваться можно только тем имуществом, которым ты владеешь. Более того, неиспользование имущества или его нецелевое использование может стать основанием прекращения данного права пользования (см. ст. 240, 241, 260, 284–286, 293 ГК).

Если обратиться к смысловой основе слова «пользования», это только подтверждает, что мы говорили, когда сравнивали его с «владением». Это не только «извлечение выгоды для себя из чего-нибудь, но и обладание чем-нибудь; иметь что-то» [11]. Владимир Даль, анализируя это значение, считал, что оно произошло от слова «польза» и близкого к нему «польга». Если первое означает «выгода, прибыль, барыш», то второе имело смысл «льгота, облегчение». Отсюда в пользовании синтезировались два смысла: извлекающий прибыль и приносящий пользу при использовании [4, т. IV, с. 267].

Близким, тесно связанным с использованием является правомочие «распоряжение» (*ius disponendi*), которое предполагает совершение с вещами (имуществом) различных юридически значимых действий, тех же сделок, совершение которых

позволит изменить «юридическую судьбу» вещи путём отчуждения, отказа, передачи, вплоть до уничтожения. В связи с чем меняется правообладатель-собственник (или иной пользователь), по желанию которого устанавливается правовой режим вещи и в итоге определяется её правовая принадлежность.

Семантико-грамматическая сторона термина «распоряжение» осложнена дихотомией его понимания. Практически все словарные источники сводят эту дефиницию к функции управления, принятию решения, с последующей отдачей приказа по определению судьбы имущества, заботясь об устройстве, использовании и применении его другим лицом в дальнейшем. Здесь властно-распорядительная модель подкрепляется правоустанавливающими документами. Так, в административном и конституционном праве это акт управления, имеющий властный и волевой характер. Издают его либо управомоченный на его издание орган, государственный либо какой-нибудь иной орган или субъект (должностное лицо) управленческой деятельности в пределах своей компетенции. В гражданском праве собственник вещи или имущества, а также субъекты прав оперативного управления или хозяйственного ведения, имея возможность реализовать имущество, включают его в гражданский оборот (путём купли-продажи, дарения, поставки и др.). Распоряжаясь вещью путём отчуждения, они определяют её юридическую судьбу.

Что касается этимологии, то «распоряжение» ведёт своё начало от глагола «распоряжать (распорядить)», что при всей многозначности его прочтения понимается как «править, управлять, принимать мѣры, отдавать приказанья», а вот производное от них слово «распорядничать» воспринимается как «распоряжаться и хозяйничать, заводить порядок» [4, т. IV, с. 70]. Само слово «порядок» многозначное, применительно к нашему случаю оно включает в себя «торговый ряд, уговоръ, условье и сдѣлку» [4, т. III, с. 328].

В первом случае это соотносится с административно-конституционным началом, а во втором вполне укладывается в гражданско-распорядительную модель отношений.

Данное правомочие очень замкнуто на юридическом значении собственности, так как определить юридическую судьбу имущества без установленной процедуры (самого порядка), которая определяется нормами Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», без соответствующей

регистрации права собственности на конкретное имущество не представляется возможным.

В заключение статьи следует признать, что подходы и взгляды на имеющиеся правомочия собственности как с юридической, так и языковой стороны, достаточно устоявшиеся и традиционные. Даже несмотря на некоторые расхождения правового и смыслообразующего значения терминов, особых противоречий между отраслевыми знаниями нет.

В любом случае при утрате имущества или выбытии из правообладания собственника помимо его желания право собственности на данное имущество у него остаётся, ибо в данном случае «основание собственности (своего) – это возвращение вещи к собственности (своему)» [2, с. 159].

И, пожалуй, самое главное: именно собственность делает человека ответственным, формирует и создаёт его.

Пристатейный библиографический список

1. Onore A. Ownership // Oxford Essays in Jurisprudence / ed. by A.W. Guest. Oxford, 1961. P. 112–128.
2. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012.
3. Грешников И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 7.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981.
5. Иеринг Р. Об основании защиты владения. М., 1992. С. 116.
6. Крузалова Л.В. Римское частное право. 2-е изд. СПб., 2009. С. 124.
7. Кузнецова Л.В. Вещные права на имущество и бремя его содержания // Вещные права: постановка проблемы и её решение: сб. статей. М.: Статут, 2011. С. 14.
8. Латыев А.Н. О владении по Концепции развития гражданского законодательства // Вещные права: постановка проблемы и её решение: сб. статей. М.: Статут, 2011. С. 64–66.
9. Маркс К. К критике политической экономии. М.: Мысль, 1962.
10. Обращение акций в акционерном обществе [Электронный ресурс]. URL: BiznesLuxe.ru.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. С. 494.
12. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М., 2002. С. 586.
13. Потиха З.А. Строение русского слова. М.: Русский язык, 1981. С. 286–287.

14. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 167.

15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (В – Волога). М.: Наука, 1975. С. 209.

16. Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. Уфа: Изд. Уфимского юридического института МВД РФ, 2000. С. 103.

17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 8-е изд. М., 2007. Т. 1. С. 156–157.

References (transliterated)

1. Onore A. Ownership // Oxford Essays in Jurisprudence / ed. by A.W. Guest. Oxford, 1961. P. 112–128.
2. Bibihin V.V. Sobstvennost'. Filosofija svoego. SPb.: Nauka, 2012.
3. Greshnikov I.P. Sub#ekty grazhdanskogo prava: juridicheskoe lico v prave i zakonodatel'stve. SPb.: Jurid. centr Press, 2002. S. 7.
4. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1981.
5. Iering R. Ob osnovanii zashhity vladenija. M., 1992. S. 116.
6. Kruzhalova L.V. Rimskoe chastnoe pravo. 2-e izd. SPb., 2009. S. 124.
7. Kuznecova L.V. Veshhnye prava na imushhestvo i bremja ego soderzhaniya // Veshhnye prava: postanovka problemy i ejo reshenie: sb. statej. M.: Statut, 2011. S. 14.
8. Latyev A.N. O vladenii po Konceptii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva // Veshhnye prava: postanovka problemy i ejo reshenie: sb. statej. M.: Statut, 2011. S. 64–66.
9. Marks K. K kritike politicheskoy jekonomii. M.: Mysl', 1962.
10. Obrashhenie akcij v akcionernom obshhestve [Elektronnyj resurs]. URL: BiznesLuxe.ru.
11. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1981. S. 494.
12. Pobedonoscev K.P. Kurs grazhdanskogo prava. M., 2002. S. 586.
13. Potiha Z.A. Stroenie russkogo slova. M.: Russkij jazyk, 1981. S. 286–287.
14. Sklovskij K.I. Sobstvennost' v grazhdanskom prave. M.: Statut, 1999. S. 167.
15. Slovar' russkogo jazyka XI–HVII vv. Vyp. 2 (V – Vologa). M.: Nauka, 1975. S. 209.
16. Tarhov V.A., Rybakov V.A. Sobstvennost' i pravo sobstvennosti. Ufa: Izd. Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD RF, 2000. S. 103.
17. Chernyh P.Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka. 8-e izd. M., 2007. T. 1. S. 156–157.

Цель: Исследование вопросов создания туристской организации, учредительного документа туристской организации – устава в целях определения его содержания.

Методология: Использовались историко-правовой, социологический и формально-юридический методы.

Результаты: В статье сделан вывод о том, что создание туристской организации предполагает определенную последовательность действий, включающую несколько этапов: определение целей деятельности организации; выбор организационно-правовой формы; определение организационной структуры управления туристской организации; разработка учредительных документов, государственная регистрация и организационное оформление.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть вопросы создания туристской организации, содержание устава туристской организации в Российской Федерации.

Ключевые слова: туристская организация, устав туристской организации.

Purpose: A research of questions of creation of tourism organization, the constituent document of tourism organization – the charter for determination of its content.

Methodology: Historical and legal, sociological and formally legal methods were used.

Results: In article the conclusion is drawn that the organization of activity of tourism organization of activity assume the certain sequence of actions including several stages: definition is more whole than activity of the organization; legal form choice; definition of organizational structure of management of tourism organization; development of constituent documents, state registration and organizational registration of the organization.

Novelty/originality/value: Article has the scientific value as is one of the first attempts to consider questions of creation of tourism organization, contents of the charter of tourism organization in the Russian Federation.

Keywords: tourism organization, charter of tourism organization.

В доктрине, охватывающей сферу туризма в России, туристская деятельность рассматривается как вид предпринимательской деятельности. Так, А.А. Муталиева отмечает, что туристской деятельности присущи все признаки предпринимательства, предусмотренные ст. 2 ГК РФ: самостоятельность деятельности, осуществление деятельности на свой риск, направленность на систематическое получение прибыли от оказания туристских услуг, государственная регистрация субъектов туристской деятельности [6].

Однако российское законодательство не содержит прямого указания на то, что туристская деятельность является предпринимательской. Это вытекает из анализа нормы ст. 11 Федерального закона 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [4] (далее – Закон о туристской деятельности), регламентирующей возможность объединения туроператоров и турагентов в целях координации их предпринимательской деятельности [6, с. 99].

По мнению А.Е. Толстой, туристская деятельность является разновидностью предпринимательской деятельности по формированию,

продвижению и реализации комплексной туристской услуги, а также оказанию иных индивидуальных услуг в сфере туризма, необходимых в процессе оказания комплексной туристской услуги, но не входящих в ее состав [9]. Е.Л. Писаревский определяет туристскую деятельность как вид предпринимательской деятельности по предоставлению комплексной туристской услуги (турпродукта), а также оказанию иных индивидуальных услуг в сфере туризма [7].

Таким образом, туристская деятельность является разновидностью предпринимательской деятельности, направленной на предоставление туристских услуг и оказание иных индивидуальных услуг в сфере туризма.

Законодатель рассматривает туризм как вид предпринимательской деятельности. Отношения в сфере оказания туристических услуг впервые на законодательном уровне были урегулированы в гл. 39 ч. 2 ГК РФ («Возмездное оказание услуг»), где в п. 2 ст. 779 ГК РФ прямо указаны услуги по туристическому обслуживанию.

Таким образом, ГК РФ послужил отправной точкой обновления и развития законодательства России, в том числе касающегося предпри-

нимательской деятельности туристических организаций. Однако помимо ГК РФ к основным законодательным источникам правового регулирования туристской деятельности принято относить следующие нормативные акты: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», определяющий ответственность за предоставление туристских услуг ненадлежащего качества, Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 14-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», содержащий нормы и правила соблюдения туристских формальностей в случае пересечения туристами государственной границы и др.

В настоящее время действует множество подзаконных актов, устанавливающих и регулирующих организацию деятельности туристских организаций, например, Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 июля 2010 г. № 1230-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» (2011–2016 годы), Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2011 г. № 644 «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» (2011–2018 годы), Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 901 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве по туризму» и другие.

В субъектах Российской Федерации принимаются нормативные правовые акты, долгосрочные целевые программы с целью формирования на территории субъекта эффективной туристской индустрии, способствующей социально-экономическому развитию области за счет увеличения налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, а также сохранения и рационального использования природно-рекреационного и культурно-исторического потенциала, например, Закон Камчатского края от 22 сентября 2008 г. № 129 «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Камчатском крае», Постановление Правительства Камчатского края от 16 июля 2010 г. № 319-П «Об утверждении Положения об условиях предоставления государственной поддержки инвестиционной деятельности в Камчатском крае в форме финансовых мер инвестиционным проектам, реализуемым на территории Камчатского края, направленным на реализацию основных направлений социально-экономического развития Камчатского края». В Камчатском крае принят Проект Стратегии развития туризма до 2025 г.

В соответствии со ст. 3 Закона о туристской деятельности эта деятельность внесена в число приоритетных отраслей экономики России. Концепция развития туризма в России предполагает совершенствование действующего законодательства о нем. В связи с этим резко возрастает значимость повышения эффективности правового регулирования общественных отношений, связанных с туристской деятельностью [10].

Поскольку именно коммерческие организации занимают определяющее место в экономике современного государства, значительное внимание должно быть уделено изучению правосубъектности туристских организаций, созданных в форме коммерческих юридических лиц.

По мнению Т.Т. Сунарчиной, одним из наиболее важных условий ведения эффективной коммерческой деятельности туристской организации является выбор оптимальной организационно-правовой формы. Поэтому необходимо обратить внимание на изучение организационных основ функционирования субъектов предпринимательской деятельности в туризме [8]. По мнению исследователя, туристская фирма – созданное в предусмотренной ГК РФ организационно-правовой форме юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, которое на основании лицензии осуществляет предпринимательскую деятельность по формированию и / или продвижению и реализации комплексных туристских услуг.

Наиболее распространенная организационно-правовая форма ведения туристской деятельности – общество с ограниченной ответственностью. Таким образом, законодательство о туристской деятельности является составной частью коммерческого законодательства, например, Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3] (далее – Закон об ООО).

Для государственной регистрации туристской организации в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью необходимо в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [2] (далее – Закон о государственной регистрации юридических лиц) представить в регистрирующий орган следующие документы:

а) подписанное заявителем заявление о государственной регистрации по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти;

б) решение о создании юридического лица в виде протокола, договора или иного документа в соответствии с законодательством Российской Федерации;

в) учредительные документы юридического лица.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 52 Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [1] для государственной регистрации юридических лиц могут использоваться типовые уставы, формы которых утверждаются уполномоченным государственным органом в порядке, установленном Законом о государственной регистрации юридических лиц.

В основе этой новации лежит мнение о том, что разработка типовых уставов будет выгодна как регистрирующим органам, которым не придется проверять соответствие предоставленных «эксклюзивных» уставов действующим требованиям, так и участникам таких обществ, поскольку они смогут обойтись без помощи юридических консультантов для разработки уставов. Контрагентам обществ с типовыми уставами также не придется проверять уставы таких организаций с целью выявить в них ограничения на совершение сделок, которые впоследствии могут стать основанием для оспаривания договоров.

Несколько лет назад автором было проведено анкетирование предпринимателей Камчатского края и Сахалинской области. Цель анкетирования заключалась в выявлении знаний учредителей о содержании устава. В анкетировании приняло участие 50 учредителей. Респондентам требовалось ответить на несколько вопросов: о знании норм законодательства; о содержании устава; о значении императивной и диспозитивной нормы устава; о целесообразности использования только императивных норм в уставе; о причинах использования только императивных норм в уставе при его разработке; о проблемах, которые могут возникнуть при разработке устава и др. 20 % респондентов ответили, что устав был разработан штатным юристом, у 20 % устав разрабатывался привлеченным специалистом с юридическим образованием, 60 % ответили, что у них типовой устав из Интернета.

В общетеоретическом значении эмпирические исследования показали, что большинство учредителей обществ с ограниченной ответственностью не имеют представления о содержатель-

ной части разрабатываемого ими учредительного документа в силу малой информационной обеспеченности в данной области. Поэтому для большинства из них типовой устав будет «удобен»;

г) выписка из реестра иностранных юридических лиц соответствующей страны происхождения или иное равное по юридической силе доказательство юридического статуса иностранного юридического лица – учредителя;

д) документ об уплате государственной пошлины.

Государственная регистрация осуществляется в срок не более чем пять рабочих дней со дня предоставления документов в регистрирующий орган.

Не можем не согласиться с теми авторами, которые отмечают, что установление пятидневного срока предоставления сведений государственного реестра и пятидневного срока самой регистрации, безусловно, служит позитивным изменением соответствующего правового режима, отвечает современным потребностям деловой жизни и во многом устраняет те недостатки в данном вопросе, на которые справедливо указывали практикующие юристы [11, с. 99].

Следует отметить, что в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2015 г. № 707-р в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (в части сокращения срока государственной регистрации)». Законопроектом предусматривается сокращение сроков и облегчение процедуры государственной регистрации при создании юридического лица. Эти сроки сокращаются с пяти до трёх дней. Законопроект призван способствовать созданию благоприятной среды для открытия бизнеса и привлечения иностранных инвестиций.

Таким образом, в настоящее время мы можем констатировать, что нововведения, касающиеся государственной регистрации юридических лиц, будут способствовать оптимизации процедуры представления документов в регистрирующий орган, ускорению процесса государственной регистрации юридических лиц в Российской Федерации и, как следствие, увеличению количества создаваемых организаций.

Устав общества является учредительным документом общества.

Устав закрепляет основные положения, касающиеся деятельности общества (организацион-

но-правовую форму, название и место нахождения, размер уставного капитала, цели и задачи, стоящие перед юридическим лицом, структуру органов управления и их компетенцию), и многие другие, поэтому устав общества является как базовым источником правил, регулирующих складывающиеся в обществе внутриорганизационные отношения, так и источником информации о юридическом лице для вступающих с ним в правоотношения других субъектов гражданского права, публично-правовых образований.

Пункт 2 ст. 12 Закона об ООО предусматривает обязательные требования к содержанию устава общества и допускает возможность включения в него иных, помимо обязательных, сведений, не противоречащих федеральным законам. Устав общества должен содержать:

- полное и сокращенное фирменное наименование общества;
- сведения о месте нахождения общества;
- сведения о составе и компетенции органов общества, в том числе о вопросах, составляющих исключительную компетенцию общего собрания участников общества, о порядке принятия органами общества решений, в том числе о вопросах, решения по которым принимаются единогласно или квалифицированным большинством голосов;
- сведения о размере уставного капитала общества;
- права и обязанности участников общества;
- сведения о порядке и последствиях выхода участника из общества, если право на выход из общества предусмотрено уставом общества;
- сведения о порядке перехода доли или части доли в уставном капитале общества к другому лицу;
- сведения о порядке хранения документов общества и о порядке предоставления обществом информации участникам общества и другим лицам;
- иные сведения, предусмотренные настоящим Федеральным законом.

Кроме того, в Законе об ООО содержится множество диспозитивных норм, предоставляющих учредителям общества право (но не обязывающих их) включить в устав определенные дополнительные правила, например:

- предмет и цели деятельности (ст. 2 Закона об ООО). Уставом определен довольно обширный перечень видов деятельности создаваемой компании, но главной целью является расширение рынка товаров и услуг. Так, например, цель ООО «Долче Вита» (г. Москва): оказание услуг по туризму, гостиничных, культурно-зрелищных,

спортивно-оздоровительных, экскурсионных, транспортных, рекламных, сервисных и переводческих услуг; оформление в установленном порядке туристских или проездных документов, виз в иностранных посольствах. Цель ООО «Тихая Радость» (Астраханская область): рыболовно-охотничий туризм; организация туризма, в том числе экскурсий и других культурных мероприятий.

Для достижения вышеуказанных целей общество в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляет следующие виды деятельности: реализация туристских и экскурсионных услуг; туристский отдых и путешествия по туристским маршрутам; туристские походы выходного дня; проведение мероприятий по спелеотуризму; рекламно-информационные услуги туристских предприятий и организаций; экскурсии обзорные; экскурсии тематические;

- срок существования общества (ст. 2 Закона об ООО);
- дополнительные права участника (участников) общества (ст. 8 Закона об ООО);
- дополнительные права, предоставленные определенному участнику общества (ст. 8 Закона об ООО);
- порядок получения участниками общества информации о деятельности общества, ознакомления с его бухгалтерскими книгами и иной документацией (ст. 8 Закона об ООО);
- дополнительные обязанности участников общества (ст. 9 Закона об ООО);
- дополнительные обязанности определенного участника общества; решение о включении в устав такого положения принимается двумя третями голосов при наличии письменного согласия этого участника, решение об исключении – единогласно (ст. 9 Закона об ООО);
- максимальный размер доли в уставном капитале (ст. 14 Закона об ООО);
- ограничения на изменения соотношения долей в уставном капитале (ст. 14 Закона об ООО);
- виды имущества, которым не может быть оплачена доля в уставный капитал (ст. 15 Закона об ООО);
- право голоса в пределах неоплаченной части доли в уставном капитале (ст. 16 Закона об ООО);
- запрет на увеличение уставного капитала за счет вкладов третьих лиц, принимаемых в общество (ст. 17 Закона об ООО);
- срок внесения участниками дополнительных вкладов с момента принятия решения об увеличении уставного капитала (ст. 19 Закона об ООО);

– запрет на продажу либо отчуждение иным образом доли или части доли в уставном капитале общества третьим лицам (ст. 21 Закона об ООО);

– согласие других участников общества или общества на совершение продажи или осуществление отчуждения иным образом своей доли или части доли в уставном капитале одному или нескольким участникам данного общества (ст. 21 Закона об ООО);

– особый порядок осуществления преимущественного права покупки доли или части доли (ст. 21 Закона об ООО) и множество других.

При данном обстоятельстве разработчики учредительных документов зачастую ограничиваются учётом нормативных предписаний ст. 12 Закона об ООО, содержащей специальные нормы, определяющие содержание устава общества.

Как следствие, подготовленные таким образом учредительные документы туристской организации, на наш взгляд, не раскрывают весьма значительной части требуемого содержания уставов туристской организации и существенно ограничивают правовое поле деятельности турфирмы [5].

Таким образом, создание туристской организации и организация ее деятельности предполагают определенную последовательность действий, включающую несколько этапов: определение целей деятельности организации; выбор организационно-правовой формы; определение организационной структуры управления туристской организации; разработка учредительных документов, государственная регистрация и организационное оформление организации.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.
2. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ч. I. Ст. 3431.
3. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
4. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.
5. Барсукова Л.И. Гражданско-правовая характеристика учредительных документов: монография / под

ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Долинской. Петропавловск-Камчатский: КамГУ имени Витуса Беринга, 2014.

6. Муталиева А.А. Проблемы правового регулирования туристской деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 2. С. 99.

7. Писаревский Е.Л. Правовое регулирование туристской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

8. Сунарчина Т.Т. Гражданская правосубъектность коммерческих туристских организаций в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

9. Толстова А.Е. Гражданско-правовое регулирование оказания туристских услуг в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

10. Чененов Ю.А. Гражданско-правовое регулирование туристской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

11. Шишанин А., Гривков О. Как избежать ошибок при выборе способа прекращения обязательств // Хозяйство и право. 2001. № 6. С. 99.

References (transliterated)

1. Federal'nyj zakon ot 5 maja 2014 g. № 99-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 19. St. 2304.
2. Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2001 g. № 129-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 33. Ch. I. St. 3431.
3. Federal'nyj zakon ot 8 fevralja 1998 g. № 14-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 7. St. 785.
4. Federal'nyj zakon ot 24 nojabrja 1996 g. № 132-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 49. St. 5491.
5. Barsukova L.I. Grazhdansko-pravovaja harakteristika uchreditel'nyh dokumentov: monografija / pod red. d-ra jurid. nauk, prof. V.V. Dolinskoj. Petropavlovsk-Kamchatskij: KamGU imeni Vitusa Beringa, 2014.
6. Mutaljeva A.A. Problemy pravovogo regulirovanija turistskoj dejatel'nosti // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2010. № 2. S. 99.
7. Pisarevskij E.L. Pravovoe regulirovanie turistskoj dejatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 1999.
8. Sunarchina T.T. Grazhdanskaja pravosub#ektnost' kommercheskih turistskih organizacij v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005.
9. Tolstova A.E. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie okazanija turistskih uslug v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2004.
10. Chenenov Ju.A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie turistskoj dejatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2003.
11. Shishanin A., Grivkov O. Kak izbezhat' oshibok pri vybore sposoba prekrashhenija objazatel'stv // Hozjajstvo i pravo. 2001. № 6. S. 99.

Чёрная О.О.

КАТЕГОРИЯ «ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ» В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Цель: Исследование категории «организационно-правовой механизм» в контексте защиты субъектов правоотношений.

Методология: Использовались формально-юридический, юридико-лингвистический методы научного познания.

Результаты: В статье рассматривается категория «организационно-правовой механизм» в контексте защиты субъектов правоотношений. Проведен анализ термина «механизм» применительно к государственно-правовым явлениям.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью. Автором формулируется определение организационно-правового механизма защиты – это открытая динамическая система институтов (правовых норм и адекватных им организаций), обеспечивающих права и законные интересы субъектов, основой которой являются социально активные индивиды-участники соответствующих общественных отношений.

Ключевые слова: организационно-правовой механизм, правовое регулирование, определение, значение, правовые явления.

Chernaya O.O.

CATEGORY «ORGANIZATIONAL LEGAL MECHANISM» IN THE CONTEXT OF PROTECTION OF SUBJECTS OF LEGAL RELATIONSHIP

Purpose: Research of the category «organizational legal mechanism» in the context of protection of subjects of legal relationship.

Methodology: Formally-legal, juridical-linguistic methods of scientific knowledge were used.

Results: The article analyzes the category «organizational legal mechanism» in the context of protection of subjects of legal relationship. The analysis of the term «mechanism» in relation to the state and legal phenomena is carried out.

Novelty/originality/value: Article has high scientific value. The author formulates definition of an organizational legal mechanism of protection – it is open dynamic system of the institutes (precepts of law and the organizations adequate to them) providing the rights and legitimate interests of subjects, a basis which socially active individuals-participants of the corresponding public relations.

Keywords: organizational legal mechanism, legal regulation, definition, value, legal phenomena.

В настоящее время в юриспруденции активно применяется категория «организационно-правовой механизм», позволяющая, как думается, адекватно выразить всю глубину и полноту реальной правовой жизни в соответствующих сферах общественных отношений.

Отметим, что термин «механизм» применительно к государственно-властным явлениям встречается в правовой литературе уже в начале XX в. Например, французский исследователь М. Леруа писал о механизме административных учреждений и критиковал «тайный механизм государства», в котором «скрываются власть, произвол, безответственность и некомпетентность» [7].

Вместе с тем, термин «механизм» применительно к государственно-правовым явлениям нуждается в точном определении.

Это обусловлено, прежде всего, различными значениями слова «механизм» и относительно недавним его употреблением в русском языке без какого-либо переносного смысла в отношении различных общественных процессов.

Так, у В.И. Даля «механизм» – это исключительно «машинное устройство» [4]. Проходит время, и С.И. Ожегов раскрывает основное значение слова «механизм» как «внутреннее устройство машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие»; только к этому значению применимо прилагательное «механический». Однако С.И. Ожегов фиксирует и переносное значение, где «механизм» – «система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности», например «государственный механизм». Это ещё не обязательное употребление слова, не основное, а расширительное, скорее индивидуальное или метафорическое, но оно уже существует [10].

Современное словоупотребление гораздо шире. Большой толковый словарь русского языка, подготовленный в Институте лингвистических исследований РАН, так раскрывает его значение: механизм (от греч. «машина, орудие»): 1. Совокупность подвижно соединенных частей, совершающих под действием приложенных сил заданные движения; устройство машины, при-

бора, аппарата и т. п.; 2. (чего и с определением) Внутреннее устройство, система чего-либо (государственный механизм, механизм власти); 3. разговорное – Методика; 4. (чего) Совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо физическое, химическое, физиологическое и т. п. явление [2].

Таким образом, в современном понимании применительно к государственно-правовым явлениям механизм – это система, то есть совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, определяющая порядок той или иной юридически-значимой деятельности.

В области юриспруденции невнимание к точному определению понятия «механизм» привело к тому, что само использование этого термина иногда воспринимается как попытка рецидива механицизма (то есть метода познания, признающего механическую форму движения материи единственно объективной: «мир есть машина») [12]. Однако при таком подходе можно прийти к выводам о возможности исследования правовых явлений лишь на основе механицизма и праве как «машинном устройстве», что неверно.

Г.В. Мальцев отмечал, что, исходя из механико-математических научных парадигм XVIII в., в юридической науке утверждался своего рода «конструктивизм, в котором отразился общий взгляд на мир как рационализированную машину, действующую по законам ньютоновской механики. Слова «юридический механизм», «механизмы юридического регулирования, право творчества, правоприменения» сегодня занимают почтенное место в лексиконе юриста. Его нисколько не смущает механический характер юридико-институциональных устройств, напротив, он видит в них то, чего сильно не хватает сложной, хаотизированной, текучей реальности, – четких соотношений по заданной схеме, движения элементов согласно рассчитанному вектору (...). Если о конституции либо о юридическом институте говорят, что они «работают как часы», то это высокая похвала их создателям. В практическом плане образ часового механизма как идеала для правового регулирования, действия правовой системы весьма привлекателен. Но есть одно обстоятельство, которое в теоретико-методологическом смысле делает этот образ неудобным для права: он оставляет в стороне существование последнего в качестве сверхсложной динамической системы, буквально растающей в свою социальную среду, способной при известных условиях самонастраиваться и саморазвиваться» [8].

Заметим, что подобное отношение к человеческой деятельности отстаивал и выдающийся отечественный мыслитель, академик Г.И. Вернадский, который писал: «Человек как всякое живое природное (или естественное) тело неразрывно связан с определенной геологической оболочкой нашей планеты – биосферой, резко отличной от других ее оболочек, строение которой определяется ее своеобразной организованностью и которая занимает в ней как обособленная часть целого закономерно выражаемое место. Живое вещество, так же как и биосфера, обладает своей особой организованностью и может быть рассматриваемо как закономерно выражаемая функция биосферы. Организованность не есть механизм. Организованность резко отличается от механизма тем, что она находится непрерывно в становлении, в движении всех ее самых мельчайших материальных и энергетических частиц. В ходе времени – в обобщениях механики и в упрощенной модели – мы можем выразить организованность так, что никогда ни одна из ее точек (материальная или энергетическая) не возвращается закономерно, не попадает в то же место, в ту же точку биосферы, в какой когда-нибудь была раньше. Она может в нее вернуться лишь в порядке математической случайности, очень малой вероятности» [3].

Применение же в правоведении общей теории систем, как указывает Г.В. Мальцев, приводит к выводу о том, что «право, правовое регулирование – это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединенных элементов, приводимых в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но открытая динамическая система, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной. (...) Под воздействием системного подхода (...) юрист научился придавать серьезное значение вероятностному развитию событий, санкционировать и обеспечивать их нормальный, естественный ход там, где раньше он стремился извне управлять процессами по четко заданной программе. В результате этого методика правового регулирования стала более разнообразной и гибкой, в практику входят новые «свободные» правовые формы, расширяется действие принципа диспозитивности, усиливается начало интерактивности во взаимодействии юридических субъектов» [8].

Тем не менее, попытки объяснить «правовой механизм» в духе механицизма (или, по Г.В. Мальцеву, «конструктивизма») имеют место.

В частности, исследуя судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека, А.И. Рулев пишет: «Механизм определяется как устройство или приспособление, которое функционирует автоматически, в силу своей внутренней конструкции, не обладает свободой выбора и поэтому дает в высокой степени ожидаемый и гарантированный результат. Разумеется, правовые механизмы по своей социальной природе никоим образом не могут быть «очищены» от человеческой субъективности, поскольку базируются исключительно на активности конкретных лиц и социальных групп» [11]. В данном рассуждении налицо смешение различных смысловых значений слова «механизм», на что мы и указывали выше.

А.И. Рулев дает следующее определение исследуемого им явления: «Механизм защиты прав человека – это динамическая система факторов, обеспечивающих устранение незаконных препятствий при осуществлении юридически закрепленных социальных возможностей индивида. В структурную модель механизма входят: управомоченный субъект, правосознание управомоченного субъекта, нормативно-правовое основание, выбор способа защиты нарушенного права, действия управомоченного субъекта по защите своих прав, субъект, содействующий защите нарушенного права (государственные органы, общественные организации, международные организации и др.), компетенция субъекта, содействующего защите права, правосознание лиц, содействующих защите права, действия органов и организаций, содействующих защите права (юридическая квалификация, принятие решения, реализация мер защиты), результат защиты права» [11].

Обратим внимание, что А.И. Рулев говорит об «устранении незаконных препятствий», способе «защиты нарушенного права», то есть применяет термин «защита» лишь в аспекте восстановления права после совершенного деликта. Однако вызывает сомнение не столько ограниченность цели функционирования, но и суть такого механизма. Прежде всего, примененное А.И. Рулевым слово «фактор» означает «существенное обстоятельство, способствующее какому-либо процессу, явлению» [2]. Следовательно, речь идет о некоей «системе обстоятельств», к которым, по А.И. Рулеву, относятся и субъект, и законодательство («нормативно-правовое основание»), действия субъекта и правозащитных организаций, их правосознание и результат защиты. С таким подходом трудно согласиться, так как субъекты правоотношений не могут рассматриваться как не более чем «об-

стоятельства, способствующие устранению препятствий»; вряд ли в данном контексте обоснован и «отрыв» правосознания от его носителя.

В работе К.Д. Шаймарданова конституционно-правовой механизм защиты основных прав человека и гражданина рассматривается как гарантированная конституционным законодательством система общепризнанных внутригосударственных и межгосударственных институтов, действие и взаимодействие которых направлено на предотвращение нарушений основных прав человека и гражданина или их восстановление в случае нарушения, а равно и возмещение вреда, причиненного нарушением; по структуре он представляет собой систему органов, в которую входят внутригосударственный механизм и межгосударственный механизм [17]. В этом определении законодательство выводится за пределы собственно механизма защиты (оно только его «гарантия»); механизм же – это система относительно самостоятельных органов, образующих отдельные механизмы защиты.

По существу, К.Д. Шаймарданов сводит конституционно-правовой механизм защиты к тому явлению, которое определяется рядом ученых как «механизм государства» (В.Д. Корельский, В.М. Сырых, В.Н. Хропанюк и др.) [6, 13, 15] либо, без применения этой дефиниции, как система государственных органов, практически осуществляющих функции государства (В.Е. Чиркин, Ю.А. Тихомиров) [14, 16], в данном случае функцию правозащиты.

Категория «организационно-правовой механизм» используется и при характеристике других правовых явлений. Например, Е.В. Марьин, анализируя организационно-правовой механизм экологического аудита, пишет, что под таковым «следует понимать совокупность принципов, управленческих процедур и механизма правового регулирования отношений по организации и осуществлению экологического аудита, направленных на охрану окружающей среды и рациональное, эффективное использование природных ресурсов, а также на достижение экологической безопасности при осуществлении хозяйственной и иной деятельности» [9]. Таким образом, Е.В. Марьин в понятие организационно-правового механизма исследуемого им явления включает: принципы; управленческие процедуры; механизм правового регулирования соответствующих отношений; цели применения вышеуказанных элементов.

Исследуя проблемы защиты интересов Российской Федерации, В.П. Иванов указывает, что

организационно-правовой механизм обеспечения государственных интересов «представляет собой систему юридических форм и методов декларирования и отстаивания интересов государства посредством взаимообусловленного и взаимодействующего функционирования государственного аппарата, наделенного соответствующими полномочиями в соответствии с принципом разделения властей» [5].

В целом же можно констатировать, что в понятие организационно-правового механизма учёные включают то элементы механизма государства, то элементы механизма правового регулирования [1].

Представляется, что, будучи сложной динамической системой, функционирующей в условиях рисков и социальной энтропии, организационно-правовой механизм сочетает элементы механизма государства и механизма правового регулирования, представляя собой совокупность правовых предписаний (законодательство в широком смысле) и наделенных соответствующей компетенцией государственных органов, реализующих эти предписания в той или иной юридически значимой деятельности.

В свою очередь, организационно-правовой механизм защиты – это открытая динамическая система институтов (правовых норм и адекватных им организаций), обеспечивающих права и законные интересы субъектов, основой которой являются социально активные индивиды – участники соответствующих общественных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: НОРМА, 2001. С. 316–319.
2. Большой толковый словарь русского языка / Институт лингвистических исследований РАН; гл. ред. д-р филол. наук С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. С. 539.
3. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 22.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 274.
5. Иванов В.П. Организационно-правовой механизм обеспечения государственных интересов Российской Федерации: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2003. С. 86.
6. Корельский В.М. Механизм государства // Теория государства и права: учебник для юрид. вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 153–154.
7. Леруа М. Эволюция государственной власти (Синдикаты чиновников) / пер. с фр. В.С. Елпатьевского. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1907. С. 76–118.
8. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 63–64.

9. Марьин Е.В. Организационно-правовой механизм экологического аудита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 6-е изд., стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1964. С. 6, 341.

11. Рулев А.И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 16.

12. Старостин Б.А. Механицизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Нац. общ.-научн. фонд. М.: Мысль, 2010. Т. II. С. 561–562.

13. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. С.А. Чибиряев. М.: Былина, 1998. С. 37–40.

14. Тихомиров Ю.А. Государство: монография. М.: Норма – ИНФРА-М, 2013. С. 143–148.

15. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. пособ. для высш. учеб. завед. / под ред. проф. В.Г. Стрекозова. М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. С. 134–139.

16. Чиркин В.Е. Современное государство. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 199–230.

17. Шаймарданов К.Д. Конституционно-правовой механизм защиты основных прав человека и гражданина в Российской Федерации и ее субъектах (на примере Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 8, 12.

References (transliterated)

1. Alekseev S.S. Voshozhdenie k pravu. Poiski i reshenija. M.: NORMA, 2001. S. 316–319.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN; gl. red. d-r filol. nauk S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2006. S. 539.
3. Vernadskij V.I. Filosofskie mysli naturalista. M.: Nauka, 1988. S. 22.
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. T. 2. M.: OLMA-PRESS, 2004. S. 274.
5. Ivanov V.P. Organizacionno-pravovoj mehanizm obespechenija gosudarstvennyh interesov Rossijskoj Federacii: monografija. M.: JuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2003. S. 86.
6. Korel'skij V.M. Mehanizm gosudarstva // Teorija gosudarstva i prava: uchebnik dlja jurid. vuzov i fakul'tetov / pod red. V.M. Korel'skogo i V.D. Perevalova. M.: NORMA-INFRA-M, 1998. S. 153–154.
7. Lerua M. Jevojucija gosudarstvennoj vlasti (Sindikaty chinovnikov) / per. s fr. V.S. Elpat'evskogo. SPb.: Tip. T-va «Obshhestvennaja Pol'za», 1907. S. 76–118.
8. Mal'cev G.V. Social'nye osnovanija prava. M.: Norma, 2007. S. 63–64.
9. Mar'in E.V. Organizacionno-pravovoj mehanizm jekologicheskogo audita: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. S. 9.
10. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. 6-e izd., stereotip. M.: Sov. jenciklopedija, 1964. S. 6, 341.
11. Rulev A.I. Sudebnoe tolkovanie prava v mehanizme zashhity prav i svobod cheloveka (problemy teorii i praktiki): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2009. S. 16.
12. Starostin B.A. Mehanicizm // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. / Institut filosofii RAN; Nac. obshh.-nauchn. fond. M.: Mysl', 2010. T. II. S. 561–562.

13. Syryh V.M. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik / otv. red. d-r jurid. nauk, prof. S.A. Chibirjaev. M.: Bylina, 1998. S. 37–40.

14. Tihomirov Ju.A. Gosudarstvo: monografija. M.: Norma – INFRA-M, 2013. S. 143–148.

15. Hropanjuk V.N. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. posob. dlja vyssh. ucheb. zaved. / pod red. prof. V.G. Strekozova. M.: Dabahov, Tkachev, Dimov, 1995. S. 134–139.

16. Chirkin V.E. Sovremennoe gosudarstvo. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2001. S. 199–230.

17. Shajmardanov K.D. Konstitucionno-pravovoj mehanizm zashhity osnovnyh prav cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii i ee sub#ektah (na primere Respubliki Tatarstan): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2003. S. 8, 12.

**УВАЖАЕМЫЕ УЧЕНЫЕ,
ПРЕПОДАВАТЕЛИ, АСПИРАНТЫ, СОИСКАТЕЛИ,
ПРАКТИКУЮЩИЕ ЮРИСТЫ, АДВОКАТЫ,
НОТАРИУСЫ!**

Редакция научно-правового журнала «Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата» приглашает вас принять участие в формировании последующих номеров журнала.

Журнал выходит 1 раз в 3 месяца (март, июнь, сентябрь, декабрь). Срок выхода статьи – 3 месяца.

Основные направления журнала

С учетом того, что журнал с 2008 г. решением ВАК включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по праву), редакция журнала заинтересована в публикациях результатов научных исследований, связанных с деятельностью адвокатуры и нотариата, судебной власти, правоохранительных органов, – как теоретических выводов, положений, так и материалов, раскрывающих практический опыт деятельности, конкретных рекомендаций, предложений их совершенствования. Также нас интересуют вопросы истории и теории государства и права, правовых отраслей, профессионального юридического образования.

Кроме этого в журнале могут быть опубликованы рецензии на докторские, кандидатские диссертации, тезисы выступлений на научно-практических конференциях, симпозиумах и другие материалы, представляющие интерес для наших читателей.

веб-сайт: www.raa.ru электронная почта: nauka-raa@mail.ru

Косаренко Н.Н., Квятковский А.В.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ТАМОЖЕННОГО ПОРЯДКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Цель: Анализ норм международных актов, регламентирующих правоприменение таможенных процедур в ЕАЭС. Для объяснения и понимания работы механизма ЕАЭС в сфере таможни приводится сравнение национального таможенного регулирования и международного правового урегулирования.

Методология: Авторами применялись формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод изучения документов.

Результаты: В статье на основе анализа правоприменения таможенных процедур в ЕАЭС, являющихся инструментом таможенного дела, определяется их место в системе ЕАЭС, а точнее в сфере таможенного законодательства. Даны исчерпывающие типы классификаций таможенных процедур, установленных ЕАЭС. Разъясняется механизм таможенного порядка, показан алгоритм таможенного урегулирования. Авторы приводят определение таможенной процедуры в нормативных актах и совершенно иное, «практическое» понятие, которое дается таможенными органами, а также проводят анализ этих двух разных с точки зрения понимания права понятий.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья имеет теоретическую и практическую ценность, поскольку на основе проведенного анализа многочисленной практики правоприменения таможенных процедур в ЕАЭС авторами выявлены некоторые проблемные аспекты в данной сфере и даны рекомендации.

Ключевые слова: ЕАЭС, право, государство, таможенные процедуры, экономическая интеграция, таможенная политика, Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС), ратификация, рынок.

Kosarenko N.N., Kwiatkowski A.V.

INTERNATIONAL REGULATION AND APPLICATION CUSTOMS ORDER IN EURASIAN ECONOMIC UNION

Purpose: Analysis of the norms of international acts regulating the enforcement of customs procedures, as he said. For the explanation and understanding of the mechanism of the EAEU in the field of customs, is the ratio of national customs regulation and international legal settlement.

Methodology: The author applied formal-legal, comparative legal methods, the method of study of documents.

Results: In article on the basis of a legal analysis of the enforcement of customs procedures in the EAEU, which is a tool of customs, is determined by their place in the system of the EEU, specifically in the area of customs legislation. Exhaustive classifications of types of customs procedures, established the EEC. Explains the mechanism of the customs procedure and the algorithm of the customs settlement. At the end of the article the authors give a definition of «customs procedure» identified in the regulations and a very different «practical» concept, which is given to the customs authorities. The analysis of these two totally different terms of understanding the right concepts.

Novelty/originality/value: the Article has theoretical and practical value, on the basis of analysis of numerous law enforcement practices in customs procedures in the EEU, the authors identified some of the problematic aspects in this field and recommendations.

Keywords: EAEU, law, government, customs procedures, economic integration, customs policy, customs code of the Customs Union (CC CU), the ratification of, the market.

В 2014 году в Астане был ратифицирован Договор о Евразийском экономическом союзе, а в 2015 году расширен штат государств-участников. ЕАЭС — молодое инновационное сообщество, созданное, чтобы помочь странам-членам использовать свой экономический, политический потенциал и дать возможность реализовать хозяйственные связи внутри региона, сформировать все условия для повышения глобальной конкурентоспособности. Единый рынок товаров, услуг и труда является сердцевиной этого совершенно инновационного проекта. Сейчас состав данного

союза таков: Российская Федерация, Казахстан, Армения, Беларусь и Киргизская Республика. В Договоре о создании ЕАЭС предусмотрена возможность присоединения к Союзу любого государства, разделяющего цели и принципы Евразийского экономического союза, об этом гласит ст. 108.

Юристы-правоведы, экономисты, представители государственных таможенных служб и зарубежные исследователи оценили первые практические шаги участников содружества в области евразийской экономической интеграции. Однако

все мнения сводятся к тому, что механизм регулирования в сфере таможен с каждым годом усложняется, в том числе и в кризисное время, непостоянное для всех стран мира [1, 3, 4].

По обещанию представителей членов Союза, государства-участники перейдут на интернет-электронное декларирование перемещенных в рамках союза товаров в конце 2016 года. Уже начала действовать либерализация в сфере автомобильных перевозок, автомобилестроения, что позволило обеспечить доступ автотранспортных компаний стран ЕАЭС к внутреннему рынку грузоперевозок стран-участниц и тем самым сократить пробеги опорожнения и снизить все издержки услуг автобизнеса в сфере грузоперевозок. В планы представителей стран-участниц также входило создать условия для начала функционирования зоны свободной торговли между Украиной и ЕАЭС, но этого, как мы теперь видим, достичь невозможно – благодаря «черной руке» США, а точнее Евромайдану.

С введением Таможенного кодекса Таможенного союза было заложена основа для единого механизма таможенного регулирования в государствах – участниках ЕАЭС. Ранее национальная политика определяла направления деятельности таможенного регулирования и элементы таможенных дел, но только в пределах именно своей таможенной территории, в данный момент мы видим, что на внутренней территории ЕС: 1) определена общая таможенная политика; 2) сформирована общая структура таможенного дела; 3) установлены общие и единые правила. Как мы знаем, для этого страны ЕАЭС передали часть своих полномочий в компетенцию национального регулирующего органа ЕАЭС – Евразийской экономической комиссии. Здесь нужно помнить, что нужна единая таможенная политика, содействующая полному обеспечению экономической и политической безопасности государств. Естественно, что под экономической безопасностью имеется в виду такая экономика, которая полностью гарантирует достаточный уровень политического, социального и оборонного сосуществования и прогрессивного развития государств-участников, независимость и в то же время общность их политических интересов по отношению к возможным внутренним и внешним воздействиям и угрозам. Важной основой в такой ситуации станет таможенная политика, непосредственно определяемая целями и задачами всеобщей экономической стратегии членов Союза.

Экономическая комиссия при ЕАЭС является постоянно действующим органом-регулятором.

Свою деятельность она осуществляет согласно ст. 18 Договора о ЕАЭС. Задачи, состав, полномочия и функции, порядок работы экономической комиссии определены в Приложении № 1 к Договору о ЕАЭС. Она состоит из Коллегии и Совета. Совет совершает общее руководство над ЕЭК, а коллегия является исполнительным органом. Вместе они в сфере своих полномочий принимают решения, распоряжения и дают рекомендации. Решение Совета и Коллегии является обязательным для всех государств – участников ЕАЭС и не требует ратификации органами государственной власти членов Союза. Исходя из п. 6 Положения о Евразийской экономической комиссии, Высший совет может наделить ЕЭК правом ратификации международных правовых договоров по темам, входящим в компетенцию Комиссии.

Интересна разработка механизма таможенного регулирования в ЕЭС, направленная на решение важнейших экономических задач, таких как: 1) установление единых таможенных процедур в странах, вступивших в Союз; 2) упрощение ряда формальностей для стран-участниц внешнеэкономической деятельности на общей таможенной территории Союза; для них снижены фискальные и административные барьеры внутри Единого экономического пространства.

Итогом этой деятельности является установление благоприятных условий для членов внешнеэкономической деятельности на общей таможенной территории ЕАЭС (как нерезидентов, так и резидентов-членов).

Отдельным институтом законодательства ЕАЭС является институт таможенных процедур. Таможенное право каждого государства предусматривает необходимые требования к перевозке транспорта и товаров через таможенную границу. Транспорт и товары, перемещаемые через границу, проходят «таможенную очистку» – осуществление всех требующихся таможенных формальностей или выполнение таможенного оформления товаров и транспорта, провозимых через таможенную государственную границу.

Для понимания работы механизма ЕАЭС в сфере таможни необходимо провести сравнение национального таможенного регулирования и международного правового урегулирования. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур вводит следующее понятие «таможенной очистки»: соблюдение всех таможенных формальностей, необходимых для ввоза товаров во внутреннее потребление государства, для их экспорта или для другой таможенной процедуры (абз. Е5/Ф9 Гла-

вы 2 Генерального приложения Конвенции). В национальном законодательстве или международно-правовых договорах стран-участниц вводятся типы таможенных процедур.

Рассмотрим систему международных актов, выступающих в качестве регуляторов использования таможенных процедур в ЕАЭС:

1) Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур;

2) Таможенный кодекс ЕАЭС;

3) международные договоры членов сообщества ЕАЭС по вопросам применения отдельных таможенных процедур (к примеру, Соглашение по вопросам свободных экономических зон на таможенной территории таможенного союза и иные);

4) Постановление Комиссии Таможенного союза и решения Евразийской экономической комиссии по темам применения отдельных таможенных процедур (к примеру, Постановление Комиссии Таможенного союза Евразийского экономического сообщества № 375 и иные).

Рассмотрим подробнее международную конвенцию «Об упрощении и гармонизации таможенных процедур» в редакции 1999 года (РФ присоединилась к данной конвенции в 1999 году), устанавливающую стандартные правила и рекомендации по таможенным процедурам, такие как: экспорт товаров с таможенной территории; обратный ввоз товаров в ином новом виде; транзитная перегрузка товаров; свободная зона; переработка на таможенной территории и вне ее, для внутреннего потребления и иного; временный ввоз и т. д. До вступления в силу Таможенного кодекса ЕАЭС механизм таможенного регулирования осуществлялся согласно Договору о Таможенном кодексе таможенного союза от 2009 года и другим международно-правовым договорам стран-участниц, регулирующим таможенные правоотношения, – они и послужили правовой базой Таможенного кодекса Таможенного союза согласно ст. 99 Договора о ЕАЭС. Департамент ЕЭК ЕАЭС разработал план Таможенного кодекса ЕАЭС, им же были внесены изменения регулирующих процедур: разграничены случаи, когда влияние таможенных процедур завершается, а когда приостанавливается или прекращается: добавлены конкретные процедуры, при помощи которых могут завершаться или приостанавливаться таможенные действия, регулирующие таможенные процедуры, по содержанию, условиям помещения товаров под таможенные процедуры и условиям применения товаров в соответствии с таможенными процедурами. Внутри каждой та-

моженной процедуры точно заложено понимание, к каким товарам – ЕАЭС или иностранным – такая процедура применяется [2].

В процессе создания ТК ЕАЭС происходила реализация таможенных процедур в рамках «единого окна». В это время было принято решение совета № 68 «Основные направления развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности». В рамках единообразия таможенного законодательства ЕАЭС подходы по развитию национального механизма «единого окна» государств-членов будут подвержены сближению, интернет-электронные акты, обязательные для осуществления внешнеэкономической цели, – взаимному утверждению, и т. д.

В 2016 г. было принято много важных нововведений: электронное декларирование стало приоритетней, введен ряд таможенных операций (регистрация таможенных деклараций, выпуск товаров), применен механизм «единого окна» для совершения таможенных операций, таможенный контроль начал осуществляться после выхода товаров, введены правила использования товаров, по которым установлен временный ввоз, применяемый без уплаты таможенных пошлин (налогов), в пределах всей таможенной территории союза, уменьшен срок выпуска товаров до четырех часов, внедрено принятие решений по происхождению товаров, улучшен институт уполномоченных экономических операторов.

В Москве на Втором Евразийском конгрессе подведены итоги первого года существования ЕАЭС, и проведено открытое обсуждение плана введения переработанного Таможенного кодекса, который в настоящий момент проходит процедуры согласования странами-членами ЕАЭС и будет установлен к концу 2016 г. Участниками отмечена успешность решений по конкретным задачам. Л.Э. Слуцкий в выступлении подчеркнул, что «евразийская интеграция спускается с уровня чиновников, депутатов и глав государств на уровень (социальный – доступный для всех) народных масс наших стран. Созданы совершенные и обновленные преференциальные условия для среднего и малого бизнеса в союзном пространстве. Было решено множество проблем и задач, которые возникали из государственных соглашений, предстояло ратифицировать множество соглашений парламентами этих стран, и этот огромный объем был полностью проделан. И сегодня можно с точностью сказать: Евразийский экономический союз состоялся, прошел точку невозврата» [5].

Действующий в настоящее время ТК ЕАЭС содержит семь основных оснований приобретения правового статуса уполномоченного экономического оператора в странах-членах: гарантия уплаты налогов и пошлин, обеспечение внешнеторговой деятельности в течение конкретного срока, отсутствие неуплаченных долгов по оплате таможенных процентов, платежей, отсутствие задолженностей, соответствующих налоговому законодательству, непривлечение к административной ответственности за нарушения прав в сфере таможенного дела, наличие знаний по системе учета, соответствующей национальным законодательствам, исполнение требований и условий, которые установлены таможенным законодательством членом Таможенного союза и законодательством Таможенного союза.

Интересна унификация нормативных положений, касающаяся применения таможенных процедур на уровне стран – участниц Союза. Согласно ст. 202 ТК ЕАЭС выделяются следующие типы таможенных процедур в зависимости от целей регулирования: выпуск для внутреннего потребителя, транзит, экспорт, переработка вне и на таможенной территории, временный ввоз, реэкспорт и реимпорт, уничтожение, отказ в пользу государства, свободная таможенная зона, специальные таможенные процедуры.

Вышеупомянутый перечень таможенных процедур является полным и законченным, ТК ЕАЭС предусматривает такие же виды процедур в ст. 97. Естественно, что ТК ТС имеет два уровня таможенного урегулирования: национальный с применением наднационального регулирования согласно п. 2 ст. 1 и наднациональный. Допускается временное урегулирование отдельных таможенных процедур национальным законодательством стран-членов до ратификации соответствующего таможенного акта. На основании ТК ЕАЭС было принято внутреннее таможенное законодательство членом Союза. Использование отдельных таможенных процедур может регулироваться на национальном уровне подзаконными актами и законами. К примеру, институтам таможенных процедур соответствуют разделы в таможенных законодательствах государств-участников: Раздел 6 Кодекса Республики Казахстан № 296-IV; Раздел 6 ФЗ № 311 «О таможенном регулировании в РФ» и т. д.

Перейдем к классификации таможенных процедур в ЕАЭС. Таможенные процедуры можно классифицировать по трем группам в зависимости от назначения. К первой группе относятся основные процедуры, предусмотренные в зако-

нодательствах многих государств (выпуск для таможенного транзита, экспорта или внутреннего потребления). Примером может стать импорт товаров, при котором используется таможенная процедура выпуска для внутреннего потребления, в соответствии с которой перевозимые иностранные товары, прибывающие на таможенную территорию государства, остаются постоянно на этой территории без обязательства их обратного вывоза. Основные процедуры – самостоятельная и завершенная коммерческая операция (по импорту, экспорту или транзиту). Внешняя практика показывает, что все остальные процедуры именуются экономическими процедурами, поскольку их цель – решение экономических задач.

Ко второй группе процедур можно отнести все остальные, исключив специальные (п. 1 ст. 202 ТК ТС). Экономические процедуры необходимы для развития предпринимательского (иностранного) сектора, а также привлечения иностранцев к инвестициям. Процедуры допускают особое применение товаров для строго определенных целей и при соблюдении особых условий, прописанных законодателем. Из сферы регулирования Таможенного кодекса Таможенного союза опущены две экономические таможенные процедуры: свободного склада и свободной таможенной зоны. В ст. 202 ТК ЕАЭС указаны таможенные процедуры, которые устанавливаются международными правовыми договорами стран-членов.

К третьей группе относятся специальные таможенные процедуры. Специальная таможенная процедура предусматривает помещение только тех типов товаров, которые определены решением ЕЭК. Применение товаров, находящихся под специальной таможенной процедурой, возможно только при соблюдении особых условий и для строго определенных целей. Применение специальных таможенных процедур регулируется внутренним законодательством стран-участниц ЕАЭС (п. 3 ст. 202 ТК ТС). Например, в РФ правила помещения отдельных видов товаров и транспорта под специальную таможенную процедуру установлены Постановлением Правительства РФ № 911 «Об утверждении Правил применения специальной таможенной процедуры в отношении ввозимых в РФ иностранного производства товаров, предназначенных для организации и проведения Олимпийских зимних игр и Паралимпийских зимних игр в г. Сочи, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ». Эта классификация подходит для применения только в отношении перевозимых через таможенную границу товаров. К транспортным

средствам, перевозимым через границу ЕАЭС, установлена процедура по временному вывозу и временному ввозу (допуску).

Сравнение условий, содержаний, предусмотренных ТК ЕАЭС, позволяет классифицировать эти процедуры и по таким критериям:

I. По направлению перемещения товаров различают вывозные, ввозные, транзитные и смешанные таможенные процедуры. Вывозные таможенные процедуры обслуживают экспорт товаров за пределы таможенной территории союза ЕАЭС (экспорт, реэкспорт, переработка и т. д.). Ввозные таможенные процедуры предусматривают импорт товаров на таможенную территорию ЕАЭС (реимпорт, переработка, временный ввоз, уничтожение и т. д.). Провозные таможенные процедуры представлены различными видами таможенных процедур таможенного транзита. Интересны смешанные процедуры (комбинированные), которые обслуживают одновременно операции по экспорту и импорту (свободная таможенная зона, специальная процедура, беспошлинная торговля и т. д.).

II. По выпуску товаров таможенные процедуры можно подразделить на три вида:

1) режима выпуска – процедуры, при помещении под которые товары передаются в полное распоряжение субъекта (перемещающего) (экспорт либо рассчитанные на потребление внутреннего потребителя и т. д.);

2) условного выпуска – процедуры, при помещении под которые права распоряжения и пользования товарами ограничиваются особенностями конкретной процедуры. К таким относятся все процедуры, кроме отказа в пользу государства, уничтожения;

3) исключающие выпуск – отказ в пользу государства и уничтожения. Дальнейшее владение данными товарами субъектами будет уже невозможно. При помещении товаров под одну из вышеуказанных процедур право собственности на декларируемый товар прекращается.

III. По продолжительности действия таможенные процедуры делятся на срочные и бессрочные. Для срочных процедур обязательным условием является соблюдение определенных сроков совершения таможенных операций. К примеру, на таможенном складе товары могут храниться три года; срок временного ввоза товаров – два года. Для бессрочных таможенных процедур (экспорт, отказ в пользу государства, выпуск для внутреннего потребителя, специальная таможенная процедура, беспошлинная торговля) никаких сроков не устанавливается.

Определение «таможенная процедура» имеет несколько значений: инструмент таможенной политики; специальный режим; институт таможенного законодательства.

В первом из значений таможенная процедура представляется системой приемов и мер, обеспечивающих полное применение инструментов таможенного регулирования, с помощью которых осуществляется государственное воздействие на развитие внешнеторговых взаимоотношений. В этом значении таможенная процедура является средством по реализации таможенной политики союза государств или стран, т. е. самостоятельным элементом таможенного дела [4].

Теперь рассмотрим совершенствование понятия процедур в ТК ЕАЭС. Определение «таможенная процедура» может обозначать специальный правовой режим. В правовых исследованиях по теории права встречается следующая классификация типов правовых режимов: валютный, налоговый, таможенный и т. д.

Таможенная процедура является одним из типов правовых режимов, поэтому понимается как особый порядок правового регулирования. Это регулирование состоит из набора юридических средств и инструмента, который обеспечивает воздействие на работу таможенной системы в определенной стране или союзе. Соответственно, это воздействие осуществляется именно на товары и транспортные средства при перемещении их через границу членов ЕАЭС и их использовании на либо вне таможенных территорий государств-членов (в рамках союза ЕАЭС). Таможенная процедура как один из институтов законодательства представляет совокупность правовых норм, устанавливающих правила перемещения и ввоза товаров и транспорта через таможенную и их использования.

Нормы права, составляющие институт таможенных процедур (ЕАЭС), регулируют определенный вид социальных отношений, которые возникают в процессе использования товаров и транспорта в результате переправления через границу ЕАЭС. Институт таможенных процедур состоит из следующих норм: 1) конкретный порядок перемещаемых товаров и транспортных средств через границу ЕАЭС, причем учитывается предназначение конкретного товара и цель самого перевоза; 2) условия нахождения, содержания и использования товаров и транспорта на или вне таможенной территории; 3) описание процедуры и обязанности «держателя» (бенефициара) товара или транспорта; 4) описание статуса субъекта, перемещающего тот или иной товар или транс-

порт через таможенную. Под «держателем» (бенефициаром) таможенной процедуры теоретиками права понимается субъект, который на основании таможенного законодательства обладает некими полномочиями, такими как использование и распоряжение в отношении перемещаемых товаров или транспорта через границу. Бенефициар вправе пользоваться в полном объеме всеми преференциями и преимуществами по условиям таможенной процедуры.

В п. 1 ст. 4 ТК ЕАЭС дается следующее определение таможенной процедуры: «совокупность норм, определяющих для таможенных целей условия использования и распоряжения товарами и требования на таможенной территории союза или за ее пределами». Так как таможенная процедура понимается как объединение нормативных положений, которые, в свою очередь, регламентируют порядок совершения определенного действия для таможенных целей – таможенных операций, ее нужно рассматривать как специальный правовой режим. Этот подход с точки зрения права можно считать узким. Но таможенные органы в правоприменительной деятельности используют данное определение в широком смысле. По их мнению, таможенная процедура – это совершение определенных формальностей в рамках таможни, таким образом, совершение совокупностей действий и обязанность их совершить возложены на субъект таможенных правоотношений по правилам таможенного законодательства ЕАЭС.

Предусмотрен особый порядок совершения таможенных операций по перемещению товаров и транспорта под выбранную таможенную процедуру. Исходя из анализа законодательства ЕАЭС, можно выделить следующие типы таможенных процедур: помещение товаров и транспорта под таможенную процедуру, оплата таможенных платежей, процедура «таможенной очистки», порядок перемещения транспорта и товаров через границу Союза.

С разрешения таможенных органов членом ЕАЭС осуществляется помещение товаров под таможенную процедуру. Для принятия решения,

разрешающего выпуск товаров под выбранную декларантом таможенную процедуру, таможенный орган должен проверить соблюдение требований и условий помещения товаров. Самую таможенную процедуру следует понимать в широком смысле как совокупность действий, которые необходимо совершить для соблюдения таможенного законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Бакаева О.Ю. Таможенный союз – Евразийский экономический союз – Единое экономическое пространство: этапы интеграции // Международное частное и публичное право. 2014. № 4. С. 7–10.
2. Дюжов А. Метод признания доходов и расходов образовательным учреждением // Экономические науки. 2006. № 10.
3. Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 98–107.
4. Косаренко Н.Н. Таможенное право России: учеб. пособ. для студентов вузов. М.: Национальный институт бизнеса, 2004.
5. Слуцкий Л.Э. Выступление на Первом Евразийском экономическом конгрессе: «ЕАЭС прошел точку невозврата» [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet.info/about/direct/9288>.

References (transliterated)

1. Bakaeva O.Ju. Tamozhennyj sojuz – Evrazijskij jekonomicheskij sojuz – Edinoe jekonomicheskoe prostranstvo: jetapy integracii // Mezhdunarodnoe chastnoe i publičnoe pravo. 2014. № 4. S. 7–10.
2. Djuzhov A. Metod priznaniya dohodov i rashodov obrazovatel'nyj uchrezhdeniem // Jekonomicheskie nauki. 2006. № 10.
3. Kapustin A.Ja. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze – novaja stranica pravovogo razvitija evrazijskoj integracii // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 12. S. 98–107.
4. Kosarenko N.N. Tamozhennoe pravo Rossii: ucheb. posob. dlja studentov vuzov. M.: Nacional'nyj institut biznesa, 2004.
5. Sluckij L.Je. Vystuplenie na Pervom Evrazijskom jekonomicheskom kongresse: «EAJeS proshel tochku nevozvrata» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://komitet.info/about/direct/9288>.

Камышевский В.И.¹

ДОГОВОР О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ВЫЯВЛЕННЫЕ ПРОБЕЛЫ И СПОСОБЫ ИХ НОРМАТИВНОГО УСТРАНЕНИЯ

Цель: Исследование пробелов и способов их нормативного устранения в Договоре о Евразийском экономическом союзе.

Методология: Использовался формально-юридический метод.

Результаты: В статье рассматриваются наиболее актуальные пробелы в Договоре о Евразийском экономическом союзе, предлагаются пути их устранения с целью обеспечения дальнейшего поступательного развития процессов евразийской экономической интеграции.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку является современной попыткой рассмотрения актуальной проблемы.

Ключевые слова: договор о Евразийском экономическом союзе, пробел, изменения и дополнения.

Kamyshevsky V.I.

AGREEMENT ON THE EURASIAN ECONOMIC UNION: THE REVEALED GAPS AND METHODS OF THEIR STANDARD ELIMINATION

Purpose: Research of gaps and methods of their standard elimination in the Agreement on the Eurasian economic union

Methodology: The formal-legal method was used.

Results: In article the most actual gaps in the Agreement on the Eurasian economic union are considered, and ways of their elimination for the purpose of ensuring further and forward development of processes of the Eurasian economic integration are offered.

Novelty/originality/value: Article has the high scientific and practical value as is modern attempt of consideration of an actual problem.

Keywords: agreement on the Eurasian economic union, gap, changes and additions.

Учреждение Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС или Союз) в качестве международной организации региональной экономической интеграции вывело на качественно новый этап, новую ступень развития интеграционные процессы в государствах-членах и объединило значительный массив документов, принятых в рамках ЕврАзЭС, ТС и ЕЭП, в единый, цельный и логически непротиворечивый документ – Договор о ЕАЭС.

В Договоре о ЕАЭС впервые был закреплён термин «право Союза», введено понятие «единая, скоординированная или согласованная политика», в полной мере зафиксирована международная правосубъектность Союза, а также иные не менее важные новшества в правовом обеспечении процессов евразийской интеграции.

Представляется, что и нормативная система ЕАЭС, и сам Договор обладают большим потенциалом для развития с целью обеспечения и реализации долгосрочных интересов государств-членов в глобальной системе мирохозяйственных связей.

Вместе с тем, и Договор о ЕАЭС, и фактический правовой режим, который существует на

его основе [1], выявили определенные недостатки, пробелы и проблемы, которые требуют самого пристального внимания и анализа со стороны науки международного права.

1. Одним из главных недостатков, своего рода правовой «брешью» в Договоре о ЕАЭС, является в недостаточной степени обеспеченное разграничение компетенции между Союзом и его членами. Действующая редакция ст. 5 Договора «Компетенция» содержит исключительно отсылочную норму о том, что «Союз наделяется компетенцией в пределах и объемах, установленных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза».

При этом виды компетенции, а также ее пределы Договором прямо не определены, равно как и не определены сферы, в которых Союз обладает исключительной компетенцией. Для надлежащего разрешения подобной правовой неопределенности необходима разработка проекта соответствующего международного договора о внесении изменений и дополнений в Договор о ЕАЭС в части четкого определения сфер компетенций, а также нормативного закрепления принципа суб-

¹ Статья публикуется по результатам конкурса докладов, проведенного в рамках VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 31 мая 2016 г.).

сидиарности по аналогии с учредительными договорами ЕС.

2. В соответствии со ст. 6 Договора о ЕАЭС право Союза составляют помимо прочего международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной. Если исходить из буквального толкования ст. 6, то получается, что международные договоры, подписанные Союзом совместно с государствами-членами с третьей стороной, в право ЕАЭС не входят. Примером такого соглашения может служить подписанное 29 мая 2015 г. Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам – с другой. Представляется, что данный пробел можно было бы урегулировать либо непосредственно в самом Договоре о ЕАЭС, либо при разработке проекта соответствующего соглашения о международных договорах Союза с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями.

3. Один из существенных недостатков нормативной системы ЕАЭС связан с обеспечением функционирования правового режима единой таможенной территории на пространстве ЕАЭС. Причина – множество различных исключений, в том числе исключений, предусмотренных ст. 29 Договора. Не способствуют реализации на практике свободы передвижения товаров различные обстоятельства, как, например, несоответствие условий вступления Казахстана в ВТО обязательствам, налагаемым в связи с членством в ЕАЭС; применение Россией в одностороннем порядке «специальных экономических мер» в качестве ответной реакции на так называемые «санкции» Запада и действия турецких властей и прочие факторы. Необходимо выработать определенные процессуальные правила «включения» отдельных исключений из общего режима Таможенного союза.

4. Необходимо в ближайшей перспективе разработать в рамках ЕАЭС механизм взаимодействия государств-членов при применении одним из них «специальных экономических мер» в качестве ответной меры на недружественные действия третьих стран. Думается, что данный механизм должен, с одной стороны, сохранить имеющееся у государства суверенное право адекватным образом реагировать на внешние угрозы, исходящие от третьих стран, а с другой – предложить эффективные пути взаимодействия стран Союза в определенных условиях с целью обеспечения свободы транзита товаров внутри ЕАЭС. Соответствующее соглашение в рамках ЕАЭС по данному во-

просу должно определять порядок уведомления государствами-членами друг друга при введении одним из государств «специальных экономических мер», а также установить особый правовой режим оборота соответствующих товаров на таможенной территории Союза, подпадающих под вышеуказанные меры.

5. Проведенное исследование норм Договора о ЕАЭС и Статута Суда Союза выявило, что в ЕАЭС отсутствует строгий контроль имплементации принятых решений: полномочия Комиссии по мониторингу имплементации весьма ограничены (ранее существовавшее в Таможенном союзе право Комиссии инициировать разбирательство в Суде в отношении не исполняющего решение государства было упразднено; в настоящее время Комиссия лишь констатирует факт нарушения государством своих обязательств и рекомендует нарушителю их устранить); в результате принятие и исполнение решений в ЕАЭС во многом зависит от вовлеченности национальных лидеров. Поскольку Статут Суда более не наделяет ЕЭК правом обращения в Суд Союза с иском против государства-члена в случае нарушения последним норм учредительных актов и решений органов Союза, рекомендуется разработка проекта соответствующего договора о внесении изменений и дополнений в Договор о ЕАЭС и Статут Суда ЕАЭС.

6. Представляется необходимым более интенсивное развитие единого пространства свободы осуществления инвестиций в ЕАЭС, в связи с чем нормы раздела XV Договора о ЕАЭС предлагается разделить по объекту, выделив свободу движения услуг, свободу учреждения, свободу движения капитала, так как эти свободы предполагают наличие разных правовых режимов. Пока положения и указанного раздела, и Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о ЕАЭС) указывают на весьма сдержанный характер предоставляемых прав и гарантий (стандартный пакет). Необходимо стремиться к максимальному введению НР и РНБ в сфере инвестиций для инвесторов государств-членов с постепенной отменой любых изъятий в этой сфере, поскольку для такого этапа интеграции, как экономический союз, это одна из основных свобод.

7. В условиях высокой инфляции, девальвации национальных валют в государствах – членах ЕАЭС количество банкротств хозяйствующих субъектов возрастает, что подрывает основы функционирования внутреннего рынка ЕАЭС и требует единого правового регулирования. От-

существование в ЕАЭС единого общеобязательного международного соглашения по банкротству влечет осуществление параллельных производств по делам о банкротстве в разных государствах в соответствии с их национальными законами, что ведет к возникновению коллизий, правовых неопределенностей и приводит к значительным издержкам, связанным с удовлетворением требований иностранных кредиторов. Поэтому решение вопросов о трансграничной несостоятельности в кратчайшие сроки по примеру Европейского союза является актуальным и для ЕАЭС.

Таким образом, предстоит еще немало сделать для надлежащего правового обеспечения ев-

разийской интеграции и совершенствования договорно-правовой базы ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Барков А.В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе // Журнал российского права. 2003. № 8.

References (transliterated)

1. Barkov A.V. Problemy garmonizacii v Evrazijskom jekonomicheskom soobshhestve // Zhurnal rossijskogo prava. 2003. № 8.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
**ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА**

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Колесников Ю.А., Зиновьев И.П., Киселёва А.В.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ СТРАХОВЫХ СПОРОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОСТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА)

Цель: Установление особенностей рассмотрения судами страховых споров через призму судебной практики.

Методология: Использовались историко-правовой и формально-юридический методы.

Результаты: Настоящее исследование посвящено анализу особенностей рассмотрения судами страховых споров. Авторы проводят краткий обзор практики рассмотрения споров, связанных с договорами как добровольного страхования, так и обязательного страхования гражданской ответственности, рассматривают ряд проблем данной сферы и в итоге утверждают о наличии позитивных изменений в данном направлении, выражая надежду на дальнейшее совершенствование практики правоприменения.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из современных попыток установить особенности рассмотрения судами страховых споров через призму судебной практики.

Ключевые слова: страховые споры, судебная практика, ОСАГО, КАСКО, недобросовестность, злоупотребления.

Kolesnikov, Y.A., Zinovyev I.P., Kiselev A.V.
ABOUT THE PECULIARITIES OF CONSIDERATION OF INSURANCE DISPUTES
(MATERIALS OF ROSTOV REGIONAL COURT)

Purpose: To Establish features of consideration by courts of insurance disputes through the prism of judicial practice.

Methodology: Used historical and legal and formal- legal methods.

Results: In the present work features of consideration by courts of insurance disputes was analyzed. The authors makes a brief review of practice of consideration of disputes related to contracts of voluntary insurance and obligatory insurance of a civil liability. The author then proceeds to the designation of a number of problems in this field. Summing up his research, the author affirms the positive changes in this direction and expressed the hope for further improvement.

Novelty/originality/value: Article possesses high scientific value as is one of the modern attempts to establish the features of consideration by courts of insurance disputes through the prism of judicial practice.

Keywords: insurance disputes, litigation, insurance, hull insurance, bad faith, abuse of.

Как показывает практика, суды Ростовской области в настоящее время рассматривают существенное количество страховых споров, связанных с договорами как добровольного страхования, так и обязательного страхования гражданской ответственности. Такое положение дел обуславливает интерес к вопросу о стабильности данной сферы, а также о наличии определенного рода проблем в ней [1]. В связи с этим в начале исследования особенностей рассмотрения судами страховых споров обратимся к официальной статистике.

Так, судами общей юрисдикции Ростовской области в 2015 г. были завершены 11914 дел о возмещении страхового возмещения выплат с учетом страхования жизни и здоровья, из них 1514 дел касались договора ОСАГО. Были вынесены 8862 решения об удовлетворении исков, в том числе частично, что составило 74 % от общего количества завершенных дел и 96 % от дел, рассмотренных по существу с вынесением решения. По 371 делу судами были приняты решения об отказе в удовлет-

ворении требований в полном объеме. 1941 гражданское дело по страховым спорам, связанным с договорами ОСАГО и КАСКО, было обжаловано в 2015 г.; 503 решения были отменены.

Следует отметить, что такое значительное количество дел все же не нарушает стабильность судебной практики, имеющей место в сфере данных правоотношений. Однако обозначенная сфера представляет собой предмет постоянного интереса и анализа для Ростовского областного суда, что также находит свое отражение в обобщениях судебной практики, последнее из которых было проведено в мае 2016 г. [2].

Несмотря на относительную стабильность сложившейся практики, существует также определенный ряд проблем, связанных с рассмотрением дел, касающихся страховых споров. Рассмотрим последовательно наиболее значимые среди них.

Первая проблема, которая обычно возникает на стадии возбуждения гражданского дела, связана с правом на обращение в суд. Действующим

законодательством достаточно четко определен круг лиц, имеющих право на требование выплаты страхового возмещения, тем не менее, в судебной практике можно довольно часто встретить случаи обращения в суд от истцов, не имеющих такого законного права. Речь идет о случаях, подобных такому: за возмещением ущерба обратился не непосредственный собственник транспортного средства, а лицо, управлявшее автомобилем на момент возникновения ДТП. Возможен и такой вариант: по вопросам страхового возмещения может обратиться новый собственник автомобиля, купивший автомобиль, по ДТП с которым предыдущий собственник получил только часть страхового возмещения или не получил его вовсе.

Второй проблемой можно назвать вопрос о подсудности. В настоящее время все больше внимания обращается на искусственно созданную подсудность. Такая проблема возникает в случаях, связанных с правилом альтернативной подсудности, которое в соответствии с действующим законодательством дает заявителю право на предъявление иска в суд по месту своего нахождения в случае, если его требования связаны с личным потреблением. Данное правило действует для рассматриваемых нами споров, связанных с договорами добровольного страхования, а также для споров, связанных с договорами обязательного страхования гражданской ответственности. Так, большое количество исков в адрес страховых компаний предъявляется как в суды по месту их фактического нахождения, так и в суды по месту жительства или по месту пребывания истцов со ссылкой на Закон о защите прав потребителей. За счет этого истцы намеренно пытаются изменить подсудность спора с целью выбора удобного для себя суда путем указания в качестве места своего пребывания адреса, который относится к территориальной подсудности конкретного суда, но не является фактическим адресом истца. Это расценивается как злоупотребление истцом процессуальными правами.

Что касается урегулирования споров в досудебном порядке, то данное правило, которое было внесено в Закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в 2014 г., позволило несколько разгрузить суды. Тем не менее, количество подобных гражданских дел в производстве судов общей юрисдикции в Ростовской области по-прежнему остается значительным.

Перейдем к рассмотрению третьей проблемы, которая напрямую связана с введением единой методики определения размера расходов на

восстановительный ремонт по договорам ОСАГО. В качестве одной из особенностей страховых споров можно назвать наличие объективной необходимости проведения автотовароведческих, автотехнических, трассологических и других судебных экспертиз по большинству дел, рассматриваемых судами. Введение указанного выше правила позволило унифицировать процессы и результаты определения стоимости восстановительного ремонта автомобилей, а также, на наш взгляд, уменьшить степень личного усмотрения в случае недобросовестности со стороны экспертов, проводящих исследования, что, безусловно, способствует изменениям в лучшую сторону в рассматриваемой нами сфере.

Четвертая, весьма распространенная в настоящее время, проблема представляет собой подделку страховых полисов. Нередки случаи, когда страховщики в процессе рассмотрения страховых споров заявляют о фальсификации страхового полиса ОСАГО лица, причинившего вред. Однако в случае, если подлинник такого полиса суду представлен, обязанность доказательства его подложности лежит на страховщике. Если же установлен факт фальсификации полиса потерпевшего, независимо от наличия либо отсутствия в этом его вины он утрачивает право на выплаты страхового возмещения и должен обращаться в страховую компанию лица, причинившего вред.

Пятая проблема, которую мы рассмотрим, связана с вопросами злоупотребления правом. Выше мы уже описали, как оценка судом добросовестности поведения участников влияет на правильность рассмотрения страховых споров. Модель добросовестного поведения обозначена Гражданским кодексом Российской Федерации. В случае установления недобросовестности поведения одной из сторон суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера последствий такого поведения вправе отказать в защите принадлежащего права полностью или частично.

Практика рассмотрения страховых споров позволяет выявить ряд систематически применяемых недобросовестными лицами – истцами и их представителями – схем, направленных на необоснованное получение выгоды. Рассмотрим следующие наиболее часто встречающиеся недобросовестные схемы:

– выведение залогового автомобиля посредством заключения договора цессии из-под выплаты страхового возмещения банку. Собственник автомобиля, находящегося в залоге у банка, после ДТП (возможно, намеренного) передает свои права требований к страховщику по договору

КАСКО третьему лицу, которое в судебном порядке взыскивает со страховщика полную страховую сумму, передав при этом годные остатки страховой компании. Таким образом, банк оказывается лишенным возможности заявить самостоятельные требования и в результате утрачивает право залога;

– схема, включающая инсценировку ДТП по договору КАСКО. Возможна инсценировка ДТП, которого не происходило вовсе, в этом случае на застрахованный автомобиль устанавливают поврежденные детали от машин соответствующей марки. Также встречается инсценировка ДТП, произошедшего в действительности при других обстоятельствах, в таком случае автомобиль, поврежденный в реальном ДТП, но при обстоятельствах, исключающих выплату (к примеру, управляемый водителем в состоянии алкогольного или другого опьянения), перевозят в другое место, где и инсценируют ДТП при других обстоятельствах;

– схема инсценировки ДТП под условия договора ОСАГО. В таких случаях инсценируют ДТП недорогого автомобиля, застрахованного по договору ОСАГО на сумму от одного до трех миллионов рублей, с дорогостоящим автомобилем, причиняя ущерб на значительную сумму. Отличительной особенностью таких ДТП являются незначительные повреждения у виновника ДТП и существенный ущерб у автомобиля потерпевшего;

– схема, связанная с массовым предъявлением исков по ОСАГО одними и теми же представителями к одной страховой компании по старым ДТП, имевшим место более одного–двух лет назад. Особенности таких исков являются незначительные заявленные суммы неоплаченного ущерба в совокупности с существенными штрафными санкциями. Как правило, причиной является разглашение недобросовестными сотрудниками страховщика конфиденциальной информации о страховых случаях с указанием контактов потерпевших.

Таким образом, перед судами стоит задача особенно внимательного подхода к рассмотрению дел, связанных со страховыми спорами, поскольку установленные Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и Законом «О защите прав потребителей» существенные штрафные санкции для страховщиков порождают, наряду с добросовестными обращениями исключительно за защитой нарушенного

права, также и значительное количество исков, подаваемых страхователями и их представителями с целью получения необоснованной выгоды. В каждом случае необходимо установление баланса интересов сторон, чтобы, с одной стороны, не допустить необоснованных отказов в защите нарушенного права, а с другой – пресечь случаи недобросовестного поведения.

В заключение считаем необходимым упомянуть о внушительном объеме работ в направлении урегулирования и стандартизации в сфере судебной практики, касающейся рассмотрения страховых споров, что подтверждается, в числе прочего, вынесением ряда постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, связанным со страховой деятельностью. К ним относятся Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», Постановление Пленума № 7 от 24 марта 2016 года «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств». Вышеизложенное позволяет выразить надежду и на дальнейшее улучшение положения дел в исследуемом сегменте.

Пристатейный библиографический список

1. Игбаева Г.Р. Мошенничество в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12 (91). С. 187–189.
2. Обзор судебной практики по ОСАГО, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 года [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References (transliterated)

1. Igbaeva G.R. Moshennichestvo v sfere objazatel'nogo strahovaniya grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'cev transportnyh sredstv // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2015. № 12 (91). S. 187–189.
2. Obzor sudebnoj praktiki po OSAGO, utverzhdennyj Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 22 ijunja 2016 goda [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

АГЗАМОВ Ильдар Марсович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

АЛЕКСЕЕВСКАЯ Екатерина Николаевна – адвокат, член Екатеринбургской коллегии адвокатов «Защита» Свердловской области, 620102, Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 44, оф. 11.

АРУТЮНЯН Марина Самвеловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

АФАНАСЬЕВ Максим Викторович – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов, 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

БАГИРОВ Анар Рамизович – кандидат юридических наук, член президиума Коллегии адвокатов Республики Азербайджан и Комитета по отбору судей при Судебно-правовом совете Республики Азербайджан, 1014, Республика Азербайджан, г. Баку, ул. Физули, д. 49.

БАКЫТОВА Малика Ерлановна – аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета, 720065, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр-т Чуй, д. 42, корпус 7.

БАРСУКОВА Лина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, 683001, Российская Федерация, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, д. 4.

ВАСИК Елена Алексеевна – студент Российского государственного университета правосудия, 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Александровский парк, д. 5.

ВАСИЛЬЕВА Маргарита Ратмировна – аспирант кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета, секретарь судебного заседания отдела обеспечения судопроизводства по уголовным делам первой инстанции Верховного Суда Республики Татарстан, 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

ВАЩЕНКО Юрий Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Волжского университета им. В.Н. Татищева, 445020, Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 16.

ВОЛОС Екатерина Павловна – соискатель кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии, 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.

ЗАВЕРСКИЙ Никита Олегович – магистр юриспруденции, генеральный директор экспертного учреждения АНО «Главная лаборатория судебных экспертиз и исследований», 111020, Российская Федерация, г. Москва, ул.Авиамоторная, д. 1/1, ком. 5.

ЗИНОВЬЕВ Игорь Петрович – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета, 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42.

КАМЫШЕВСКИЙ Владислав Игоревич – кандидат юридических наук, советник Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии, 119121, Российская Федерация, г. Москва, Смоленский бульвар, д. 3/5, стр. 1.

КАНАТОВ Танат Канатович – доктор PhD, докторант Российской государственной академии интеллектуальной собственности, представитель ЕврАзНИИПП в Республике Казахстан, 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Бейбитшилик, д. 71.

КВЯТОВСКИЙ Александр Викторович – студент юридического факультета Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36.

КИСЕЛЁВА Алла Васильевна – кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Южного федерального университета, директор Ростовского филиала Страховой компании «Московия», 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42.

КОЛЕСНИКОВ Юрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор юридического факультета Южного федерального университета, уполномоченный по защите прав потребителей страховых услуг России, 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42.

КОНЮХОВА Анастасия Станиславовна – начальник Международно-правового отдела Московской коллегии адвокатов «Межрегион», 105120, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полуяровский переулок, д. 3, оф. 410.

КОСАРЕНКО Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36.

ЛИНКЕВИЧ Александр Евгеньевич – кандидат социологических наук, начальник кафедры управления в ОВД Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

ЛИТОВКИНА Маргарита Ивановна – юрист, врач, индивидуальный предприниматель, 125476, Российская Федерация, г. Москва, ул. Василия Петушкова, д. 21, корп. 2.

ПОЕЗЖАЛОВ Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

ПОЗДНЯКОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения факультета права Высшей школы экономики, адвокат, 119017, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

ПОЛЫНОВСКИЙ Данил Сергеевич – студент Сахалинского государственного университета, 693003, Российская Федерация, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290.

РАХИМОВ Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

СЕРНОВЕЦ Мария Николаевна – адвокат адвокатской палаты города Москвы, 119002, Российская Федерация, г. Москва, Сивцев Вражек, д. 43.

ТЕПЛОВА Дарья Олеговна – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23-а.

ТОЛМАЧЕВ Павел Александрович – студент Уральского государственного юридического университета, Институт государственного и международного права, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

ТРАПАИДЗЕ Константин Заурович – кандидат юридических наук, доцент МГИМО МИД РФ, адвокат, Председатель коллегии адвокатов г. Москвы «Вашъ юридический поверенный», 101000, Российская Федерация, г. Москва, Покровский бульвар, д. 4/17, стр. 3.

ХИСМАТУЛЛИН Оливер Юрьевич – кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

ЧАШИН Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-восточного государственного университета, председатель Коллегии адвокатов Магаданской области «Дальневосточная», 685000, Российская Федерация, г. Магадан, пр-т Ленина, д. 3, оф. 448.

ЧЕРНАЯ Ольга Олеговна – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1.

ЧЕРНЫШОВА Лидия Владимировна – преподаватель кафедры управления в ОВД Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

ШОЛОХОВА Елена Вячеславовна – студент Финансового университета при Правительстве РФ, 125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49.

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата, 105120, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полудяровский переулок, д. 3/5, стр. 1.

ЮСУПОВ Тимур Ринатович – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

About the authors

AGZAMOV Ildar Marsovich – doctor of juridical sciences, associate professor, the chief of chair of administrative-legal disciplines of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinov St., 2.

AFANASYEV Maxim Viktorovich – post graduate student of chair of of penal law, criminal procedure and criminalistics of Legal institute of the Russian Peoples' Friendship University, 117198, Russian Federation, Moscow, Miklukho-Maclay St., 6.

ALEKSEEVSKAYA Ekaterina Nikolaevna – advocate, member of the Ekaterinburg Bar «Zashchita» of Sverdlovsk region, 620102, Russian Federation, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 44, office 11.

ARUTYUNYAN Marina Samvelovna – candidate of juridical sciences, associate professor of chair of civil disciplines of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinov St., 2.

BAGIROV Anar Ramizovich – candidate of juridical sciences, the member of presidium of Bar of the Republic Azerbaijan and Committee on selection of judges at Judicial and legal council of the Republic Azerbaijan, 1014, Republic Azerbaijan, Baku, Fizuli St., 49.

BAKYTOVA Malika Erlanovna – post graduate student of chair of civil law and process of law faculty of the Kyrgyz-Russian Slavic university, 720065, Kyrgyz Republic, Bishkek, the ave Chui 42, corp. 7.

BARSUKOVA Lina Ivanovna – candidate of juridical sciences, the associate professor of law of the Kamchatka state university, 683001, Russian Federation, Petropavlovsk-Kamchatsky, Pogranichnaya Chair, 4.

CHASHIN Alexander Nikolaevich – candidate of juridical sciences, the associate professor of chair of the theory and history of state and law of Northeast state university, the chairman of Bar of the Magadan region «Far East», 685000, Russian Federation, Magadan, Lenin Ave, 3, office 448.

CHERNAYA Olga Olegovna – the post graduate student of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Russian Federation, Moscow, Vernadsky Ave, 82, p. 1.

CHERNYSHOVA Lidiya Vladimirovna – teacher of chair of management in Internal Affairs of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinov St., 2.

HISMATULLIN Oliver Yuryevich – candidate of juridical sciences, the chief of chair of civil disciplines of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinov St., 2.

KAMYSHEVSKY Vladislav Igorevich – candidate of juridical sciences, the adviser of Development chair of integration of the Eurasian economic commission, 119121, Russian Federation, Moscow, Smolensky Boulevard, 3/5, p. 1.

KANATOV Tanat Kanatovich – doctor PhD, doctoral candidate of the Russian state academy of intellectual property, the representative of EURAZNIIPP in the Republic of Kazakhstan, 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Beybitshilik St., 71.

KISELYOVA Alla Vasilyevna – candidate of juridical sciences, associate professor of law chair of Southern Federal University, director of the Rostov branch of Moskovia Insurance company, 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42.

KOLESNIKOV Yuri Alekseevich – doctor of juridical sciences, professor of law chair of Southern Federal University, the representative for consumer protection of insurance services of Russia, 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42.

KONYUKHOVA Anastasia Stanislavovna – the chief of International legal department of the Moscow Bar «Mezhregion», 105120, Russian Federation, Moscow, Maly Poluyarovskiy Lane, 3, office 410.

KOSARENKO Nikolay Nikolaevich – candidate of juridical sciences, the associate professor of chair of state and legal disciplines of Plekhanov Russian Academy of Economics, 117997, Russian Federation, Moscow, Stremyanny Lane, 36.

KVYATOVSKY Alexander Viktorovich – the student of law chair of Plekhanov Russian Academy of Economics, 117997, Russian Federation, Moscow, Stremyanny Lane, 36.

LINKEVICH Alexander Evgenyevich – candidate of sociological sciences, the chief of chair of management in Internal Affairs of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinov St., 2.

LITOVKINA Margarita Ivanovna – lawyer, the doctor, the individual entrepreneur, 125476, Russian Federation, Moscow, Vasily Petushkov St., 21, a building 2.

POLYNOVSKY Danil Sergeevich – the student of the Sakhalin state university, 693003, Russian Federation, Yuzhno-Sakhalinsk, Lenin St., 290.

POYEZZHALOV Vladimir Borisovich – candidate of juridical sciences, the associate professor, the chief of chair of vocational training of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinov St., 2.

POZDNYAKOVA Elena Aleksandrovna – candidate of juridical sciences,, associate professor of chair of theory of law and comparative jurisprudence of faculty of law of Higher School of Economics, advocate, 119017, Russian Federation, Moscow, Malaya Ordynka St., 17

RAKHIMOV Eldar Harisovich – candidate of juridical sciences, the associate professor of chair of civil disciplines of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinov St., 2.

KANATOV Tanat Kanatovich – doctor PhD, doctoral candidate of the Russian state academy of intellectual property, the representative of EURAZNIIPP in the Republic of Kazakhstan, 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Beybitshilik St., 71.

SHOLOKHOVA Elena Vyacheslavovna – the student of Financial University under the Government of the Russian Federation, 125167, Russian Federation, Moscow, Leningradsky Ave, 49.

SERNOVETS Maria Nikolaevna – advocate of Chamber of Advocates of the city of Moscow, 119002, Russian Federation, Moscow, Sivtsev Vrazhek, 43.

TEPLOVA Darya Olegovna – candidate of juridical sciences, the assistant manager of chair of state and legal disciplines of the East Siberian branch of the Russian state university of justice, 664074, Russian Federation, Irkutsk, Iván Franco St., 23.

TOLMACHEV Pavel Aleksandrovich – the student of the Ural state legal university, 620137, Russian Federation, Yekaterinburg, Komsomolskaya St., 21.

TRAPAIÐZE Konstantin Zaurovich – candidate of juridical sciences, the associate professor of MGIMO, advocate, Chairman of Bar of Moscow «Vash yuridicheski poverenniy», 101000, Russian Federation, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 4/17, p. 3.

VASHCHENKO Yuriy Sergeyevich – candidate of juridical sciences, associate professor, professor of chair of civil law and process of the Volga university of V. N. Tatishchev, 445020, Russian Federation, Samara region, Togliatti, Leningradskaya St., 16.

VASIK Elena Alekseevna – the student of the Russian state university of justice, 197046, Russian Federation, St. Petersburg, Aleksandrovsky park, 5.

VASILYEVA Margarita Ratmirovna – post graduate student of chair of penal law of the Kazan (Volga) federal university, 420008, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya St., 18.

VOLOS Ekaterina Pavlovna – the applicant of chair of civil and a private international law of the Saratov state legal academy, 410056, the Russian Federation, Saratov, Volskaya St., 1.

YUREV Sergey Sergeyevich – doctor of juridical sciences, professor of chair of international law and public disciplines of the Russian academy of legal profession and a notariate, 105120, Russian Federation, Moscow, Maly Poluyaroslavsky Lane, 3/5, p. 1.

YUSUPOV Timur Rinatovich – the teacher of chair of administrative and legal disciplines of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 450103, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinov St., 2.

ZAVERSKY Nikita Olegovich – master of law, CEO of expert institution «Main Laboratory of Judicial Examinations and Researches», 111020, Russian Federation, Moscow, Aviamotornaya St., 1/1, kom. 5.

ZINOVYEV Igor Petrovich – candidate of juridical sciences, associate professor, the dean of law chair of Southern Federal University, 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42.